

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

В. Я. Портяков

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ
В XXI СТОЛЕТИИ

Москва
ИДВ РАН
2015

УДК 327(510)
ББК 66.4(5Кит)
П60

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

*Рецензенты:
д.п.н. В.Е. Петровский, к.филол.н. Е.Н. Румянцев*

*Ответственный редактор:
д.п.н. В.Е. Петровский*

Портяков В.Я.

П60 Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии : монография / В.Я. Портяков. — М. : ИДВ РАН, 2015. — 280 с.

ISBN 978-5-8381-0297-3

В монографии анализируются внешнеполитические заветы архитектора китайских реформ Дэн Сяопина и их воздействие на внешнеполитический курс четвертого поколения лидеров Китайской Народной Республики во главе с Ху Цзиньтао. Рассмотрены первые шаги на международной арене пятого поколения лидеров страны во главе с Си Цзиньпином. Дана оценка перспектив дальнейшего возвышения Китая и его возможных геополитических последствий.

Особое внимание уделено показу развития отношений стратегического партнерства между КНР и РФ.

Книга адресована профессиональным ученым — китаеведам и политологам-международникам, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также всем читателям, интересующимся Китаем.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя политика, заветы Дэн Сяопина, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин, российско-китайские отношения.

**УДК 327(510)
ББК 66.4(5Кит)**

ISBN 978-5-8381-0297-3

© Портяков В.Я., 2015
© ИДВ РАН, 2015

Введение

Предлагаемая вниманию читателей монография представляет собой обобщенный анализ эволюции внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в годы правления четвертого поколения лидеров во главе с Ху Цзиньтао (2002—2012 гг.). На примере Китая выявлены особенности модификации внешней политики одной из крупнейших держав планеты вслед за укреплением ее позиций в мировой экономике. Кроме того, показаны специфика формирования и основное содержание международно-политической платформы XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.). Прослежены первоочередные шаги на мировой арене пятого поколения лидеров КНР во главе с Си Цзиньпином. Обрисованы вероятные контуры внешнеполитической линии нынешнего китайского руководства на период его пребывания у власти. Одновременно на этом фоне рассмотрены динамика и эволюция двусторонних российско-китайских отношений.

Методологической особенностью и структурообразующим стержнем работы стал детальный анализ внешнеполитических заветов Дэн Сяопина и современной дискуссии о необходимости продолжать и далее следовать его формуле «держаться в тени и при этом делать что-то реальное» или же отказаться от нее как устаревшей, не соответствующей возросшим возможностям страны.

Отдельные высказывания Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов по вопросам внешней политики были сведены в обобщенную формулу из 28 иероглифов. В соответствии с нею в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклю-

жие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное». На практике наибольшую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрело выражение «*таогуан янхуй, юсо цзо вэй*» — «держатся в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное».

В работе детально рассмотрена интерпретация в КНР внешнеполитических заветов Дэн Сяопина, в том числе в 12-м томе «Истории международных отношений» (1990—1999) под редакцией Фан Лянцина и Лю Цзиньчжи (издан на китайском языке в 2006 г.). Обосновывая долговременный стратегический характер заветов Дэн Сяопина как руководящего курса внешней политики КНР, авторы «Истории международных отношений» апеллировали прежде всего к тому обстоятельству, что «в соотношении международных сил, характеризующемся силой Севера и слабостью Юга, в течение сравнительно длительного времени не может произойти коренных изменений».

На Западе внешнеполитические заветы Дэн Сяопина стали широко известны в первые годы XXI века, вслед за началом их активной популяризации в КНР. Предпринимались, прежде всего в США, попытки использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна и особенно его формулы «держатся в тени, стараясь ничем не проявлять себя», для обоснования различных модификаций «теории китайской угрозы». Китаю инкриминировалось наличие у него некоей скрытой повестки дня, вынашивание планов военной и материальной подготовки для «отмщения» в подходящий момент западному миру за все прошлые унижения и обиды.

В докладе Конгрессу США «О военной мощи Китайской Народной Республики» за 2004 г. выражение «*таогуан янхуй*» было переведено как *hide our capabilities and bide our time*, то есть «скрывать свои возможности и выигрывать время». Формула была охарактеризована как «одна из ключевых директив Дэна по вопросам обеспечения безопасности и развития Китая», подтверждающая долгосрочную стратегию наращивания его комплексной мощи при краткосрочном приглушении амбиций.

Приверженцам заветов Дэн Сяопина пришлось приложить серьезные усилия, чтобы доказать их позитивную сущность в качестве некоего символического послания, адресованного Китаю миру. Из-

вестный военный политолог Сюн Гуанкай привлек внимание к неточности перевода выражения «таогуан янхуй» на английский язык, что зачастую сознательно использовалось в попытках дискредитации Китая и распространении домыслов о «китайской угрозе». По мнению Сюна, более верная интерпретация данного выражения означает «не выставлять на всеобщее обозрение свои способности». Здесь нет и намека на «сокрытие намерений» и «выигрыш времени для последующей контратаки».

Выдвижение и активная пропаганда в КНР в конце 2003 — начале 2004 г. концепции «мирного возвышения» страны дали толчок дискуссии в китайском экспертном политологическом сообществе о применимости внешнеполитических заветов Дэн Сяопина в существенно изменившейся внутренней и международной обстановке. Чаще стали раздаваться голоса в пользу смещения акцента с принципа «держаться в тени» на вторую часть выражения — «делать что-то реальное». Декларировалась необходимость для КНР занять активную позицию по крупным международным проблемам, не бояться брать контроль над ситуацией в свои руки.

В 2009—2010 гг. на фоне глобального экономического кризиса, относительно благополучно пережитого Китаем, в стране усилилось убеждение, что КНР «поднялась до уровня первоклассной мировой державы и должна восприниматься в этом качестве». Напротив, США в долгосрочном плане стали рассматриваться как «слабеющая держава». Соответственно подвижки в балансе сил между Китаем и США расценивались как часть формирующейся новой структуры современного мироустройства. В Пекине участились призывы показать свою способность «делать что-то реальное», в частности, «набраться мужества и решимости» наказать американцев «за продажи оружия Тайваню и военную деятельность в прилегающих к КНР районах, к которым Пекин ранее относился более-менее толерантно».

Стремясь остудить «головокружение от успехов», чреватое серьезной негативной реакцией значительной части международного сообщества, в июле 2009 г. на совещании послов КНР за рубежом Ху Цзиньтао потребовал от дипломатов продолжать неуклонно следовать внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина. Однако уже в 2012 г. призывы соблюдать «магическую формулу» Дэна носили еди-

нический характер. Напротив, требование «влиять на мир», ставить перед внешней политикой страны более масштабные задачи, переходить от «некоторых действий» на мировой арене к «активным действиям» стали достаточно массовыми. Сегодня очевидно, что дискуссия 2009—2011 гг. носила арьергардный характер и что исторический ресурс заветов Дэн Сяопина четвертьвековой давности близок к исчерпанию.

В монографии рассмотрены подробности выдвижения в КНР концепции «мирного возвышения» страны (глава 2).

Главы 3—5 посвящены политике консолидации российско-китайского стратегического партнерства в середине первого десятилетия XXI века. Детально «прописаны» перипетии двустороннего взаимодействия в непростом для России 2008 г. Отдельно рассмотрены чувствительные вопросы, способные в той или иной мере тормозить процесс углубления взаимного доверия между РФ и КНР.

В главе 6 проанализированы подвижки во внешней политике Китая в 2009—2011 гг., обретение ею более инициативного и напористого характера. Их главной причиной явилось укрепление абсолютных и относительных позиций Китая в мировой экономике при одновременном относительном ослаблении позиций США, Европы, Японии, прежде всего вследствие мирового финансово-экономического кризиса.

В 2009—2010 гг. заметно обострились споры между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии, в первую очередь, Филиппинами и Вьетнамом по вопросу о суверенитете над островами и разграничению шельфа в Южно-Китайском море. Это дало повод США поставить вопрос о необходимости «защиты свободы мореплавания в Южно-Китайском море». США де-факто предложили странам региона использовать связи с Вашингтоном в качестве средства противодействия растущему давлению Китая, что и начало реализовываться на практике. В результате доктрина «возвращения США в Азию» стала выстраиваться как главным образом политика сдерживания растущего влияния КНР в регионе. В главе 7 проанализированы российские оценки «возвращения» США в АТР.

С конца 2010 г. китайское руководство стало вносить определенные коррективы в свою внешнюю политику. Было усилено разъяснение международному сообществу сугубо мирного характера подь-

ема Китая, его неизменной ориентации на «обоюдный выигрыш» и решение любых спорных проблем исключительно путем переговоров и консультаций.

В долговременном плане была поставлена задача существенно нарастить «мягкую силу Китая», прежде всего за счет превращения в «мощную культурную державу».

Вместе с тем было бы неверно полагать, будто Китай после ряда лет апробации более жесткой внешней политики целиком и полностью вернулся к прежнему, докризисному курсу. Это не так.

Взросший экономический потенциал КНР и растущее стремление активно его использовать ощутимо влияют на содержание внешней политики КНР и на ее инструментарий.

Это наглядно проявилось в 2012 г., когда основные особенности внешней политики КНР оказались сформированы задачами выработки международно-политической платформы XVIII съезда КПК, необходимостью оперативного реагирования на динамичные подвижки на мировой арене и потребностями диверсификации внешнеполитического инструментария страны. Их анализ дан в главе 8.

Внешняя политика Китая в первые годы пребывания у власти пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период их ожидаемого нахождения во власти, то есть на десятилетие 2013—2022 гг.

Первой внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага: к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. Ведущие политологи КНР указывают, что как само понятие «китайской мечты», так и ее осуществление на практике имеют существенное международно-политическое измерение. Следует, в частности, ожидать увеличения роли Китая в глобальном управлении, укрепления международных позиций китайского юаня как одной из крупней-

ших мировых валют, роста «мягкой силы» страны вслед за ее «культурным возрождением».

Особенности развития российско-китайских отношений с приходом к власти Си Цзиньпина рассмотрены в главе 9.

Глава 10 посвящена анализу влияния «украинского кризиса» на современное состояние и перспективы развития двусторонних отношений между РФ и КНР.

В заключительной главе проанализированы вероятные перспективы дальнейшего возвышения и внешней политики Китая в следующие десять лет. Сделан вывод, что международная деятельность Китая объективно все более выходит за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина. Пятое поколение лидеров Китая в своей внешней политике явно не намерено оставаться в прокрустовом ложе предписаний Дэна.

В Приложении помещены англоязычные версии пяти глав монографии, что призвано сделать работу более доступной для зарубежных специалистов.

Глава 1

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАВЕТЫ ДЭН СЯОПИНА И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

I

В конце 1980-х — начале 1990-х годов архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, начавший практическую передачу властных полномочий следующему поколению лидеров КПК и КНР во главе с Цзян Цзэмином, высказал ряд рекомендаций по позиционированию Пекина на международной арене в весьма сложной обстановке тех лет. Она, напомним, характеризовалась стремительным демонтажом социализма в Восточной Европе, политическим и экономическим кризисом в СССР, приведшим к дезинтеграции Советского Союза, а вслед за этим — и к прекращению существования биполярной системы международных отношений. Сама КНР после силового вытеснения демонстрантов с площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. стала объектом серьезного политического давления и прямых санкций со стороны ведущих государств Запада.

Отдельные высказывания Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжее, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное»¹. На практике более распространенными оказались сокращенные варианты дан-

ной формулы из 24 и 20 иероглифов, а наибольшую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрело выражение «таогуан янхуй, юсо цзо вэй» — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное». Отчасти из-за наиболее распространенного варианта перевода выражения «*таогуан янхуй*» на английский язык как *keeping a low profile*, охарактеризованный им принцип позиционирования Китая на международной арене в российской политологии стал нередко описываться упрощенной, но по-своему точной формулировкой «не высовываться».

Рекомендации Дэн Сяопина сыграли свою роль в улучшении международной обстановки вокруг Китая, помогли ему избежать участи Восточной Европы и СССР и противостоять давлению и санкциям Запада. Как констатировал Цзян Цзэминь, «практика показала, что это правильный курс». В контексте закрепления на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) теории Дэн Сяопина в качестве важной составной части идейно-политической основы деятельности правящей компартии Китая высказывания Дэна на рубеже 1980-х — 1990-х годов по проблемам внешней политики страны стали трактоваться в КНР как «стратегический курс, важная политическая установка, базирующаяся на долговременных коренных интересах китайского народа и крупных подвижках в международной обстановке и в соотношении сил в мире». При этом Китаю предписывалось «продолжать неуклонно следовать этим стратегическим курсом» и в условиях непрерывного повышения его комплексной мощи и международного статуса².

Начавшаяся в конце 1990-х годов активная пропаганда внешнеполитических заветов Дэн Сяопина сделала их более известными как в самом Китае, так и за рубежом.

С выдвиганием в 2003—2004 гг. концепции «мирного возвышения Китая» молчаливо-настороженное отношение Запада к формуле Дэна как квинтэссенции внешнеполитической стратегии КНР сменилось, прежде всего в США, на негативное. Максима «*таогуан янхуй, юсо цзо вэй*» стала нередко интерпретироваться как «стратегия обмана», включающая такие компоненты, как «сокрытие истинных возможностей», «выигрыш времени» и «выжидание благоприятного момента для удара по противнику». Хотя в возникшем «первом туре» полемики вокруг внешнеполитических заветов Дэн

Сяопина (примерно 2002—2006 гг.) китайские политологи основное внимание уделили критике неверного, по их мнению, понимания на Западе их существа, однако уже тогда были высказаны и первые сомнения в эффективности рецептов Дэна в меняющейся международной ситуации.

Новый всплеск полемики в Китае о степени актуальности внешнеполитических заветов Дэн Сяопина произошел в 2009—2012 гг. на фоне существенного усиления экономической мощи КНР и ее роли в мировой экономике и параллельной активизации внешней политики страны. Следуя установкам руководства страны, многие китайские политологи-международники стремились доказать, что формула Дэна не устарела и сохраняет стратегическое значение для внешней политики КНР на обозримую перспективу. Вместе с тем выявившиеся в ходе обсуждения весьма существенные нюансы в позициях и оценках различных ученых, да и сама внешнеполитическая практика Китая после 2008 г. показали, что вопросы о степени неформальной применимости формулы Дэн Сяопина к внешнеполитическому курсу Пекина и о возможности «удержать» реальную внешнюю политику страны в своего рода «прокрустовом ложе» заветов Дэна оставались вплоть до завершения пребывания Ху Цзиньтао у власти открытыми.

Рассмотрим затронутые выше сюжеты и проблемы более детально.

II

Первые внешнеполитические заветы своим преемникам Дэн Сяопин сформулировал в беседе «с несколькими ответственными товарищами из ЦК КПК» 4 сентября 1989 г. при обсуждении вопроса о подходящем времени и форме его окончательного отхода от непосредственного политического руководства партией и страной. Занявший по рекомендации Дэн Сяопина в июне 1989 г. пост генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминь и его коллеги приняли бразды правления в тяжелой ситуации. Президент США Дж. Буш-старший ввел санкции против Пекина уже 5 июня 1989 г. — на следующий день после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. Было заявлено о прекращении американской стороной контактов с официальными лицами КНР, запрете на поставки оружия и отказе от предоставления кредитов. 6 июня консультации с Китаем

прервало Европейское экономическое сообщество. 16 июля действия Пекина на площади Тяньаньмэнь осудила «семерка», а к санкциям против КНР присоединилось большинство западных стран³. Непростая обстановка сложилась и в самом Китае, где под вопросом оказалась дальнейшая судьба экономических реформ.

Дэн Сяопин постарался развеять вполне возможный в этих условиях пессимизм, заявив о хороших перспективах Китая в случае, если ему удастся стабилизировать политику реформ и открытости. В международных делах, констатировал Дэн, Китаю самому необходимо «укреплять расшатанные позиции» (*вэньчжу чжэньцзяо*), в противном случае другие нанесут нам удар (буквально: «по нашему изму»). Для этого надлежит сохранять бдительность, не расслабляться, придерживаться независимости и самостоятельности, не демонстрировать слабости и не испытывать каких-то чрезмерных опасений. Мировой войны не будет, «а если кто-то и осмелится нанести удар по Китаю, то ничего не добьется — у нас богатый опыт противодействия внешним врагам, разобьем агрессора и вернемся к строительству»⁴.

Касаясь сложных политических процессов в странах Восточной Европы и СССР в тот период (напомним, речь идет о начале осени 1989 г.), Дэн Сяопин охарактеризовал их как беспорядки, подчеркнув одновременно, что их размах и конечный итог прогнозировать преждевременно — пока еще следует «очень хладнокровно наблюдать» (*лэнцизин дэ гуаньча*) за развитием событий. Главный вывод из событий в других социалистических странах — не допустить беспорядков в самом Китае, для чего необходимо как следует делать собственные дела. Хорошая основа для этого есть⁵.

В заключение беседы с «группой товарищей» (в составе которой были, как следует из контекста, все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК) 4 сентября 1989 г. Дэн Сяопин обобщил должный подход Китая к международной ситуации в трех фразах — «хладнокровно наблюдать», «укреплять расшатанные позиции», «проявляя выдержку, справляться с трудностями», — и напоследок призвал не торопиться, действовать хладнокровно, делать как следует собственные дела⁶.

3 марта 1990 г. в еще одной беседе с руководителями партии и страны Дэн Сяопин отметил, что прежняя мировая архитектура

«сейчас рушится, но процесс этот... не подошел к концу, новая архитектура пока не сложилась». На смену американско-советской монополии приходит мир, в котором будет несколько полюсов. «Одним из полюсов можно считать и Китай. Китай не должен себя недооценивать»⁷.

В следующей подобной беседе 24 декабря 1990 г. Дэн Сяопин счел необходимым отреагировать на выразившиеся рядом государств третьего мира пожелания, чтобы функцию мирового лидера в условиях нарастания хаотичности и ослабления позиций СССР и США взял на себя Китай. Мы, сказал он, «ни в коем случае не должны этого делать. Это основа нашей государственной политики. Лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы, поскольку оно сковывает инициативу. Китай никогда не будет претендовать на гегемонию и никогда не будет лезть вперед, на первое место» (*юнюань бу дантоу*).

В то же время, отметил Дэн, «международные проблемы нельзя пускать на самотек. Кое-что необходимо делать» (*юсо цзовэй*). Конкретно Дэн Сяопин предложил «активно способствовать установлению нового международного политического и экономического порядка» и развивать на базе пяти принципов мирного сосуществования отношения со всеми государствами⁸.

5 октября 1991 г. в беседе с Ким Ир Сенем Дэн Сяопин высказал предположение, что на формирование общей структуры мировой архитектуры понадобится порядка десяти лет. В этот период Китаю «следует главным образом наблюдать, поменьше выставлять напоказ свои таланты, проявляя выдержку, справляться с трудностями». В последующем употребленное Дэн Сяопином выражение «*шаолу фэнман*» — «поменьше обнажать острие», не выставлять напоказ свои способности и таланты, не выпячиваться и т. п. — было заменено близким по смыслу, но более многоплановым *чэньюем* (крылатым выражением) «*таогуан янхуй*» — «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»⁹. Так сформировалась базовая формула завета Дэн Сяопина из 20 иероглифов — «*лэнцзин гуаньча, вэньчжу чжэньцзяо, чэньчжо инфу, таогуан янхуй, юсо цзовэй*» — «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

В публикациях в КНР на общественно-политические темы данная формула нередко расширяется до 24 иероглифов с добавлением выражения «*цзюе бу дантоу*» — «ни в коем случае не лезть вперед, на первое место»¹⁰. В то же время, полная формулировка заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов употребляется редко, практически только в специальной литературе. Возможно, это отчасти связано с нежеланием лишний раз упоминать о вероятной «неуклюжести собственных взглядов». Генезис выражения «*шаньюй шоуучжо*» — «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды» и конкретные обстоятельства введения его в оборот Дэн Сяопином остаются неясными, а само оно практически никак не комментируется китайскими политологами — в отличие от всех остальных компонентов внешнеполитических заветов Дэна. О недостаточной популярности данного выражения свидетельствуют и случаи замены одного из входящих в его состав иероглифов другим — «*шаньюй цанчжо*» — «уметь скрывать свои слабые стороны»¹¹. Впрочем, периодически встречается и замена в выражении «*чэньчжо инфу*» — «проявляя выдержку, справляться с трудностями» — иероглифа «фу» сходным по написанию и близким в данном случае по смыслу иероглифом «дуй» (инфу — индуй).

В любом случае, однако, особую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрела редуцированная формула заветов Дэн Сяопина — «*таогуан янхуй, юсо цзовэй*», то есть «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

III

Изначально рекомендации Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были адресованы узкому кругу лиц, входивших в высший эшелон партийно-государственного руководства КНР. По свидетельству профессора Пекинского университета ведущего китайского американиста Ван Цзисы, они были обнародованы в печати и стали известны всему миру примерно в 1996 г.¹² Систематизированное изучение и широкая пропаганда данных заветов Дэна начались после XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.), вслед за уставным закреплением «теории Дэн Сяопина» в качестве одного из основных компонентов идейно-политической платформы деятельности правящей компартии Китая.

В монографии Се Исяня «История дипломатической мысли современного Китая», изданной в 1999 г. в Кайфэне, принципы «хладнокровного наблюдения» и «проявления выдержки в процессе преодоления трудностей» были охарактеризованы как «методология решения крупных проблем, которую необходимо сохранить и в будущем»¹³.

В 2003 г. в работах Лян Шоудэ внешнеполитические заветы Дэн Сяопина были впервые подвергнуты детальному анализу. В монографии «Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая», где Лян выступил в качестве ответственного редактора, максима «держаться в тени, и при этом делать что-то реальное» была охарактеризована как «сердцевина» заветов Дэна и «идеологическая основа большой стратегии Китая». Столь высокая оценка принципа «таогуан янхуй» объясняется тем, что он, по мнению Лян Шоудэ, «вышел за рамки идеологических догм и сделал государственные интересы исходным и конечным пунктом ведения международных дел Китаем и определения его внешнеполитического курса». Вполне логично, что в этом контексте принцип «держаться в тени» квалифицировался не как временная мера, а как «долгосрочная руководящая стратегия, имеющая относительную стабильность»¹⁴.

В монографии «Дэнсяопиновская теория международной политики», написанной в соавторстве с Лю Вэньсяном, Лян Шоудэ дал такую афористичную характеристику внешнеполитической практики КНР, базирующейся на заветах Дэн Сяопина: «не создавать врагов, не вступать в союзы, не претендовать на гегемонию, не лезть в лидеры»¹⁵. Более развернутую интерпретацию получил принцип «делать что-то реальное»: как один из полюсов многополярного мира и крупная мировая держава, Китай должен сделать свой голос в международных делах различимым, он не может перекладывать целиком на других исполнение важной роли в делах Восточной Азии и мире в целом. При определенных условиях он способен побороться за ведущую роль на некоторых направлениях, особенно в делах Восточной Азии»¹⁶.

Весьма примечательным, на наш взгляд, стало содержащееся в работе Ляна и Лю признание за принципом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» функции накопления сил в ожида-

нии подходящего момента для осуществления задуманного и достижения победы¹⁷.

Наиболее детальный анализ заветов Дэн Сяопина был дан в 12-м томе «Истории международных отношений» (1990—1999) под редакцией Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи, изданном в 2006 г. Раздел о них открывал первый параграф «Новое развитие стратегического мышления китайской дипломатии» главы «Многосторонняя многовекторная дипломатия Китая», написанной одним из главных редакторов тома Фан Ляньцином. В работе была приведена развернутая, с новыми нюансами характеристика той международной обстановки, в которой сформировался курс «28 иероглифов». В частности, отмечены перемены в Восточной Европе, распад СССР, объединение двух германских государств, роспуск Организации Варшавского договора, завершение холодной войны, превращение США в единственную сверхдержаву, стремление западных держав добиться «мирного перерождения» Китая. Признавалось, что дело социализма в КНР, ее государственный суверенитет и национальная безопасность столкнулись с серьезным вызовом. В данном контексте Фан Линьцин дал высокую оценку прозорливости Дэн Сяопина и научной глубине его воззрений, которые в виде формулы 28 иероглифов указали «маршрут внешней политики Китая».

С примерами из 3-го тома «Избранного» Дэн Сяопина было рассмотрено существо основных компонентов заветов (за исключением выражения «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды»). Было особо подчеркнуто, что принцип «делать что-то реальное» подразумевает не только сосредоточение усилий на надлежащем осуществлении дела модернизации страны, но и активное содействие делу глобального мира, стабильности и развития, внесение «еще большего вклада в дела человечества».

Обосновывая долговременный стратегический характер заветов Дэн Сяопина как руководящего курса внешней политики КНР, авторы «Истории международных отношений» апеллировали прежде всего к тому обстоятельству, что «в соотношении международных сил, характеризующемся силой Севера и слабостью Юга, в течение сравнительно длительного времени не может произойти коренных изменений»¹⁸.

Разъяснение смысла заветов Дэн Сяопина продолжилось и в дальнейшем. В изданной в 2009 г. Народным университетом Китая под редакцией Ху Шусяна монографии «Дипломатия Китая и международная стратегия развития» была особо подчеркнута неразрывная органическая связь двух аспектов формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное». Кроме того, значительное внимание было уделено разъяснению различных аспектов выражения «таогуан янхуй». Отмечалось, что генетически оно восходит к традиционной культуре Китая, однако Дэн Сяопин придал ему «новое богатое и глубокое научное содержание и новую форму выражения». «Держаться в тени» не означает беспринципных уступок и капитулянтства, такое позиционирование прямо связано с общей линией на независимость и самостоятельность в международных делах. Следование данным курсом, предполагающим отказ от чрезмерного акцента на конфронтацию и поиск разумных компромиссов, помогло Китаю построить нормальные отношения с крупными державами, улучшить отношения с соседями и нарастить свой вес и активность в региональных делах¹⁹.

В посвященной заветам Дэн Сяопина статье сотрудника Восточно-Китайского педагогического университета Хуан Чжэнбая в юбилейном сборнике, приуроченном к 60-летию дипломатии КНР, центральным стал мотив диалектического единства принципов «держаться в тени и при этом делать что-то реальное». Стержневая идея данной формулы, по мнению автора, состоит в правильном выстраивании взаимоотношений между имеющимися у страны возможностями и ее внешней политикой: «нельзя, подобно сверхдержавам, лезть во все дела в мире и истощать собственные силы»; «многочисленные факты свидетельствуют, что возвышение какой-либо страны и выстраивание ее международного статуса являются результатом длительного накопления комплексной мощи... и даже при возросших возможностях страна по-прежнему должна решать проблему, как действовать соразмерно имеющимся силам, что стоит делать, а что нет»²⁰.

Наконец, заслуживает упоминания учебник профессора Фунданьского университета Янь Шэнъи «Современная дипломатия Китая», где заветы Дэн Сяопина были рассмотрены не изолированно, а

в качестве одного из элементов его общего подхода к современным международным отношениям, целям, приоритетам и принципам внешней политики КНР²¹.

IV

На Западе внешнеполитические заветы Дэн Сяопина стали широко известны в первые годы XXI века, вслед за началом их активной популяризации в КНР. По времени это ознакомление совпало с явно насторожившим многих в мире выдвижением концепции «мирного возвышения» Китая, последовавшим за постановкой на XVI съезде КПК задачи увеличения за 20 лет валового внутреннего продукта страны в 4 раза. Появились, прежде всего в США, попытки использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна, особенно его формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя», для обоснования различных модификаций «теории китайской угрозы». Китаю инкриминировалось наличие у него некоей скрытой повестки дня, вынашивание планов военной и материальной подготовки для «отмщения» в подходящий момент западному миру за все прошлые унижения и обиды.

С наибольшей прямотой и последовательностью эта линия проводилась в серии ежегодных (с 2002 г.) докладов Конгрессу США «О военной мощи Китайской Народной Республики», готовившихся под эгидой канцелярии секретаря по делам обороны.

В докладе за 2004 г. была приведена традиционная формула заветов Дэн Сяопина из 24 иероглифов, при этом выражение «таогуан янхуй» было переведено как *hide our capabilities and bide our time*, то есть «скрывать свои возможности и выигрывать время». Формула была охарактеризована как «одна из ключевых директив Дэна по вопросам обеспечения безопасности и развития Китая», подтверждающая долгосрочную стратегию наращивания его комплексной мощи при краткосрочном приглушении амбиций²².

В докладе за 2005 и 2006 г. со ссылкой на публикацию в гонконгском журнале «Цзинбао» («Зеркало») от 25 ноября 1991 г. была приведена видоизмененная формулировка заветов Дэн Сяопина: второй элемент традиционной формулы — *«вэньчжу чжэньцзяо»* — был заменен на выражение *«чжаньвэнь цзяогэнь»* («твердо стоять на ногах»), а за *«таогуан янхуй»* следовало выражение *«шаньюй -*

шоучжо», которое и переводилось как *bee good at maintaining a low profile* — «уметь держаться в тени». В обоих докладах стратегии Дэн Сяопина из 24 иероглифов были посвящены специальные врезки²³.

В Китае выразили недовольство переводом чэньюя «таогуан янхуй» как «скрывать свои возможности и выигрывать время» и интерпретацией военными кругами США заветов Дэн Сяопина в целом, особенно в связи с их потенциальным влиянием на общественное мнение не только в США, но и во всем международном сообществе. Директор Института исследований Ближнего Востока Шанхайского университета международных исследований Чжу Вэйле привел пример с книгой о внешней политике Китая, опубликованной в 2005 г. бывшим послом Сирии в КНР, где «таогуан янхуй» было переведено как «выжидать и воздерживаться до появления подходящего момента для контратаки». Практически, подчеркнул Чжу Вэйле, весь внешний мир подпал под влияние США, что привело почти к всеобщей интерпретации формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» как «выигрыш времени для контратаки» с конечной целью ослабить позиции США²⁴.

Масла в огонь подлили некоторые китайские политологи, предложившие во избежание недопонимания отказаться в дальнейшем от использования формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», поскольку, по их мнению, у большинства китайцев она вызывает устойчивую ассоциацию с историческим персонажем эпохи «Весны и Осени» (770—476 гг. до н.э.) Гоу Цзянем. Чтобы не дать ослабнуть чувству мести, захваченный в плен Гоу Цзянь «спал на хворосте и питался желчью», то есть сознательно поставил себя в суровые условия. Его имя в Китае стало синонимом долготерпения ради будущего отмщения обидчикам²⁵.

Приверженцам заветов Дэн Сяопина пришлось приложить серьезные усилия, чтобы доказать их позитивную сущность самих по себе и особенно в качестве «месседжа», символического послания, адресованного Китаем миру.

Бывший заместитель начальника Генерального штаба НОАК, известный военный политолог Сюн Гуанкай привлек внимание к неточности перевода выражения «таогуан янхуй» на английский

язык, что зачастую сознательно использовалось в попытках дискредитации Китая и распространении домыслов о «китайской угрозе». По его словам, в 2006 г. у него была возможность лично обратиться внимание бывших госсекретарей США Дж. Шульца и Г. Киссинджера на повторение из года в год в американских докладах о военной мощи КНР неверной трактовки данной формулы. При этом Сюн Гуанкай посетовал, что неточный перевод дается не только в иностранных справочниках, но и в словарях, изданных в Китае²⁶.

В самом деле, бывший одним из наиболее употребительных в течение многих лет китайско-английский словарь, подготовленный факультетом английского языка Пекинского института иностранных языков, переводит выражение «таогуан янхуй» как *hide one's capacities and bide one's time*, то есть «скрывать чьи-либо возможности и выигрывать время»²⁷.

По мнению Сюна, более верную интерпретацию данного выражения дал изданный в сентябре 2009 г. в Шанхае «Полный словарь китайского языка» (6-е издание), где нашла отражение «душа» формулы «таогуан янхуй», а именно: «не выставлять на всеобщее обозрение свои способности». Здесь нет и намека на «сокрытие намерений» и «выигрыша времени для последующей контратаки». Не вполне точным считает Сюн и часто встречающийся перевод «таогуан янхуй» как *keep a low profile*. Этот вариант перевода не отражает всей глубины китайского выражения. Как полагает Сюн, поиск адекватного варианта перевода обсуждаемой формулы на английский язык имеет «жизненно важное значение» для проецирования благоприятного образа Китая в мире²⁸.

Дополнительным аргументом в поддержку позиции Сюн Гуанкая можно считать следующее обстоятельство: когда в КНР действительно вели разговор о мести, там использовали другие выражения, нежели «таогуан янхуй». По свидетельству польского китаевода Д. Мержеевского, изучающего особенности и эволюцию внешнеполитической риторики Пекина, в выступлении Цзян Цзэминя в мае 1999 г., после попадания американской бомбы на территорию посольства КНР в Югославии в Белграде, было употреблено выражение «*восинь чандань*» — «преодолеть все трудности, готовясь к мщению», «с упорством готовиться к мщению»²⁹.

Большое внимание было уделено также показу цивилизационного контекста и подбору исторических примеров, призванных адекватно раскрыть подлинную суть выражения «таогуан янхуй». И Сюн Гуанкай, и Чжу Вэйле указали на несостоятельность проведения параллелей между курсом Китая «не выделяться, держаться в тени» и поведением Гоу Цзяня — они совершенно различны по целям и методам. «Гоу Цзянь в своем стремлении отомстить делал ставку на войну, он жаждал гегемонии, тогда как Китай следует стратегии «не проявлять себя, держаться в тени» в целях продвижения дела мира и развития, налаживания взаимосвязей и сотрудничества, обеспечения общего выигрыша, достижения гармонии на региональном и глобальном уровнях»³⁰.

Истоки поведенческой модели, базирующейся на принципе «держаться в тени», были найдены в описаниях действий мудрецов периода Южных и Северных династий (420—589 гг.), оставлявших общественную жизнь и уединявшихся для углубленных размышлений³¹. Применение же самого выражения в качестве чэньюя было датировано концом XIX века и связано с именем Чжэн Гуанина — видного предпринимателя и общественного деятеля, заметной фигуры «ста дней реформ». Хотя он занимал ряд важных постов и активно защищал экономические интересы Китая, выступая против иностранного засилья, в обществе и на людях Чжэн держался весьма скромно, не выпячивал свои заслуги, подчеркивая, что «озабочен своей старостью, слабыми способностями и поверхностным знанием *И цзина* (Книги перемен)»³². Родовой дом семьи Чжэн Гуанина является ныне музеем и одной из достопримечательностей Аомэня (Макао).

Глава Китайской ассоциации народной дипломатии Ян Вэньчан полагает, что скромная, осмотрительная, благоразумная манера поведения соответствует традиционным ключевым ценностям китайцев. Такая модель поведения способствует хладнокровному наблюдению, глубоким размышлениям, учету ситуации в целом. Принцип «держаться в тени» пригоден как для трудных времен, так и для периода успехов. Он является важной предпосылкой для реализации рекомендации «делать что-то реальное». И именно последовательное долговременное соблюдение данного принципа позволит сделать действия Китая на международной арене максимально точными³³.

В свою очередь, Чжу Вэйле полагает, что стратегия «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» может рассматриваться как вклад китайской культуры в «философию среднего курса». По его мнению, переход от «молчаливой реализации» данного курса к его широкому публичному разъяснению необходим для того, чтобы развеять беспочвенные подозрения в США и Европе, а в дальнейшем превратить этот завет Дэн Сяопина в еще один общественный продукт, который Китай предлагает международному сообществу³⁴.

Выдвижение и активная пропаганда в КНР в конце 2003 — начале 2004 г. концепции «мирного возвышения» страны (вскоре сам этот термин был заменен на понятие «мирное развитие») дало толчок дискуссии в китайском экспертном политологическом сообществе о применимости внешнеполитических заветов Дэн Сяопина в существенно изменившейся внутренней и международной обстановке.

По свидетельству Бонни Глэйзер и Эвана Медейроса, в Китае наблюдались отдельные выступления экспертов против концепции «мирного возвышения» на том основании, что она противоречит принципу «держаться в тени», составляющему сердцевину заветов Дэна: Китай, декларировали они, должен быть более скромным³⁵.

Однако гораздо чаще раздавались голоса в пользу смещения акцента с принципа «держаться в тени» на вторую часть выражения, а именно: «делать что-то реальное». При этом использовалась аргументация двоякого рода. Во-первых, утверждалось, что политика «таогуан янхуй» не дает желаемого результата. «Стратегия США по сдерживанию Китая представляет собой объективную и неизбежную реальность. Дерево хочет покоя, но ветер продолжает дуть. Следовать дальше курсом «ничем не проявлять себя» означает на деле уподобиться страусу, прячущему голову в песок в случае опасности»³⁶. Во-вторых, констатировалось то обстоятельство, что в условиях подъема Китая и расширения сферы его национальных интересов весьма трудно объяснить сохранение приверженности Пекина принципу «держаться в тени». Более того, настойчивое подчеркивание такой приверженности на деле вызывает повышенную подозрительность, препятствует созданию миролюбивого образа Китая в мире и провоцирует появление различных версий теории «китайской угрозы»³⁷.

В связи с этим декларировалась необходимость для КНР занять активную позицию по крупным международным проблемам, не бояться брать контроль над ситуацией в свои руки, то есть, образно говоря, «перейти от стратегии спортсмена-серфингиста, приспособляющегося к волнам, к стратегии «создателя волн», к сознательному формированию благоприятной международной среды для мирного подъема страны»³⁸.

В 2009—2010 гг. на фоне глобального экономического кризиса, относительно благополучно пережитого Китаем, в стране усилилось убеждение, что в расстановке сил в мире происходят серьезные изменения. Многие китайцы, включая официальных лиц, уверовали, что КНР «поднялась до уровня первоклассной мировой державы и должна восприниматься в этом качестве». Напротив, США в долгосрочном плане стали рассматриваться как «слабеющая держава». Соответственно, подвижки в балансе сил между Китаем и США расценивались как часть формирующейся новой структуры современного мироустройства³⁹.

Не заставила себя ждать и более жесткая, чем прежде, защита Китаем своих интересов, особенно в прилегающих к стране морских акваториях и в Азии в целом.

С другой стороны, в США в подобных действиях Китая усмотрели свидетельство его «более гегемонистского подхода к региону»⁴⁰, то есть, попросту говоря, желание усилить свои позиции здесь, в том числе и за счет Вашингтона. В Пекине же стали раздаваться призывы поубедительнее продемонстрировать свою способность «делать что-то реальное», в частности, «набраться мужества и решимости» наказать американцев «за продажи оружия Тайваню и военную деятельность в прилегающих к КНР районах, к которым Пекин ранее относился более-менее толерантно» (скорее, вынужден был терпеть)⁴¹.

Стремясь остудить «головокружение от успехов», чреватое серьезной негативной реакцией значительной части международного сообщества, в июле 2009 г. на 11-м совещании послов КНР за рубежом Ху Цзиньтао потребовал от дипломатов продолжать придерживаться курса «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»⁴².

Наказ лидера КНР наложил отпечаток на дискуссию об актуальности принципа «держаться в тени». В печати признавалось, что

часть населения и экспертного сообщества страны считает его «устаревшим», однако прямого доступа к ведущим СМИ сторонники этой точки зрения почти не получали⁴³.

Напротив, разъяснения необходимости для Китая сохранять приверженность данному курсу усилились.

Среди аргументов наиболее часто фигурировал призыв к объективной оценке реальной мощи Китая и его международного статуса, что было призвано пресечь распространение в обществе необоснованного чрезмерного оптимизма и показать необходимость для страны не зазнаваться, оставаться скромной и благоразумной — а именно в этом как раз и заключается один из глубинных смыслов формулы «таогуан янхуй».

Так, в комментариях ведущего китайского политического еженедельника «Ляован» к теоретическим новациям Ху Цзиньтао по международным вопросам (концепция «гармоничного мира» и т. д.) было особо подчеркнuto, что «ситуация лидерства развитых стран по комплексной мощи и конкурентоспособности в ключевых сферах не изменилась» и что, несмотря на необратимость тенденции становления многополярного мира, «в соотношении международных сил базовым остается положение, характеризующееся силой Севера и слабостью Юга, силою Запада и слабостью Востока»⁴⁴.

Ван Цзисы, констатируя несомненный выход Китая по мощи на первое место в Азии, одновременно подчеркнул, что он, тем не менее, не может говорить от лица региона, как это делают Германия или Бразилия, что у КНР нет политических или военных союзов ни с одной соседней страной, тогда как в регионе есть союзы, направленные против Пекина. Ван призвал также не недооценивать Японию, которая по «мягкой силе», культурному влиянию и национальному духу не уступает Китаю, плюс имеет союз с США. Не надо, по его мнению, пренебрежительно относиться и к Европе — по комплексной мощи и глобальному политическому влиянию Китай уступает ей⁴⁵.

Бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, охарактеризовав формулу «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» как «важное наследие, оставленное Дэн Сяопином в сфере дипломатии», подчеркнул ее сохраняющуюся актуальность по меньшей мере в двух аспектах. Это, во-первых, реалистический подход к делу,

прагматизм, состоящий в том, чтобы решать в данный момент «именно сегодняшние вопросы, а не завтрашние и послезавтрашние». Во-вторых, гибкость, имманентно присущая курсу «таогуан янхуй» и особенно подходящая для решения спорных проблем: «если твои аргументы не принимают, не надо слишком торопиться, нужно показать свою правоту и выгоды своей позиции для противника»⁴⁶.

Вместе с тем дискуссия 2009—2012 гг. показала, что многие сторонники сохранения официальной приверженности КНР внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х годов осознают наличие определенного «зазора», разрыва между рекомендациями двадцатилетней давности и современным позиционированием страны на международной арене. Поэтому, например, заместитель директора Китайской академии современных международных отношений Ван Цуньбин предложил придерживаться курса «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» (который, по его мнению, изначально «обладал качеством экстренной политической тактики») не буквально, а творчески, включая его в общую стратегию мирного развития Китая и строительства гармоничного мира и используя для защиты национальных интересов с позиций рационального прагматизма⁴⁷.

Ван Цзисы полагает, что огромная часть внешнеполитической деятельности Китая сегодня не относится к сфере действия принципа «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя». Это связано с двумя моментами. Во-первых, принцип «таогуан янхуй» описывает лишь манеру поведения, но не стратегические цели страны и средства их достижения. Во-вторых, сегодняшние вызовы для КНР исходят не только от главных соперников и конкурентов из числа развитых и развивающихся государств, но и от международных организаций, общественных движений и от некоторых глобальных проблем — таких, как ухудшение окружающей среды. Поэтому, считает Ван Цзисы, ныне использование принципа «таогуан янхуй» должно носить более избирательный характер. Он по-прежнему может играть руководящую роль в выстраивании отношений с США, но вряд ли эту стратегию следует применять к отношениям Китая с Индией. В целом же, по мнению Ван Цзисы, Китаю надлежит впредь придерживаться не буквы, а «духа» данной формулы Дэн Сяопина⁴⁸.

* * *

Дискуссию в КНР об актуальности и подлинном смысле внешнеполитических заветов Дэн Сяопина нельзя считать некоей схоластической абстракцией. Напротив, она имеет важное практическое значение, будучи составной частью сложного и достаточно длительного процесса адаптации внешней политики Китая к усилению собственных позиций в мире и к меняющейся международной обстановке. Столкнувшись с преимущественно негативной реакцией, прежде всего США и части соседского окружения, на свою более активную и напористую, чем раньше, внешнюю политику в период 2009—2010 гг., Пекин, можно сказать, рефлекторно попытался вернуться к сослужившему ему добрую службу прежнему образу субъекта международных отношений, не претендующего на лидерство где бы то ни было.

Судя по всему, определенные просчеты были допущены и в оценке изменения соотношения сил в мире, когда Америку явно поспешили зачислить в «слабеющие державы». Именно в данном контексте, на мой взгляд, следует воспринимать стремление придать «второе дыхание» внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина, в какой-то мере поощрявшееся китайским руководством в 2009—2012 гг.

Похоже, однако, что исторический ресурс «магической формулы» Дэн Сяопина из 28 иероглифов как комплексного единого целого близок к исчерпанию. Складывается устойчивое ощущение, что дискуссия 2009—2012 гг. носила арьергардный характер и что период доминирования заветов Дэн Сяопина как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается. Формула Дэна из 28 иероглифов, равно как и ее сердцевина — принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», выполнили свою изначальную защитно-ограничительную миссию, помогли Китаю сосредоточиться на собственной модернизации и обеспечить благоприятствующую ей внешнюю среду. Сегодня внешняя политика Китая «находится в новом исходном пункте» (выражение бывшего министра иностранных дел, а ныне члена Госсовета КНР Ян Цзечи), вступает в новый этап.

На протяжении трех десятилетий, которые можно считать «эпохой Дэна Сяопина во внешней политике страны» (1978—2008 гг.),

Китай, по выражению профессора Е Цзычэна из Пекинского университета, решал задачу «менять себя, адаптироваться к внешнему миру». Теперь одной только адаптации недостаточно. Отныне Китай, продолжая изменять себя, будет стремиться «влиять на мир». Это диктуется как новым статусом страны в мире и изменениями в международной обстановке, так и текущими и долговременными интересами КНР. Возросшая мощь и внутренние достижения страны позволяют переходить к более широкой и глубокой внешней политике, ставить перед ней более масштабные задачи⁴⁹. Как полагает профессор Школы международных отношений Пекинского университета Ван Ичжоу, Китаю предстоит перейти от «некоторых действий» (*юсо цзовэй*) к «активным действиям» (*цзици цзовэй*), стать строителем и «если не руководителем, то важным участником международной системы, имеющим свои взгляды и предложения по большинству международных проблем»⁵⁰.

С соблюдением приличествующего в подобных случаях пиетета и церемониала наступающий новый этап внешней политики Китая характеризуется как «продолжение этапа Дэн Сяопина»⁵¹. Что же, вполне вероятно, что отдельные компоненты заветов Дэна будут и далее достаточно часто употребляться и в дипломатии, и в пропаганде, особенно такие, как «хладнокровно наблюдать», «уметь защищать собственные взгляды» — они, пожалуй, справедливы в любое время для любой страны. Однако, как представляется, даже в случае сохранения в арсенале внешней политики КНР формальной приверженности заветам Дэн Сяопина сами они будут наполняться все новым и новым, отличным от первоначального содержанием, более адекватным современным международным реалиям и статусу КНР в мире.

Примечания

¹ Полная формулировка внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов, как правило, дается в версии, приведенной в опубликованном в КНР в 2002 г. сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой. (Цзян Цзэминь. Лунь ю Чжунго тэсэ шэхуйчжуи. Пекин, 2002. С. 520). Наиболее близкий к китайскому оригиналу русскоязычный вариант этой

формулы содержится в переводе данного сборника на русский язык под редакцией Ю.М. Галеновича — см.: Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой. Т. II—III. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 473.

² Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань (1990—1999) : [История международных отношений]. Том 12 / отв. ред. Фан Ляньцин, Лю Цзиньчжи. Пекин, 2006. С. 545.

³ Се Исянь. Дандай Чжунго вайцзюа сысян ши : [История дипломатической мысли современного Китая]. Кайфэн, 1999. С. 374.

⁴ Дэн Сяопин вэньсюань. Ди сань цзюань : [Дэн Сяопин. Избранное. Т. 3]. Пекин, 1993. С. 319—320. В «Избранном» Дэн Сяопина, изданном в Пекине на русском языке под эгидой Бюро переводов при ЦК КПК, «*вэньчжу чжэньцзюа*» переведено как «Китаю самому приходится укреплять свои позиции» — Дэн Сяопин. Избранное. Том III (1982—1992). Пекин, 1994. С. 402.

⁵ Там же. С. 320.

⁶ Там же. С. 321. В русскоязычном издании «Избранного» Дэн Сяопина «*чэньчжо инфу*» было переведено как «реакция должна быть сдержанной».

⁷ Дэн Сяопин. Избранное. Том III. С. 443 (на русском языке).

⁸ Там же. С. 456.

⁹ Ху Шусян (гл. ред.) Чжунго вайцзюа юй гоцзи фачжань чжаньлюе яньцзю : [Дипломатия Китая и международная стратегия развития]. Пекин. 2009. С. 62.

¹⁰ Например, формулировка в составе 24 иероглифов фигурирует в статье Лун Пинпина «Во всем исходить из интересов народа» в подборке статей журнала «Ляован», посвященных 90-летию КПК. (Ляован. 27.06.2011. С. 25.)

¹¹ Лян Шоудэ (гл. ред.) Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси : [Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая]. Пекин,. 2003. С. 312.

¹² Ван Цзисы. Чжунго дэ гоцзи динвэй вэньти юй «таогуан яньхуй, юсо цзоувэй» дэ чжаньлюе сысян : [Проблема международного позиционирования Китая и стратегический принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»] // Чжунго вайцзюа. Пекин. 2011. № 7. С. 6. Бонни Глэйзер и Эван Медейрос называют конкретный источник, содержащий внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и пояснения к ним тогдашнего министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. Это сборник статей под редакцией Ван Тайпина «Исследования идей Дэн Сяопина в сфере дипломатии» (Дэн Сяопин вайцзюа сысян яньцзю луньвэньцзи, Пекин, 1996). — Bonnie Glaser and Evan Medeiros. The Changing Ecology of Foreign Policy-Making in China: The Ascension and Demise of the Theory of «Peaceful Rise» — China Quarterly. London. No. 190. June 2007. P. 291—310, здесь — p. 305.

¹³ Се Исянь. Цит. соч. С. 386.

- ¹⁴ Лян Шоудэ (гл. ред.). Дэн Сяопин лилунь юй дандай... С. 314—318.
- ¹⁵ Лян Шоудэ, Лю Вэньсян. Дэн Сяопин дэ гоцзи чжэнчжи лилунь : [Дэн-сяопиновская теория международной политики]. Наньцзин, 2003. С. 178.
- ¹⁶ Там же. С. 182.
- ¹⁷ Там же. С. 179.
- ¹⁸ Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань — (1990—1999). Пекин, 2006. С. 541—545.
- ¹⁹ Ху Шусян (гл. ред.). Чжунго вайцзяо юй гоцзи... С. 62—66.
- ²⁰ Хуан Чжэнбай. Дэн Сяопин «таогуан янхуй, ю со цзовэй» сысян дэ чжаньлюе ии : [Стратегическое значение идеи Дэн Сяопина «держаться в тени и при этом делать что-то реальное»] // Синь Чжунго вайцзяо люши нянь : [60 лет дипломатии нового Китая]. Пекин, 2010. С. 121—130.
- ²¹ Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань) : [Современная дипломатия Китая. 2-е издание]. Шанхай. 2009. С. 6—12.
- ²² Annual report of the military power of the People's Republic of China (2004), URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2004.pdf>, p. 9.
- ²³ URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2005.pdf>; URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf>
- ²⁴ Zhu Weilie. On Diplomatic Strategy of «Keeping a Low Profile and Taking a Proactive Role When Feasible» — *Global Review*, Shanghai, Vol. 6. No. 3. May/June 2010. P. 2.
- В России близкий к американскому вариант перевода выражения «таогуан янхуй» — «скрывать свои возможности, выигрывая время» — дан в работах М.В. Мамонова. См., напр.: «Система внешнеполитических приоритетов современного Китая» // «Современная мировая политика. Прикладной анализ» / под ред. А.Д. Богатурова; М., 2009. С. 415—437, здесь — с. 418. В то же время, в монографии Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (Москва, Дипломатическая академия МИД России, 2006, С. 89—90) воспроизведен вариант перевода заветов Дэн Сяопина в сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой.
- ²⁵ По свидетельству Чжу Вэйле, данную точку зрения высказал известный специалист по международным отношениям Китая Е Цзычэн в статье, опубликованной в журнале «Тайпинянь сюебао» («Тихоокеанский вестник»). 2002. № 1. — Zhu Weilie. Op. cit. P. 2—3.
- ²⁶ Xiong Guangkai. China's Diplomatic Strategy: Implication and Translation of «tao guang yang hui». — *International Strategic Studies*, Beijing, 4th Issue, 2010. P. 1—2.
- ²⁷ A Chinese-English Dictionary. Пекин, 1978. С. 668. Отметим, что перевод на русский язык, приведенный в известном китайско-русском «Шанхайском словаре», точнее передает смысл оригинала: «стремиться ничем не проявлять себя; замкнуться в себе и ничем не выделяться; держаться в тени». — Китайско-русский

словарь. Пекин, 1989. С. 880. Словарь получил обиходное название «шанхайский», поскольку был подготовлен Шанхайским институтом иностранных языков.

²⁸ Xiong Guangkai. *Op. cit.* P. 3—4.

²⁹ D. Mierzejewski. From Pragmatism to Morality. The Changing Rhetoric of Chinese Foreign Policy. Lecture in Denver University, February 2012. URL: <http://www.du.edu/korbel/china/forums/dominic.html>

³⁰ Zhu Weilie. *Op. cit.* P. 4.

³¹ Ян Вэньчан. «Таогуан янхуй»: бода цзиншэнь : [«Держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»: широкий и глубокий смысл] // Гуанмин жибао. 07.11.2011.

³² Ян Вэньчан. Цит. соч.; Zhu Weilie. *Op. cit.* P. 4.

³³ Ян Вэньчан. Цит. соч.

³⁴ Zhu Weilie. *Op. cit.* P. 10—11.

³⁵ Bonnie Glaser and Evan Medeiros. *Op. cit.* P. 305.

³⁶ Чжу Вэйле ссылается на статью Ван Юйшэна «Переосмысливая курс, держаться в тени» в журнале «Хуаньцю», 2004, № 7 — Zhu Weilie. *Op. cit.* P. 3.

³⁷ Zhu Liqun. China's Foreign Policy Debate. Institute for Security Studies, European Chaillot Papers. September 2010. P. 51. Чжу Лицюнь цитирует статью Гао Фэя в журнале «Тайпинян сюэбао». 2006. № 1.

³⁸ Zhu Liqun. *Op. cit.* P. 51—52.

³⁹ Kenneth Liberthal and Wang Jisi. Addressing U.S.—China Strategic Distrust. John Thornton China Center Monograph Series. Brookings, Washington. Number 4. March 2012. P. 8—9.

⁴⁰ Kenneth Liberthal and Wang Jisi. *Op. cit.* P. X.

⁴¹ Kenneth Liberthal and Wang Jisi. *Op. cit.* P. 16.

⁴² Ян Вэньчан. Цит. соч.

⁴³ Одно из немногих исключений — статья сотрудника Института США АОН Китая Юань Цзижуна «Китай должен восстановить «величие династий Хань и Тан» в сборнике статей из газеты «Хуаньцю шибао» «Дискуссии в Китае»: [Чжунго яо хуйфу «Хань Тан сюнфэн» — Чжэнбянь Чжунго («Хуаньцю шибао»)]. Шанхай, 2010. С. 194—195.

⁴⁴ Чжан Сяотун. Ху Цзиньтао шидайгуань дэ Чжунго чжучжан : [Позиция Китая в концепции современной эпохи Ху Цзиньтао] // Ляован. 23.11.2009. С. 33.

⁴⁵ Ван Цзисы. Цит. соч. Чжунго вайцзяо. 2011. № 7. С. 3—4.

⁴⁶ У Цзяньминь. Цзайлай игэ хуаньцзин ши нянь : [Размышления о международной обстановке для Китая на ближайшие 10 лет] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 9. С. 3—5.

⁴⁷ Ван Цуньбин. Лунь чуаньцаосин цзяньчи «таогуан янхуй, юсо цзо вэй» : [О творческом следовании курсом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»] // Чжунго вайцзяо. 2011. № 4. С. 3—8.

⁴⁸ Ван Цзисы. Цит. соч. // Чжунго вайцзяо. 2011. № 7. С. 6.

⁴⁹ Е Цзычэн. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: да го вайцзяо цзин каоянь дэ и нянь : [Внешняя политика Китая — 2011: год испытаний для дипломатии державы] // Цинь Чаоинь (гл. ред.). Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцянъ гоцзи гонэй чжун дэ синши фэньси. 2010—2011 няньду баогао : [Китай у колеса истории — анализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010—2011 годы]. Пекин, 2011. С. 119—120.

⁵⁰ Чжан Диюй. Чжунго шифоу ин цзяцян цзежу гоцзи шиу — «чуаньцао син цзежу» юй Чжунго вайцзяо пяньдуань : [Должен ли Китай усилить вовлеченность в международные дела — «новаторская вовлеченность» и эпизоды из внешней политики Китая] // Шицзе чжиши. Пекин, 2012. № 2. С. 21.

⁵¹ Там же.

Глава 2

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В 2002—2008 ГОДАХ

В существе и в форматах реализации внешней политики КНР в период после проведения в Пекине Олимпийских игр (август 2008 г.) и вспышки мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. произошли заметные изменения, привлечшие повышенное внимание как международной общественности, так и экспертного китаеведного и более широкого политологического сообщества. Можно говорить о таких новациях, как окончательное обретение Китаем статуса глобального игрока в современной системе международных отношений, возросшая напористость и жесткость КНР в проведении своего внешнеполитического курса и особенно при отстаивании так называемых «ключевых национальных интересов», попытки нарастить «мягкую силу» страны, прежде всего за счет более широкого «выхода вовне» китайской культуры — по аналогии с политикой «выхода вовне» китайского бизнеса.

Закономерно возникает вопрос: явились ли эти новации своеобразным отрицанием международно-политического курса страны в предшествующий период, или же, напротив, их истоки и предпосылки можно выявить и проследить как раз в первой половине правления четвертого поколения лидеров современного Китая?

Именно поэтому анализ внешней политики КНР в период 2002—2008 гг. как на концептуальном, так и на практическом уровне представляет особый интерес.

Разумеется, этот период внешней политики КНР в плане его изучения отнюдь не являет собой *terra incognita*. Концепция «мирного возвышения» Китая привлекла экстраординарное внимание

международного сообщества. Определенное внимание было уделено и пришедшему ей на смену лозунгу «мирного развития» Китая, а также концепции «гармоничного мира», выдвинутой Ху Цзиньтао в сентябре 2005 г. в выступлении в Организации Объединенных Наций.

Вместе с тем при немалом количестве исследований по отдельным аспектам и направлениям внешней политики КНР периода 2002—2008 гг. попытки дать ее обобщенную картину носили, можно сказать, единичный характер, по крайней мере, в отечественном китаеведении¹. Да и конкретные обстоятельства и нюансы продвижения концепции «мирного возвышения» Китая и ее замены на «мирное развитие» прояснены далеко не полностью.

Общепризнанным автором и инициатором популяризации концепции «мирного возвышения» считается известный китайский политолог, бывший исполнительный директор Партийной школы при ЦК КПК Чжэн Бицзянь, в начале 2000-х годов имевший прямой выход на лидеров страны. Временем и местом публичного обнародования концепции провозглашен форум в городке Боао (Хайнань), проведенный осенью 2003 г. (был перенесен с традиционного апреля из-за эпидемии атипичной пневмонии). В Интернете легко отыскать подборку статей и выступления Чжэн Бицзяня о «мирном возвышении» Китая, впервые изданную в США в 2005 г. на английском языке².

Однако эта каноническая версия нуждается в уточнении. Как свидетельствует профессор Института международных отношений Фуданьского университета Жэнь Сяо, толчком к формулированию идеи «мирного возвышения» как «возможного нового пути для Китая» послужили беседы Чжэн Бицзяня в декабре 2002 г. в США со многими бывшими и действующими влиятельными американскими политиками, в т.ч. с Генри Киссинджером, Збигневом Бжезинским, Кондолизой Райс. По итогам поездки Чжэн подготовил записку для Ху Цзиньтао, что привело к созданию специальной группы во главе с Чжэн Бицзянем по разработке концепции «мирного возвышения» Китая³.

Еще более существенно то обстоятельство, что Чжэн Бицзянь, похоже, не был первым и единственным китайским экспертом, предложившим общественности понятие и сам термин «мирное воз-

вышение» Китая. Ряд зарубежных китаеведов напоминает о сходной идее Янь Сюэтуна из Университета Цинхуа, выдвинутой еще в 1998 г. Можно сказать, что идея просто витала в воздухе, и ее могли озвучить практически одновременно сразу несколько ученых.

Так, еще в сентябре 2002 г., то есть в преддверии XVI съезда КПК, в серии «Изучение важной идеи Цзян Цзэминя о тройном представительстве» мизерным для Китая тиражом в 3500 экземпляров была издана небольшая авторская монография известного шанхайского политолога-международника Хуан Жэньвэя «Время и пространство возвышения Китая»⁴. Не знаю, насколько ценят Хуан Жэньвэя в экспертных и руководящих кругах КНР, но его удивительно точные и прозорливые рецепты десятилетней давности с позиций сегодняшнего дня воспринимаются как абсолютно четкая «дорожная карта» усиления позиций Китая в мировой политике и экономике в опоре на благоприятные международные факторы, которая была весьма последовательно реализована на практике в период пребывания у власти Ху Цзиньтао. Для примера: уже тогда Хуан Жэньвэй предлагал всемерно использовать членство в ВТО для утверждения в мировом сообществе образа Китая как «ответственной державы», ставил вопрос о необходимости усиления конкурентоспособности «мягкой силы» страны как обязательном условии ее возвышения, рассматривал включение Китая в перераспределение ресурсов глобального рынка и в реорганизацию производственных цепочек (с переносом значительной части перерабатывающей промышленности именно в КНР) как «исторический шанс для осуществления страной скачкообразного развития»⁵. Хочу обратить особое внимание на само название книги Хуан Жэньвэя. «Временем возвышения» Китая стало именно десятилетие лидерства Ху Цзиньтао — при всех возможных оговорках и побочных эффектах. А пространством своего возвышения Китай сделал всю мыслимую триаду — небо и космос (создание самолета-невидимки, запуск космонавтов, орбитальной космической станции, начало осуществления лунной программы), водные акватории (обширная программа наращивания ВМФ, пуск в строй первого авианосца, жесткая борьба за утверждение суверенитета над островами близлежащих морей, активное освоение находящихся в КНР верховий трансграничных рек), землю — в самых разных формах экономической экспансии

вплоть до прямой масштабной аренды и закупки земельных участков за рубежом.

Как известно, формально концепция «мирного возвышения» Китая была достаточно быстро — уже на рубеже 2004—2005 гг. заменена концепцией «мирного развития» страны, активно используемой по сей день китайской пропагандой.

Однако, как совершенно справедливо заметил Жэнь Сяо, данная замена является не «кончиной» концепции «мирного возвышения», а скорее терминологическим компромиссом, призванным успокоить критиков. В данном контексте заслуживают упоминания два обстоятельства. Во-первых, против широкого использования термина «мирное возвышение» выступило Министерство иностранных дел КНР, усмотревшее в нем противоречие с ключевым заветом Дэн Сяопина «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя», который тогда олицетворял официальное позиционирование страны на мировой арене. Во-вторых, уже после официального введения в оборот термина «мирное развитие» проект исследования самых различных аспектов стратегии «мирного возвышения» Китая параллельно продолжался под патронажем Ху Цзиньтао. Споры о предпочтении «развития» или «возвышения» достигли кульминации на XVII съезде КПК в 2007 г., где по этому вопросу была проведена специальная дискуссия. Вполне можно солидаризироваться с мнением Жэнь Сяо, что «мирное возвышение» стало не только «заявлением Китая о намерениях», но и «новой философией китайской внутренней и внешней политики»⁶.

Вполне вероятно, что из вышесказанного можно сделать вывод, будто Китай на деле остался верен концепции «мирного возвышения», облагородив внешний, явленный миру фасад своей политики на мировой арене успокаивающей и устраивающей всех картиной «мирного развития».

Что же, этого исключать нельзя — в том плане, что, по китайской традиции, «мирное возвышение» сохранилось как более откровенный разговор «для своих», а «мирное развитие» оказалось в большей мере адресовано внешнему миру. Однако это мало что меняет. Китаю в принципе была не нужна какая-либо тайная геополитическая повестка дня. Поставив на XVI съезде КПК задачу увеличения ВВП страны за двадцать лет в четыре раза, Пекин в открытую сказал

миру о себе, своих геополитических целях и их вероятных последствиях все, что требовалось. Остальное — прямое производное от стратегических ориентиров, оглашенных в ноябре 2002 г. Добавим, что и неизменные заверения Пекина в его приверженности пути сугубо мирного развития не предотвращают появление в мире новых модификаций теории «китайской угрозы» и, что еще более важно, никак не препятствуют использованию Китаем весьма жестких методов защиты своих интересов, особенно провозглашенных «ключевыми».

В практической внешней политике КНР периода 2002—2008 гг. есть целый ряд сюжетов и эпизодов, которые в ретроспективном плане вызывают повышенный интерес.

Прежде всего это антияпонские демонстрации в Китае в апреле 2005 г., призванные показать неприятие китайской стороной трактовки в японских учебниках событий военного времени 1937—1945 гг. В свете последующих раундов обострения китайско-японских отношений в сентябре 2010 г. и особенно в августе—сентябре 2012 г. можно констатировать, что события апреля 2005 г. были не случайным эпизодом, а первым актом «разведки боем» в длительной борьбе КНР с Японией за лидерство в Восточной Азии.

Весьма любопытны и попытки графически отобразить уровень отношений КНР с ведущими государствами мира. Соответствующие

Таблица 1. Оценка уровня отношений Китая с великими державами в 2006—2007 гг.

Наименование	2006		2007			
	январь	декабрь	март	июнь	сентябрь	декабрь
Россия	7,6	7,7	7,7	7,8	7,8	8,0
Франция	6,0	6,3	6,3	6,3	6,3	6,4
Германия	5,7	5,8	5,8	5,8	5,8	5,8
Индия	5,0	5,3	5,3	5,3	5,3	5,5
Великобритания	4,9	5,0	5,0	4,9	4,9	5,1
США	1,0	2,1	2,0	1,8	1,4	1,6
Япония	-2,5	-1,7	-1,3	-0,5	-0,3	0,5

Источник: Расчеты НИИ международных проблем Университета Цинхуа (максимум — 9 баллов) — Сяньдай гоцзи гуаньси : [Современные международные отношения]. Пекин., 2007. № 1. С. 63; № 4. С. 61; № 7. С. 61; № 10. С. 61.

схемы с 2005—2006 гг. в течение ряда лет публиковал раз в квартал журнал «Современные международные отношения» («Сяньдай го-цзи гуаньси»), а затем публикация была перенесена в некоторые другие издания (например, в ведущий китайский еженедельник «Ляован»), правда, на нерегулярной основе. Хотя сторонние эксперты весьма критически оценивали сами эти оценки (например, отношения с США в китайском обществе оценивались гораздо выше, чем следовало из заниженных по политическим соображениям данных вышеупомянутых публикаций), однако самостоятельную ценность имели ранжирование ведущих государств по уровню их отношений с КНР и сам их перечень: Россия, Франция, Германия, Индия, Великобритания, США, Япония (табл. 1).

В целом, на наш взгляд, между внешней политикой КНР периодов 2002—2008 гг. и 2009—2012 гг. существует очевидная преемственность как на концептуальном, так и на инструментальном уровнях.

Примечания

¹ См.: Уянаев С.В., Сафронова Е.И. От «мирного возвышения» к «гармоничному миру»: эволюция концептуального обоснования внешнеполитического курса КНР в начале XXI века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIII. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 115—134.

² China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997—2004. URL: www.brookings.edu/fp/events/20050616bijianlunch.pdf

³ Ren Xiao. China's Possible New Path — East Asian Policy, Singapore, 2010, № 3, pp. 33—38. Здесь — р. 34.

⁴ Хуан Жэньвэй. Чжунго цзюеци дэ шицзянь хэ кунцзянь : [Время и пространство возвышения Китая]. Шанхай, 2002. Хуан Жэньвэй — сотрудник Шанхайской Академии общественных наук, один из ответственных редакторов ежегодного (с 2003 г.) «Доклада о международном статусе Китая».

⁵ Хуан Жэньвэй. Указ. соч. С. 84—85.

⁶ Ren Xiao. Op. cit. P. 35.

Глава 3

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА (1992—2007)

Распад СССР и последовавшее за ним конституирование Российской Федерации в качестве самостоятельного государства стали отправной точкой формирования и развития современных российско-китайских отношений. Этот процесс имеет собственную логику и в решающей степени определяется национально-государственными интересами России и Китая, их местом в международном разделении труда и геополитическом позиционировании. Вместе с тем многие важные особенности современных российско-китайских отношений могут быть адекватно поняты лишь в контексте предшествующего интенсивного взаимодействия двух государств, история которого в общей сложности насчитывает около 400 лет.

Хотя в почти 400-летнем опыте межэтнического общения России и Китая «бывало всякое», однако, по оценке академика М.Л. Титаренко, «доминирующей тенденцией в них было добрососедство, взаимовлияние, взаимообогащение культурными ценностями»¹.

При всех непростых перипетиях отношений Цинского Китая с царской Россией между двумя соседними государствами, как считает российский политолог-китаевед А.Д. Воскресенский, «на протяжении почти трехсот лет... царил мир: Россия и Китай никогда не были в состоянии формально объявленной войны, и в принципе им всегда удавалось... восстанавливать стабильное равновесие посредством дипломатических переговоров»². Именно в этот период была постепенно определена и юридически закреплена линия прохождения рос-

сийско-китайской границы, с некоторыми уточнениями сохранившаяся до настоящего времени³. А учреждение в Пекине в 1715 г. Русской духовной миссии, просуществовавшей до 1954 г., положило начало контактам и все более глубокому взаимному познанию народов, культур и религиозных конфессий двух государств⁴.

Драматические мировые потрясения первой половины XX столетия предопределили весьма сложный, многоплановый характер российско-китайского взаимодействия в период 1911—1949 гг. Вероятно, новые исследования, ведущиеся на базе ранее недоступных архивных материалов⁵, позволят со временем уточнить пока остающиеся во многом дискуссионными оценки его конкретных нюансов и общих итогов. Однако, на наш взгляд, при любых возможных модификациях взглядов на события тех лет помощь, оказанная Советской Россией революционной борьбе и антияпонской войне китайского народа, представляет собой серьезный вклад в суммарный позитивный багаж двусторонних отношений.

Отношения СССР с провозглашенной 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республикой прошли фазы «вечной дружбы» 1950-х годов, усиления межпартийных и межгосударственных разногласий и даже открытой враждебности 1960-х — 1970-х годов, трудной нормализации 1980-х годов. В научных сообществах РФ и КНР и по сей день нередки несовпадающие оценки коренных причин возникновения и разрастания советско-китайского раскола: в Китае пальму первенства отдают будто бы сложившемуся в двусторонних отношениях фактическому неравенству с очевидным перекосом в пользу СССР⁶, а в России основную ответственность возлагают на Мао Цзэдуна с его левачеством и непомерными амбициями⁷.

Гораздо важнее, однако, то обстоятельство, что Москва и Пекин сумели извлечь должные исторические уроки и смогли, говоря словами Дэн Сяопина, «закрывать прошлое и открывать будущее». Нормализация отношений, символически оформленная визитом в КНР М.С. Горбачева в мае 1989 г., дала весьма мощный и долговременный импульс, позволивший партнерам после распада СССР достаточно плавно перейти от советско-китайского к российско-китайскому формату взаимодействия.

В Протоколе переговоров заместителей министров иностранных дел РФ Г.Ф. Кунадзе и КНР Тянь Цзэнпэя о межгосударственных

российско-китайских отношениях, состоявшихся в Москве 27 декабря 1991 г., было отмечено, что основные принципы, определенные в двух советско-китайских коммюнике 1989 и 1991 (по итогам визита в СССР Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя в мае месяце) годов, остаются и руководящими принципами развития российско-китайских отношений. При этом стороны выразили готовность «развивать отношения дружбы и сотрудничества в политической, торгово-экономической, военно-технической, научно-технической, культурной и других областях»⁸.

Во многом ключевой для закладки прочного фундамента двусторонних отношений в новом формате 1992 год был ознаменован подписанием целой серии важных соглашений о сотрудничестве в торговле, военно-технической сфере, о принципах привлечения китайских граждан для временной трудовой деятельности в России, о содействии России в сооружении на территории Китая атомной электростанции. Подытожил начальный этап взаимодействия постсоветской России с Китаем визит в КНР Президента РФ Б.Н. Ельцина в декабре 1992 г. Подписанная по его итогам Совместная декларация об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой зафиксировала, что две страны «рассматривают друг друга как дружественные государства». Были намечены основные контуры сотрудничества РФ и КНР на международной арене и двустороннего взаимодействия, поставлена задача дальнейшего укрепления и выведения отношений между двумя государствами «на новый уровень»⁹.

Успешное продвижение практического двустороннего сотрудничества дало России и Китаю основание в 1994 г. квалифицировать свои отношения как «новые отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования». Констатировалось, что «эти отношения не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран»¹⁰. А в Совместной декларации от 25 апреля 1996 г. Россия и Китай провозгласили решимость «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»¹¹.

Своеобразным итогом развития двусторонних отношений в 1992—2000 гг. и одновременно ориентиром их совершенствования на двадцатилетнюю перспективу стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, подписанный главами двух государств В.В. Путиным и Цзян Цзэмином в Москве 16 июля 2001 г.

В Договоре обобщенная характеристика российско-китайских отношений была изложена как «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие» (статья 10)¹².

Уже достигнутые результаты взаимодействия России и Китая в рамках стратегического партнерства весьма весомы.

Лидеры двух стран неоднократно декларировали общность или близость позиций России и Китая по основным международным проблемам, в том числе в совместных декларациях «О многополярном мире и формировании нового международного порядка» (1997 г.) и «О международном порядке в XXI веке» (2005 г.). Сходство позиций России и Китая по важным международным проблемам прошло проверку практикой во время развития кризисных ситуаций вокруг бывшей Югославии и вокруг Ирака, в ходе дискуссий о реформе Организации Объединенных Наций. Сегодня консультации по международной проблематике ведутся в формате большинства департаментов министерств иностранных дел РФ и КНР.

Все заметнее проявляется *весомое воздействие российско-китайских отношений* стратегического партнерства на *общую систему международных связей*, особенно благодаря их активной роли в таком представительном международном объединении, как Шанхайская организация сотрудничества, и в таких важных многосторонних диалоговых механизмах, как шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР, шестисторонние консультации по ядерной программе Ирана, трехсторонний диалог Россия—Китай—Индия.

Пожалуй, без большого преувеличения можно утверждать, что выдвинутая в США концепция «Большой Центральной Азии» и подталкивание Австралии к присоединению к японо-американскому оборонительному союзу призваны нейтрализовать или, как минимум, сбалансировать усиление позиций Китая, России и влияния российско-китайского сотрудничества на азиатском континенте.

Создан и постоянно совершенствуется многоуровневый механизм двустороннего российско-китайского сотрудничества. Неод-

нократные ежегодные встречи лидеров двух стран проводятся во все более разнообразных форматах. Так, в 2006 г. В.В. Путин и Ху Цзиньтао встречались, помимо официального визита Президента РФ в КНР, «на полях» саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге и в рамках саммитов АТЭС, ШОС и СВДМА. Регулярный характер обретает российско-китайский стратегический диалог в формате член Госсвета КНР — секретарь Совета безопасности РФ. Положено начало финансовому (министры финансов) и экономическому (госкомитет по делам развития и реформ КНР — МЭРТ РФ) диалогам двух стран. Созданы и провели первые заседания подкомиссии по охране окружающей среды и сотрудничеству в области гражданской авиации и авиастроения, рабочая группа по миграции. В стабильном режиме действуют «большие» подкомиссии по сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарной сферах. С 1996 г. на ежегодной основе проводятся встречи глав правительств, посвященные, в первую очередь, развитию взаимной торговли — а ее объем по сравнению с началом 1990-х годов возрос десятикратно.

Все более широкой становится и география межрегионального двустороннего взаимодействия. В торгово-экономические, образовательные и культурные обмены вовлечены большинство субъектов Российской Федерации и практически все административные единицы КНР провинциального уровня.

Трудно переоценить значение окончательного решения вопроса о прохождении границы между Россией и Китаем, ознаменованное завершением работ на местности по демаркации границы между двумя странами на островных участках близ Хабаровска и на р. Аргунь в соответствии с соглашением от 14 октября 2004 г.

Важную роль в укреплении социальной базы стратегического партнерства играет взаимное проведение национальных годов — Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г. Наряду с весомой политической и экономической повесткой дня, программы национальных годов ориентированы на то, чтобы дать мощный долговременный импульс углублению знакомства широких слоев населения двух стран с традиционной и современной культурой друг друга, формированию в российско-китайских отношениях устойчивого климата взаимного доверия.

В целом можно констатировать, что в российско-китайских отношениях сохраняется возвышательная тенденция и что положительный фон в их развитии доминирует. Симптоматично, что эксперты Института международных проблем Университета Цинхуа (Пекин) по состоянию на первый квартал 2007 г. дали российско-китайским отношениям наивысшую оценку в 7,7 балла по сравнению с оценкой китайско-французских отношений в 6,3 балла, отношений с Индией в 5,3 балла и отношений с США (охарактеризованных как «обычные» в отличие от «дружественных» отношений с Россией) — в 2,1 балла¹³.

Вместе с тем, на наш взгляд, существуют и значительные резервы для углубления двусторонних отношений между РФ и КНР, а их практическая реализация не лишена некоторых трений и шероховатостей, которые, будучи оставлены без должного внимания и своевременного исправления, способны привести к пробуксовке и даже коррозии сложившейся модели российско-китайского стратегического партнерства. Судя по всему, именно с учетом подобных обстоятельств Председатель КНР Ху Цзиньтао в ходе переговоров с Президентом РФ В.В. Путиным 26 марта 2007 г. выступил с предложением о необходимости для России и Китая «стать искренними партнерами в политическом сотрудничестве, доверяющими друг другу», «стать партнерами в торгово-экономическом сотрудничестве, придерживающимися взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», «стать партнерами по сотрудничеству в области безопасности на принципах сплоченности и взаимной помощи»¹⁴.

В данном контексте заслуживает всемерной поддержки зафиксированное в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г. намерение сторон «придерживаться линии на координацию и углубление своего стратегического взаимодействия во внешнеполитических делах с целью создания благоприятной международной обстановки для развития двух стран». Принципиально важно, однако, подчеркнуть, что, во-первых, такое взаимодействие достигается отнюдь не автоматически, но, напротив, реализуется на практике только путем постоянных целенаправленных усилий обеих сторон, и что, во-вторых, вполне естественное наличие у России и Китая собственных, далеко не во всем совпадающих национальных интересов, в том числе в тех или иных регионах мира, подчас делает задачу ко-

ординации политики двух государств по конкретным направлениям и проблемам весьма непростой.

В последнее время наиболее успешно *российско-китайское взаимодействие идет в формате ШОС*. Здесь чувствуется глубокая заинтересованность и России, и Китая в стратегической стабильности в Центральной Азии перед лицом того вызова, который объективно являются собой угроза «цветных революций» и присутствие в регионе воинского контингента стран НАТО в Афганистане, в запуске эффективного механизма практического экономического сотрудничества в ШОС, наконец, в обеспечении социально-экономического развития центральноазиатских государств-членов ШОС и улучшении их отношений друг с другом. О готовности Китая считаться с объективными политическими реалиями и учитывать особые интересы России в постсоветских государствах Центральной Азии свидетельствует включение в Совместную декларацию от 26 марта 2007 г. положения о намерении РФ и КНР «всячески содействовать расширению связей Шанхайской организации сотрудничества с Евразийским экономическим сообществом и Организацией договора о коллективной безопасности», где, как известно, ведущая роль принадлежит России.

Вместе с тем, коль скоро на Западе, да и в ряде российских СМИ, не прекращаются спекуляции относительно якобы неизбежного обострения российско-китайских противоречий в Центральной Азии, то России и Китаю следовало бы обсудить те проблемы на центральноазиатском треке, которые потенциально чреваты конфликтом интересов.

Если судить по формальным признакам, то *развитие сотрудничества между Китаем, Россией и Индией* продвигается вполне успешно. В июле 2006 г. в Санкт-Петербурге «на полях» саммита «Большой восьмерки» состоялась первая трехсторонняя встреча на высшем уровне, в начале 2007 г. прошла новая встреча министров иностранных дел трех государств. Однако наполнение «остова» сотрудничества в трехстороннем формате конкретным материальным содержанием идет крайне медленно. Более того, периодически вновь возникают те или иные шероховатости в попарных отношениях в формате треугольника. Индия негативно реагирует на строительство при содействии Китая морских портов в Пакистане и

Мьянме и на поставку Китаем в Пакистан военных самолетов с моторами, произведенными по российской лицензии. Китай с плохо скрываемым неудовольствием реагировал на пуски ракет «БраМос» совместного индийско-российского производства и абсолютно негативно — на повышение экспортных пошлин на вывозимую из Индии железную руду (КНР является одним из основных ее импортеров). Подливают масла в огонь и подозрения китайской стороны, будто Россия поставляет или готова поставлять в Индию более современную военную технику, нежели в Китай¹⁵.

На наш взгляд, более плотное взаимодействие в трехстороннем формате позволило бы мало-помалу снять эти и иные препятствия, развеять взаимные подозрения и устранить основания для них. Кроме того, набор российско-китайско-индийским взаимодействием определенной «критической массы» сделал бы его менее подверженным корродирующему влиянию внешних сил и преходящих конъюнктурных факторов.

Несколько однобокий характер носит *российско-китайское взаимодействие в Северо-Восточной Азии*. Хотя нынешний акцент в нем на урегулирование ситуации вокруг ядерной программы КНДР вполне оправдан, он явно не может компенсировать фактическое выпадение России и ее Дальнего Востока из интеграционных процессов в регионе. Разумеется, Россия, до недавнего времени как-то индифферентно относившаяся к региональной интеграции, должна пройти свою часть пути. Новая стратегия и долгосрочная целевая Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья предполагают существенную интенсификацию взаимодействия российского Дальнего Востока с соседями по Северо-Восточной Азии. Показательно в этом плане предложение В.В. Путина Ху Цзиньтао «разработать план двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири»¹⁶, стратегию развития которых, как отмечено в Совместной декларации РФ и КНР от 26 марта 2007 г., можно было бы координировать с возрождением старых промышленных баз Северо-Востока Китая. Вместе с тем, на наш взгляд, Китай мог бы внести свою лепту в создание в регионе атмосферы, более благоприятной для реализации интеграционного потенциала российского Дальнего Востока. Для начала, в частности, речь могла бы идти о подключении министра иностранных дел России к ежегодным

встречам коллег из Японии, Китая и Республики Корея — хотя бы в порядке эксперимента.

Формы реализации отношений стратегического партнерства между Россией и Китаем *на глобальном уровне* не являются данными раз и навсегда. Напротив, они должны реагировать как на общие изменения международной обстановки, так и на подвижки во внешнеполитических концепциях и практическом курсе самих РФ и КНР. На наш взгляд, сегодня достаточно актуальной является задача адаптации двустороннего взаимодействия на глобальном уровне, с одной стороны, ко все более четко вырисовывающейся ориентации России на независимую и самостоятельную внешнюю политику и, с другой стороны, к очевидному усилению комплексной мощи и международного влияния Китая.

Складывается впечатление, что в Китае тщательно анализируют тенденции усиления жесткости во внешней политике России и ее большей решительности в отстаивании своих интересов, в том числе в отношениях с США и на постсоветском пространстве, пока, однако, избегая однозначной оценки этих явлений. В данном плане показательна весьма неопределенная реакция официального Пекина на выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. В ответ на просьбу журналистов прокомментировать критические замечания Президента России в адрес США представитель МИД КНР Цзян Юй ограничилась замечанием о необходимости для всех стран мира «приложить совместные усилия для создания гармоничного мира»¹⁷. Также в умиротворяющем духе был выдержан и развернутый комментарий агентства Синьхуа «В каком направлении развиваются американско-российские отношения?», согласно которому американско-российские отношения уже не возвратятся во времена холодной войны... «в отношениях между двумя странами будет сохраняться дух сотрудничества при наличии определенных трений»¹⁸. Тем самым Китай, по сути дела, дает понять, что он не готов открыто принять сторону России в ее трениях с США. Вероятно, здесь сказывается как нежелание Пекина осложнять собственные непростые отношения с США, так и стремление не слишком акцентировать те международные тенденции, которые не вполне вписываются в выдвинутую китайским руководством концепцию «гармоничного мира».

В этой связи обращает на себя внимание отсутствие в российско-китайских документах, подписанных на высшем уровне — Совместных декларациях РФ и КНР от 21 марта 2006 г. и 26 марта 2007 г. — четкого положения о приверженности двух стран «становлению многополюсного мироустройства», которое присутствовало, например, в Совместном российско-китайском коммюнике от 3 июля 2005 г. Близкие по сути к идее многополюсного мира призывы «содействовать коллективным началам и демократизации международных отношений», «сохранять разнообразие культур и цивилизаций» выдержаны, на наш взгляд, в более мягкой тональности.

Вышеприведенный анализ призван не бросить упрек китайской стороне в будто бы недостаточной поддержке России в условиях осложнения ее отношений с США (для этого просто-напросто нет даже формальных оснований — ведь российско-китайское стратегическое партнерство не носит союзнического характера и не направлено против третьих стран), но лишь подчеркнуть ту мысль, что сверкой и актуализацией своих позиций по вопросам стратегической стабильности и подвижек в мировой архитектонике Китай и Россия должны заниматься постоянно.

В настоящее время *подвижки в мировой архитектонике* в немалой степени *связаны с возвышением Китая*. КНР в 2006 г. заняла 4-е место в мире по годовому производству ВВП (около 2,7 трлн долл), 3-е место — по объему внешней торговли товарами (1760 млрд долл) с неплохой перспективой дальнейшего усиления своей роли в мировой экономике и торговле. Хотя с точки зрения международных позиций в целом некоторые китайские эксперты скромно оценивают КНР как «региональную державу с определенным глобальным влиянием»¹⁹, ее присутствие во все новых и новых географических зонах и сферах мировой политики с каждым годом ощущается все заметнее.

Как известно, в мире активно обсуждаются вопросы вероятных последствий возвышения Китая, возможного отношения к этому феномену и выбора того или иного варианта политической или экономической реакции на него. Не осталась в стороне от этих дискуссий и Россия, где в целом, судя по опросам общественного мнения, неизменно превалирует позитивное отношение к Китаю, оценка его как нынешнего и будущего стратегического партнера, друга или со-

юзника Российской Федерации²⁰. Поэтому вполне естественно, что руководство России и значительная часть интеллектуальных сил российского общества видят в динамичном стабильном Китае серьезный стимулирующий фактор развития и решения социально-экономических проблем самой Российской Федерации. Важно подчеркнуть, что линии на долговременное совместное развитие двух стран придерживается не только значительная часть российских китаеведов²¹, силы левого политического спектра, но и некоторые деятели праволиберального толка²².

Вместе с тем какая-то часть российского общества сохраняет настороженность, а иногда и негативное отношение к возвышающемуся Китаю. В значительной мере это вызвано тем психологическим дискомфортом, который чувствуют некоторые жители России из-за ее ощутимых различий в населении (соотношение 1:9) и масштабах экономики (соотношение ВВП примерно 1:3, объемов внешней торговли 1:4) с государством-соседом, которое к тому же еще совсем недавно было, казалось бы, далеко позади по всем основным социально-экономическим параметрам²³. Обычно подобный дискомфорт не артикулируется открыто, а камуфлируется призывами к защите национального рынка и отечественных производителей от наплыва китайских товаров и требованиями предотвратить превращение России в ресурсно-сырьевой придаток Китая. Думается, что наращивание полноформатного взаимовыгодного двустороннего сотрудничества, выстраиваемого с учетом интересов и тех или иных озабоченностей страны-партнера, последовательная многоплановая работа по улучшению образа Китая в России и устойчивое развитие самой России позволят в конечном счете изжить предубеждения и заблуждения такого рода. Процесс этот, однако, вряд ли будет быстрым, в том числе и по причине регулярных попыток весьма активных прозападных сил в России целенаправленно формировать в российском общественном мнении искаженный, априори отрицательный образ Китая, развитие которого будто бы ни много ни мало «будет означать конец России как самостоятельной мировой державы»²⁴.

Немало новых моментов появилось в последние годы в российско-китайских *торгово-экономических отношениях*. Хотя в 2006 г. объем взаимного товарооборота вырос, по данным китайской тамо-

женной статистики, до 33,386 млрд долл. по сравнению с 29,103 млрд долл. в 2005 г., нельзя не отметить существенного *снижения динамики темпов роста* российско-китайской торговли. Если в 2003—2005 гг. ежегодные темпы ее прироста превышали 30 %, то в 2006 г. они снизились до 14,7 %. Этот показатель ниже темпов прироста внешнеторгового товарооборота как Китая (23,8 %), так и России (29,2 %), что свидетельствует о некотором снижении доли партнеров во внешней торговле каждой из стран. При этом снижение темпов прироста коснулось как российского экспорта (прирост в 2006 г. составил 10,5 % по сравнению с 31 % в 2005 г. и 24,7 % в 2004 г.), так и импорта — соответственно 19,8 % в 2006 г. по сравнению с 45,2 % в 2005 г. и 51 % в 2004 г.²⁵ Так что задача доведения двустороннего товарооборота в 2010 г. минимум до 60 млрд долл. (в 1,8 раза больше, чем в 2006 г.) может оказаться сложнее, чем это виделось при ее первоначальном выдвигении.

Сохраняются и даже усугубляются определенные *перекосы в структуре взаимной торговли*. Если Китай поступательно наращивает в своем экспорте в Россию долю машин и оборудования — с 8,2 % в 2000 г. до 20 % в 2005 г. и 29 % в 2006 г., то в российском экспорте в КНР доля машин и оборудования, напротив, упала с 28,7 % в 2001 г. и 20,1 % в 2002 г. до 1,2 % в 2006 г., тогда как доля нефти и нефтепродуктов выросла с 10,2 % в 2001 г. до 53,9 % в 2006 г. (Физический объем поставок нефти из России в КНР составил около 16 млн т при общем ее импорте Китаем 145,18 млн т)²⁶.

Россия, однако, не оставила намерений диверсифицировать структуру двусторонней торговли за счет продвижения на китайский рынок высокотехнологичных товаров, прежде всего машин, оборудования, гражданской авиатехники. Китайская сторона демонстрирует готовность идти навстречу России в этом вопросе. Так, достигнута договоренность о создании Китайско-российской палаты в сфере торговли машинами и оборудованием. Согласно заявлению В.В. Путина, в ходе российско-китайских переговоров на высшем уровне в марте 2007 г. обсуждались вопросы совместной работы в области высоких технологий, энергетике, в том числе атомной, в авиации²⁷. Российская сторона все активнее экспонирует на авиасалоне в Чжухае новейшую авиатехнику гражданского назначения, считая, что она вполне может конкурировать с доминирующими на

китайском рынке «Боингами» и «Аэробусами»²⁸. В целом, на наш взгляд, позитивные сдвиги в структуре российского экспорта в КНР вполне возможны, но это требует времени и общего облагораживания структуры экономики и внешней торговли России.

Активно развивается российско-китайское *сотрудничество в сфере добычи и транспортировки углеводородов*.

С началом строительства в 2006 г. нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) развеялась существовавшая несколько лет атмосфера напряженных ожиданий и неопределенности, что немало способствовало улучшению общего климата в российско-китайских отношениях, причем не только торгово-экономических. В связи с некоторым отставанием дополнительной разведки и уточнения запасов нефти в месторождениях Восточной Сибири и Дальнего Востока стали высказываться опасения, что нефтепроводу ВСТО в обозримой перспективе трудно будет достичь проектной мощности в 50, а затем в 80 млн т поставляемой нефти. Однако компания «Роснефть» декларирует, что за счет освоения Ванкорского месторождения она может обеспечить до 50 % загрузки нефтепровода (вторую половину должны дать компании ТНК-ВР и «Сургутнефтегаз»)²⁹. В целом ситуация с заполняемостью нефтепровода выглядит вполне разрешимой.

Реализуются и более глубокие формы сотрудничества нефтяных компаний двух стран. Так, «Роснефть» создала с китайской компанией «Синопек» совместную компанию-оператора Venin Holding для разработки проекта Сахалин-3, т. е. Венинского блока с запасами около 170 млн т нефти и 258 млрд кубометров газа³⁰.

Что касается поставок природного газа из России в Китай, то здесь, несмотря на заключение в 2006 г. соглашений о двух маршрутах газопроводов — из Сахалина и через Алтай, ситуация представляется менее определенной. Алтайский маршрут, по оценкам многих экспертов, грозит настоящей экологической катастрофой. Нет ясности в вопросе о развитии рынка потребления газа в Китае и о приемлемой для обеих сторон формуле определения цены на газ³¹.

Расхождения по цене остаются и относительно электроэнергии, масштабы поставок которой из России в Китай предполагается существенно нарастить — с планируемых 3,6—4,5 млрд кВт·ч в 2008 г. до 60 млрд кВт·ч в перспективе³².

Несмотря на успешное в целом развитие российско-китайского сотрудничества в топливно-энергетической сфере необходимо четко понимать, что стороны руководствуются здесь собственными интересами, которые у донора — России и реципиента — Китая совпадают лишь частично. В данном контексте обратила на себя внимание состоявшаяся в Пекине в конце 2006 г. встреча министров энергетики ведущих мировых потребителей энергии — Китая, Индии, Японии, Республики Корея и США, ориентированная на поиск взаимодействия в сфере снижения чрезмерной зависимости от импорта нефти³³. Такая встреча свидетельствует, что модель российско-китайского сотрудничества в энергетической сфере требует постоянных корректировок и совершенствования.

Инвестиционное сотрудничество все еще отстает от общего уровня российско-китайских торгово-экономических отношений. В 2006 г. на инвестиции из России пришлось лишь 0,1 % общего объема привлеченного Китаем иностранного капитала, а китайская доля в объеме привлеченных Россией иностранных инвестиций составила 0,9 %. По состоянию на конец 2006 г. в России насчитывалось 730 проектов с участием китайского капитала с суммарным объемом инвестиций 935 млн долл. Россия вложила в экономику КНР около 600 млн долл.³⁴ Вместе с тем в этой весьма перспективной сфере наметились позитивные сдвиги. В ноябре 2006 г. подписано соглашение о взаимной защите инвестиций. Создана межправительственная рабочая группа по инвестиционному сотрудничеству, определившая 29 первоочередных объектов взаимодействия в недвижимости, лесопереработке и химической промышленности с предполагаемым суммарным объемом китайских инвестиций свыше 3 млрд долл.³⁵

Активизируется и *производственная кооперация* между двумя странами. В стадии реализации находится несколько проектов сборки в России автомобилей китайских марок. Явно на подъеме сотрудничество в *банковской сфере*, где ведущую роль играют китайский Государственный банк развития и его российские партнеры Внешэкономбанк и Внешторгбанк.

Имеющее значительные перспективы двустороннее *сотрудничество в освоении новых и высоких технологий* нуждается в улучшении финансирования (по крайней мере, с российской стороны), более

четкой проработке вопросов защиты интеллектуальной собственности и отлаживании самого механизма оценки и внедрения технологий³⁶.

Серьезные подвижки уже происходят или намечаются в таких традиционных сферах двустороннего сотрудничества, как поставки из России в Китай вооружений, круглого леса, импорт из Китая товаров народного потребления.

После полутора десятков лет массового импорта российских *вооружений и военной техники*, прежде всего для военно-воздушных и военно-морских сил, их закупки Китаем в последнее время резко снизились. В период 1992—2006 гг. в Китай было поставлено военной техники и вооружений на 26 млрд долл. из общего объема российского оружейного экспорта в 58,4 млрд долл. При этом доля поставок в Китай снизилась с 70 % российских экспортных поставок вооружения во второй половине 1990-х годов до 17—20 % в 2007 г.³⁷ Сам факт определенной паузы налицо. Ряд экспертов видит в ней признаки долгосрочного сворачивания Китаем импорта вооружений из России. Другие предпочитают говорить о временном притормаживании, вызванном необходимостью освоить уже приобретенную технику и определиться со стратегией дальнейшего технического оснащения армии³⁸. На наш взгляд, выбор объемов, приоритетов и поставщиков в деле дальнейшей закупки вооружений Китаем зависит от множества факторов, и пока преждевременно предугадывать конечные результаты их воздействия на принятие Пекином конкретных решений в данной области. Однако огромные политические и технические заделы, наработанные Россией в военно-техническом сотрудничестве с КНР, позволяют оптимистично оценивать его возможные масштабы в перспективе.

Экспорт из России в Китай круглого леса, составлявший в последние годы в стоимостном выражении порядка 2 млрд долл., может в ближайшее время заметно снизиться. Причина — разработка и введение в РФ по поручению Президента В.В. Путина комплекса мер, призванных сократить вывоз необработанной древесины и стимулировать лесопереработку на российской территории. В марте 2007 г. вступило в силу постановление Правительства РФ о ежегодном 30-процентном увеличении пошлин на экспорт необработанного леса на период до 2010 г.³⁹

Серьезные ограничения, введенные в начале 2006 г. на перевозку грузов «челноками» (необлагаемый сборами вес снижен с 50 до 35 кг, а допустимая частота пересечения границы увеличена с 1 раза в неделю до 1 раза в месяц), и последовавшее фронтальное наступление российских правоохранительных и таможенных органов на массовую практику «серой растаможки» импортировавшихся из КНР потребительских товаров (когда грузы декларировались не по реальной, а по заниженной стоимости) нанесло ощутимый удар по так называемой народной торговле между Россией и Китаем. В КНР выразили «понимание этих мер», заявив в то же время о необходимости «предоставить определенный переходный период для надлежащего разрешения вопросов народной торговли»⁴⁰.

С «народной торговлей» отчасти связан и вопрос о временном пребывании на территории России трудовых мигрантов из КНР. С внесением в начале 2007 г. в российское иммиграционное законодательство поправок, запрещающих иностранным гражданам вести торговлю на розничных рынках, часть занимавшихся этой деятельностью граждан КНР покинули Россию. Однако массового характера такой отъезд не носил. Например, как сообщил начальник управления Федеральной миграционной службы по Хабаровскому краю В. Ефремов, «в Хабаровском крае ажиотажа с отъездом иностранцев на родину нет». Среди тех, у кого документы были в порядке, в декабре (2006 г.) уехали 300 граждан КНР, в январе — 550. В январе 2007 г. из Хабаровского края выдворены 117 нелегалов из КНР⁴¹. С другой стороны, корректировка иммиграционного законодательства России не препятствует развитию цивилизованных форм привлечения в страну иностранной рабочей силы, в том числе из КНР.

Не секрет, что нынешние образы *России в Китае и Китая в России* в массовом сознании жителей двух стран пока еще во многом сотканы из стереотипов и клише прошлых лет («великая дружба» 1950-х годов, конфронтация 1960-х — 1970-х годов) и весьма схематизированных и упрощенных дефиниций типа «Китай — конфуцианский», «Россия — православная», которые могут просто-напросто мешать понимать и объективно оценивать сложные, многоуровневые особенности, цели и интересы страны-партнера.

Для формирования у граждан России и Китая правильного, реалистичного образа страны-партнера принципиально важны углубле-

ние и диверсификация форм сотрудничества в гуманитарной сфере. Проведение национальных годов — шаг в правильном направлении, но нуждающийся в продолжении и развитии.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что для России и Китая отношения друг с другом имеют в настоящее время и сохранят в обозримой перспективе важное многофункциональное значение:

- выступая в качестве стратегических партнеров, Китай и Россия объективно способствуют сохранению и упрочению независимого и самостоятельного внешнеполитического курса двух стран;

- будучи одной из немногих стран, толерантно относящихся к внутривнутриполитическому устройству КНР, Россия объективно способствует сохранению Китаем избранного пути общественного развития; то же самое справедливо и применительно к роли Китая по отношению к России;

- Россия является важным торгово-экономическим партнером Китая, содействующим повышению уровня его энергетической безопасности и обороноспособности; для России торгово-экономические связи с КНР являются весомой альтернативой европейскому направлению и прямо способствуют достижению эффекта «экономики масштаба»;

- будучи партнерами по ШОС, Россия и Китай объективно помогают друг другу в противодействии национальному сепаратизму, религиозному экстремизму и терроризму, в борьбе с наркотрафиком, в сохранении стратегической стабильности в критически важном регионе Центральной Азии;

- представляя самостоятельные культурно-цивилизационные ареалы мирового масштаба, Россия и Китай объективно являются союзниками в усилиях по обеспечению культурно-цивилизационного разнообразия мира, в противодействии унификации мирового сообщества по тем или иным стандартам.

Следовательно, российско-китайские отношения стратегического партнерства имеют все объективные основания для долговременного углубления и развития, разумеется, при условии приложения обеими странами настойчивых постоянных усилий в этом направлении.

Примечания

¹ Титаренко М.Л. Предисловие // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005. С. 12.

² Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений / Московский общественный научный фонд. М., 1999. С. 184. См. также: Voskresenski Alexei. Russia and China. A Theory of Inter-State Relations. London and New-York. RoutledgeCurzon. 2004. P. 122.

³ См.: Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916 / под ред. В.С. Мясникова. М., 2004; Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII—XX вв. М., 1996.

⁴ См.: История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. Москва. Издательство Свято-Владимирского Братства. 1997.

⁵ Прежде всего здесь следует назвать публикацию архивных материалов в серии «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы». Вышли в свет Том 4 — Советско-китайские отношения, 1937—1945 (в 2 кн.). М., 2000; Т. 5 — Советско-китайские отношения, 1946 — февраль 1950 (в 2 кн.). М., 2005.

⁶ См., напр.: Шэнь Чжихуа (чжубянь). Чжун Су гуаньси шиган (1917—1991) : [Шэнь Чжихуа (гл. ред.) История китайско-советских отношений (1917—1991)]. Бэйцзин, 2007.

⁷ См., напр.: Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: Причины и последствия. М., 2000.

⁸ См.: Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М., 1999. С. 132—133.

⁹ Там же. С. 150—152.

¹⁰ Совместная Российско-Китайская декларация. Подписана в Москве 3 сентября 1994 года Президентом России Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэмином // Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М., 1999. С. 271—273.

¹¹ Там же. С. 333—337.

¹² РК: Россия—Китай. Массовая газета. М., 2001. Август.

¹³ Чжунго юй даго гуаньси юйцэ : [Прогноз отношений Китая с ведущими странами] // Сяньдай гоцзи гуаньси. Пекин, 2007. № 1. С. 63.

¹⁴ Переговоры Ху Цзиньтао с В. Путиным. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5523236.html>. Председатель КНР предложил также «вести совместное новаторство в научно-техническом сотрудничестве» и «стать гармоничными и дружественными партнерами в гуманитарном сотрудничестве». Предложения Ху Цзиньтао, изложенные в сжатом виде и поданные как общая позиция двух стран,

отражены в пункте 1 первого раздела Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной Президентом России В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 26 марта 2007 г. в Москве. См.: URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2007/03/120807.shtml>.

¹⁵ Подчас этот тезис прямо развивают и российские СМИ. Так, в статье К. Лантратова «Оружейная дружба», опубликованной в «Коммерсантъ guide» «Китай», утверждается, что в России «политические ограничения на поставку вооружения и военной техники в Китай сохраняются». Напротив, такие ограничения отсутствуют в сотрудничестве с Индией, с которой «нет ни одного спорного вопроса». — «Коммерсантъ guide». № 40. 14 марта 2007 г. С. 35.

¹⁶ Переговоры Ху Цзиньтао с В. Путиным. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5523236.html>.

¹⁷ Представитель МИД КНР о критике В. Путина в адрес США. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/5398816.html>.

¹⁸ В каком направлении развиваются американо-российские отношения? URL: http://russian.xinhuanet.com/russian/2007-04/24/content_420126.htm.

¹⁹ Чжунго ши гэ «даго» ма? : [Является ли Китай «державой»] // Шицзе чжиши. Бэйцзин, 2007. № 1. С. 16—27.

²⁰ Так, согласно данным опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ летом 2005 г., 34 % опрошенных россиян охарактеризовали Китай как стратегического и экономического партнера, 22 % — как союзника или дружественное государство. Как соперника оценили Китай 24 % опрошенных, а как вероятного противника — 4 %. Примерно такое же видение Китая сохраняется и на длительную перспективу. — Политический журнал. Москва, 2005. 15 августа. С. 67. Для сравнения: опрос Китайского социологического центра показал, что в марте 2006 г. Россию рассматривали как друга или союзника 11 % опрошенных, как доброго соседа — 38 % и как стратегического партнера — 42 %. Напротив, о соперничестве двух стран говорило 6 %, а о стратегическом противостоянии России и Китая — 1 % опрошенных китайцев. — С. Ковалев. Год России в Китае в зеркале общественного мнения // Россия—Китай. XXI век. М., 2007. № 3. С. 22—25. С. 25.

²¹ См., например: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050: стратегия соразвития / Институт экономических стратегий. М., 2006; Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005.

²² Например, «другом России» считает Китай депутат Государственной Думы РФ Владимир Рыжков. — Аргументы и факты. Москва. 2007. № 12. С. 5.

²³ См., напр.: Лукин Александр. Лицом к Китаю. Россияне никак не отвыкнули смотреть на соседа свысока // Коммерсантъ. Москва, 2006. 9 ноября. С. 8. Существование проблемы удачно отражено в названии книги известного ученого-китаеведа В.Л. Ларина «В тени проснувшегося дракона» (Владивосток: Дальнаука, 2006).

²⁴ Цыгичко Виталий. Предисловие к русскому изданию // Менгес Константин. Китай: нарастающая угроза (перевод с английского работы Menges Constantine. China: The Gathering Threat) М.: Издательство Независимая газета, 2006. С. 20.

²⁵ Данные китайской и российской таможенной статистики. См.: Внешняя торговля России в 2006 г. — Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). Москва. 2007. 20 февраля. С. 2; Спецвыпуск «Китай». — Российская газета. Москва. 2007. 26 марта. С. А 4.

²⁶ Haiguan Tongji : [Таможенная статистика]. Beijing. 2006. № 12. P. 27, 47—48, 69—70; Спецвыпуск «Китай». — Российская газета. 2007. 26 марта. С. А 12.

²⁷ Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/03/120824.shtml>.

²⁸ Россия готова к выходу на рынок гражданской авиации Китая. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/4998760.html>.

²⁹ «Роснефть» рассчитывает на успех в трубе. Компания готова загрузить вторую очередь ВСТО // Коммерсантъ. Москва, 2007. 21 апреля.

³⁰ Ребров Д., Скорлыгина Н. «Роснефть» предпочла китайских партнеров // Коммерсантъ. Москва. 2007. 30 марта.

³¹ В частности, эксперты полагают, что европейский уровень цен в 280—300 долл. за тысячу кубометров газа для Китая неприемлем — См.: Гриб Н. Газ в обмен на время. Газопровод «Алтай» может не заработать в 2011 году // Коммерсантъ. Москва. 2006. 16 сентября.

³² Драчевский Леонид. Интервью агентству «Интерфакс-Китай». URL: http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11680013

³³ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/5177559.html>

³⁴ URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5498582.html>

³⁵ Ян Цзюнь. У наших отношений огромный потенциал. Интервью с заместителем министра коммерции КНР Юй Гуанчжоу // Китай. Пекин—Москва. 2007. № 4. С. 12—15 (на русск. яз.).

³⁶ См.: КНР и РФ готовы увеличить масштабы сотрудничества в области технических инноваций. URL: <http://russian1.people.com.cn/31517/4763521.html>. По оценкам ряда российских экспертов, потенциал двустороннего сотрудничества в области технических инноваций в среднесрочной перспективе составляет 3—5 млрд долл. В рамках национальной выставки КНР в Москве в марте 2007 г. была проведена «Выставка научно-технических достижений и новаторства Китая».

³⁷ Грицкова А. и др. Китай сложил российское оружие. Военно-техническое сотрудничество замедляется // Коммерсантъ. Москва. 2007. 7 мая.

³⁸ См., например: Макиенко К. За 15 лет Китай потребил до половины всех российских военных поставок за рубеж. URL: <http://www.interfax.ru/r/B/exclusiv>

e/260.html?menu=8&id_issue=11670270; Макиенко К. Поднебесная берет тайм-аут. Отношения России и Китая в сфере торговли оружием радикально меняются // Смысл. Москва. 2007. № 5. С. 84—88; «Торговля оружием между Россией и Китаем находится на спаде». Беседа А. Ломанова с канадским экспертом Чжан Ихуном // Время новостей. 2006. 25 сентября.

³⁹ Шарипова А. Финляндия уйдет из российского леса. Импортёры грозят России проблемами с ВТО из-за роста пошлин на вывоз древесины // Коммерсантъ. Москва. 2007. 19 марта.

⁴⁰ Замминистра коммерции КНР призвал китайских бизнесменов в России изменить способ хозяйствования и стремиться к долгосрочному развитию своего дела. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5432686.html>.

⁴¹ Приамурские ведомости. Хабаровск. 2007. 27 февраля.

Глава 4

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2008 ГОДУ

Выход России на стратегическое партнерство и взаимодействие с Китаем по широкому кругу международно-политических, экономических и гуманитарных проблем явился одним из крупнейших внешнеполитических достижений Российской Федерации. Стратегия долгосрочного развития России и задачи укрепления ее позиций в качестве одного из ведущих самостоятельных центров мировой политики требуют последовательного упрочения и наращивания многовекторного сотрудничества и взаимодействия с Китаем как с одной из главных восходящих стран-гигантов. От успешности действий России на китайском направлении будут во многом зависеть темпы экономического роста нашей страны, решение задач подъема Сибири и Дальнего Востока, общее обеспечение национальной безопасности РФ и отстаивание ее глобальных политических и экономических интересов, в том числе в принципиально важных регионах Центральной и Восточной Азии. Кроме того, китайское направление, являющееся в какой-то мере альтернативой евро-атлантическому вектору российской внешней политики, играет определенную компенсационную роль, позволяя России легче справляться с теми или иными осложнениями в ее отношениях с США и Европейским союзом.

Проведение национальных годов — Года России в Китае в 2006 г. и Года Китая в России в 2007 г. — заметно укрепило социальную базу двусторонних отношений, расширило и углубило взаимные представления народов Китая и России друг о друге. Как показал опрос общественного мнения, проведенный в августе-сентябре

2007 г. Институтом России, Центральной Азии и Восточной Европы Академии общественных наук Китая, около 71 % граждан КНР оценили современные китайско-российские отношения как «хорошие» и «очень хорошие»¹.

В целом можно констатировать, что в российско-китайских отношениях наблюдается возвышательная тенденция и что положительный фон в их развитии доминирует. Симптоматично, что эксперты Института международных проблем Университета Цинхуа в Пекине дали российско-китайским отношениям по состоянию на начало 2008 г. наивысшую оценку в 8 баллов (по сравнению с 5,5 балла в 2000 г.), тогда как китайско-французским отношениям — 6,3 балла, отношениям с Индией — 5,4 балла и отношениям с США — 1,1 балла².

В то же время эти отношения и по сей день испытывают на себе остаточное негативное влияние непростых коллизий прошлого, да и реалии повседневной жизни постоянно ставят перед российско-китайским взаимодействием новые проблемы, требующие подчас непростых решений.

Весьма показательна в этом плане оценка участниками вышеупомянутого опроса причин все еще недостаточной близости двух стран³. Свыше 20 % отдали пальму первенства конфликту между КНР и СССР, 16 % — агрессии царской России против Китая. Указали на постоянные изменения российской стороной условий торговли с Китаем 6,5 % опрошенных, а 6 % — на плохое отношение россиян к китайцам. Наконец, 9,5 % респондентов полагают, что Россия может представлять собой скрытую угрозу для Китая⁴. Нечто подобное имеет место и в России. Так, хотя позитивное восприятие Китая и высокие оценки отношений России с ним в российском общественном мнении преобладают, порой высказываются и прямо противоположные точки зрения, например, будто бы России в двадцатилетней перспективе уготована участь «первой жертвы» «неизбежной» экспансии Китая⁵. А случаи недружелюбного отношения к российским туристам в приграничных городах Хэйхэ и Суйфэньхэ послужили основой для специального сюжета в информационно-аналитической программе «Постскрипtum» на канале ТВЦ.

Так что у России и Китая есть не только значительные резервы для дальнейшего совершенствования стратегического партнерства,

но и объективная необходимость его поступательного продвижения на путях, с одной стороны, настойчивого преодоления элементов взаимного недоверия, оставшихся в наследство от истории, и, с другой — своевременной нейтрализации реальных или потенциальных трений и напряжений, которые могут периодически возникать в тех или иных сферах двусторонних отношений вследствие объективных различий в национально-государственных интересах двух стран и в их позиционировании в мировой политике и экономике.

Представляется, что все разнообразие нюансов, существующих в отношениях между Россией и Китаем, в полной мере проявилось в их двустороннем взаимодействии в 2008 г.

На протяжении всего года в целом сохранилось стабильно-поступательное развитие российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия в политике, экономике, гуманитарной сфере.

В Китае с большим вниманием отнеслись к выборам нового состава Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации в декабре 2007 г., показавшим дальнейшее укрепление позиций партии «Единая Россия», и к выборам нового Президента РФ в марте 2008 г.

Группа китайских наблюдателей в составе миссии наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества в период с 26 февраля по 3 марта 2008 г. отслеживала подготовку и проведение выборов в России и расценила их как «легитимные, демократические, открытые и справедливые»⁶. Уже вечером 3 марта Председатель КНР Ху Цзиньтао провел телефонный разговор с Д.А. Медведевым, поздравив его с избранием Президентом России, и выразил готовность «прилагать совместные усилия для непрерывного развития китайско-российских отношений партнерства и стратегического взаимодействия»⁷. 7 мая Ху Цзиньтао направил Д.А. Медведеву поздравительную телеграмму в связи с его вступлением в должность Президента РФ.

Анализу особенностей и итогов выборов и оценке возможного влияния их результатов на российско-китайские отношения было посвящено специальное обсуждение в Академии общественных наук Китая 20—21 мая 2008 г. Открывшая обсуждение вице-президент АОН Китая У Инь объяснила высокий интерес в КНР к происходящему в России тем, что Россия является самым мощным сосе-

дом Китая и занимает чрезвычайно важное место в стратегии его национальной безопасности. Обе страны, находящиеся в стадии быстрого подъема, выступают за многополярный мир. Положительно оценив восьмилетнее пребывание В.В. Путина на посту Президента РФ, участники обсуждения выразили надежду на продолжение Д.А. Медведевым как новым главой российского государства линии его предшественника, «соответствующей национальным особенностям России»⁸.

В Китае с удовлетворением восприняли тот факт, что новый президент РФ выбрал Китай для своего первого зарубежного визита вне зоны СНГ. Данное обстоятельство, по оценке Ли Хуэя (тогда — помощника главы МИД КНР), «демонстрирует серьезное внимание Д.А. Медведева и российского правительства к отношениям с Китаем, воплощает высокий уровень, прочность и стратегический характер взаимодействия и партнерства двух стран»⁹. Обе стороны стремились подчеркнуть особое значение визита: Д.А. Медведев накануне поездки дал развернутое интервью ведущим средствам массовой информации Китая, а китайская сторона ответила письменным интервью министра иностранных дел Ян Цзечи агентству ИТАР—ТАСС. Кроме того, в КНР к визиту Д.А. Медведева был издан на китайском языке сборник его статей и выступлений «Вопросы государственного развития России» с предисловием Ян Цзечи. В день начала визита на русскоязычном сайте газеты «Жэньминь жибао» была опубликована статья посла КНР в РФ Лю Гучана «Пусть будет вечная весна в китайско-российских отношениях, пусть всегда распускаются цветы дружбы», в которой Россия и Китай были охарактеризованы как «главные стратегические партнеры друг для друга»¹⁰.

Официальный визит Президента России Д.А. Медведева в Китай состоялся 23—24 мая 2008 г. Он всецело подтвердил готовность руководства двух стран и далее совершенствовать и углублять стратегическое взаимодействие.

На переговорах с Д.А. Медведевым Ху Цзиньтао выдвинул четыре предложения по дальнейшему развитию отношений между КНР и РФ. Это, во-первых, усиление взаимного политического доверия и взаимной поддержки, особенно «в важных вопросах, касающихся суверенитета, территориальной целостности, стабильности и развития каждой из сторон»; во-вторых, повышение «планки и уровня»

практического сотрудничества, в том числе в двусторонней торговле, нефтегазовой сфере, науке и технике; в-третьих, продвижение гуманитарного сотрудничества; в-четвертых, интенсификация координации в международном формате с целью совместного ответа на глобальные вызовы¹¹.

В ходе визита был подписан ряд документов, расширяющих сотрудничество России и Китая в областях ядерной энергетики (в т.ч. о строительстве в КНР новой очереди газодиффузионного завода по обогащению урана), авиационных технологий (в частности, договоренность по эксплуатации в Китае вертолетов «Камов»), в банковской сфере (между ВТБ и Строительным банком Китая), лесном хозяйстве, туризме. В Совместном российско-китайском коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине была отражена готовность сторон разработать новый План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ на 2009—2012 гг., на регулярной основе проводить в дальнейшем ряд мероприятий национальных годов, расширять сотрудничество в гуманитарной сфере. Одним из крупнейших мероприятий здесь призвано стать проведение Года русского языка в Китае в 2009 г. и Года китайского языка в России в 2010 г. Принципиальное значение имела договоренность о создании механизма сотрудничества России и Китая в энергетической сфере на уровне заместителей глав правительств¹².

Значение визита Д.А. Медведева было усилено подписанием 23 мая 2008 г. Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам. Она стала третьим по счету документом такого рода в постсоветский период российско-китайских отношений — вслед за Совместной декларацией о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 г. и Совместной декларацией о международном порядке в XXI веке от 1 июля 2005 г.

Подтвердив традиционную для России и Китая приверженность многополярному миру и цивилизационно-культурному разнообразию мирового сообщества, Декларация 2008 г. актуализировала общие подходы двух стран к решению ряда острых глобальных проблем современности. Так, была констатирована готовность сторон

развивать диалог и сотрудничество в выполнении Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Киотского протокола. Дана негативная оценка попыткам создания глобальной системы противоракетной обороны и региональных систем ПРО как не способствующих «поддержанию стратегического баланса и стабильности». Отмечена важность активизации диалога в энергетической сфере. Выражено стремление Москвы и Пекина способствовать развитию таких механизмов международного взаимодействия, как встречи и контакты в формате Россия—Индия—Китай и «четверка» БРИК (Бразилия—Россия—Индия—Китай). Китай заявил о поддержке более активного подключения России к процессам интеграции в регионе Восточной Азии. Стороны высказались против использования вопроса прав человека для вмешательства во внутренние дела других стран¹³.

В течение года состоялись и другие встречи Ху Цзиньтао и Д.А. Медведева, в том числе на полях саммита «восьмерки» в Японии в июле и по случаю саммита ШОС в Душанбе в августе. 9 августа Ху Цзиньтао встретился также с В.В. Путиным, в качестве главы российского правительства прибывшим на открытие Олимпийских игр в Пекине. В.В. Путин подтвердил «непоколебимую приверженность России курсу на дружбу с Китаем» и готовность продвигать сотрудничество двух стран во всех областях на новый уровень¹⁴.

Еще две встречи глав России и Китая состоялись в ноябре. На встрече в Вашингтоне 15 ноября, приуроченной к антикризисному саммиту руководителей двадцати ведущих государств мира, Ху Цзиньтао и Д.А. Медведев подписали «План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем» на 2009—2012 годы. На встрече на полях саммита АТЭС в Лиме (Перу) 23 ноября Ху Цзиньтао и Д.А. Медведев обсудили возможности взаимодействия двух стран в преодолении негативного влияния мирового финансового кризиса и реформировании международной финансовой системы, а также проблемы выработки механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии на основе продвижения процесса шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР¹⁵.

Новая концепция внешней политики России, подписанная Президентом Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г., была расценена в

КНР как свидетельствующая о повышении места Азии в целом и Китая в частности в международной деятельности Российской Федерации¹⁶.

Важным событием в двусторонних политических отношениях явилось завершение работы по демаркации границы между Россией и Китаем на островах реки Амур в районе Хабаровска и подписание 21 июля 2008 г. министрами иностранных дел двух стран «Дополнительного протокола-описания линии российско-китайской государственной границы на ее Восточной части» между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики. В сообщении для СМИ по итогам официального визита С.В. Лаврова в Китай было отмечено, что полное и окончательное урегулирование в сфере пограничного размежевания между Россией и Китаем благоприятно скажется на сотрудничестве и дружественных контактах приграничных регионов двух государств, создаст условия для превращения общей границы в полосу стабильности и спокойствия, открытости и дружбы, развития и процветания¹⁷. 14 октября 2008 г. — ровно через четыре года после подписания сторонами «Дополнительного соглашения» о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части — на острове Большой Уссурийский (китайское название Хэйсяцзыдао) была проведена «Церемония установления пограничных столбов»¹⁸. Под юрисдикцию Китая перешел остров Тарабаров и примерно половина острова Большой Уссурийский¹⁹. Губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев предложил создать на острове Большой Уссурийский совместную российско-китайскую торгово-экономическую зону²⁰.

Упрочению благоприятной атмосферы в российско-китайских отношениях в немалой степени способствовала спокойная, выдержанная реакция в России на беспорядки в Тибете в марте 2008 г., резко контрастировавшая с предпринятыми антикитайскими силами на Западе попытками осложнить под предлогом событий в Тибете подготовку Китая к Олимпийским играм и, в частности, помешать нормальному проведению в ряде стран эстафеты Олимпийского огня.

В Китае с благодарностью восприняли помощь российских медиков и спасателей жертвам разрушительного землетрясения, случившегося 12 мая 2008 г. в районе Вэньчуань провинции Сычуань, а

также организацию отдыха в России большой группы школьников из пострадавшего региона.

Перед непростой дилеммой поставила Китай российская операция по принуждению к миру Грузии и последовавшее за ней признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Имея «на руках» пусть ослабшую после ухода Чэнь Шуйбяня с поста «президента», но не исчезнувшую окончательно потенциальную угрозу провозглашения Тайванем независимости, и плюс к тому опасность оживления сепаратистских движений в Тибете и Синьцзяне, наглядно проявившую себя в обоих районах в 2008 г., китайское руководство не могло открыто одобрить действия России даже несмотря на содержащееся в майском совместном коммюнике по итогам визита Д.А. Медведева в КНР обязательство сторон поддерживать друг друга по ключевым для страны-партнера вопросам. Разумеется, не мог Китай и присоединиться к западному хору обвинений России в «непропорциональном применении силы» или, хуже того, в «агрессии против Грузии». В Пекине отлично понимали, что случившееся в значительной степени стало вынужденным ответом России на постоянное жесткое давление на нее со стороны США и НАТО и прямую угрозу с их стороны ее жизненно важным национальным интересам. С подобным давлением неоднократно сталкивался и Китай, в том числе и в 2008 г. после беспорядков в Тибете.

В этой ситуации Китаю удалось найти, как представляется, близкую к оптимальной модальность реакции на события на Кавказе. Ведущие китайские СМИ предельно осторожно и взвешенно освещали развитие событий вокруг Южной Осетии, скрупулезно фиксируя все их важнейшие моменты, но полностью воздерживались от комментариев²¹. В то же время, после признания Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии (полный текст Заявления МИД РФ от 26 августа по этому вопросу был помещен на русскоязычном сайте газеты «Жэньминь жибао») китайская сторона стала демонстрировать некоторую дистанцированность от позиции России. Комментируя Заявление МИД от 26 августа, представитель МИД КНР Цинь Ган заявил об «озабоченности китайской стороны в связи с последними изменениями ситуации в Южной Осетии и Абхазии». Подчеркнув неизменность «принципиальной позиции китайской стороны по подобным вопросам», Цинь Ган выразил надежду на «надле-

жащее решение проблемы путем диалога и консультаций между заинтересованными сторонами»²², по сути дела повторив высказывание Ху Цзиньтао на встрече с Д.А. Медведевым в Душанбе 27 августа, сделанное им после информации российского президента о событиях на Кавказе²³. Кроме того, по утверждению российских СМИ со ссылкой на источник в российской делегации, Ху Цзиньтао на встрече с Д.А. Медведевым также заявил, что действия Грузии явились отражением провокационной политики Запада по расширению НАТО и что ответ на них России был совершенно адекватным. Эта позиция Китая была озвучена и на совещании лидеров стран-членов ШОС в узком кругу. В целом, по утверждению российских СМИ, «реакция Пекина на действия России в ходе южноосетинского кризиса, пусть и не публично выраженная, полностью удовлетворила Москву»²⁴.

Вместе с тем китайская сторона одновременно стремилась сохранить нормальные каналы взаимодействия с Тбилиси. 31 августа газета «Жэньминь жибао» сообщила о разрыве Грузией дипломатических отношений с Россией и о поддержке США территориальной целостности Грузии. Обратил на себя внимание и такой необычный шаг, как размещение на русскоязычном сайте газеты «Жэньминь жибао» информации о приеме в Посольстве Китая в Грузии по случаю 59-й годовщины провозглашения КНР. Ранее такого рода рядовые события не удостоивались внимания китайских СМИ. Тем не менее, на наш взгляд, и Китай, и Россия ясно показали свою незаинтересованность в том, чтобы «кавказские дела» помешали последовательному развитию их сотрудничества в других сферах и регионах. А такое сотрудничество развивается по многим направлениям.

Дальнейшим продвижением отмечено взаимодействие России и Китая на международной арене. 12 февраля 2008 г. в Женеве две страны совместно представили на пленарном заседании Конференции по разоружению проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов²⁵.

На заседаниях Совета Безопасности ООН Россия и Китай совместно блокировали внесенные западными державами резолюции по ситуации в Мьянме (вопросы помощи населению после разрушительного циклона «Наргиз») и в Зимбабве (по поводу президентских

выборов) на том основании, что положение в этих странах не создаст угрозу международной безопасности и потому не подпадает под действие мандата Совета Безопасности.

В ноябре в Москве прошли очередные консультации России и Китая по стратегическим вопросам в формате член Госсовета КНР — секретарь Совета безопасности РФ. В начале декабря в Китае состоялось 4-е двустороннее совещание о сотрудничестве России и Китая в борьбе с наркобизнесом.

Активизировалось российско-китайское сотрудничество в многосторонних форматах. В феврале в Москве прошли первые консультации директоров территориальных департаментов министерств иностранных дел России, Китая и Индии. В конце марта в Дели был проведен Форум по геостратегическим тенденциям с участием официальных лиц и экспертов трех стран. Очередная встреча руководителей внешнеполитических ведомств России, Китая и Индии, состоявшаяся 14—15 мая в Екатеринбурге, отметила активизацию контактов деловых кругов в трехстороннем формате, среди которых — форум по сотрудничеству в сельском хозяйстве (28 апреля, Пекин), первый трехсторонний деловой форум (Дели, декабрь 2007 г.). Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел в Екатеринбурге отразило расширение зон совпадения или близости позиций «тройки» по актуальным международным проблемам²⁶.

Там же, в Екатеринбурге, 16 мая состоялась первая вне рамок ООН встреча министров иностранных дел стран БРИК (Бразилия—Россия—Индия—Китай). В Совместном коммюнике министры отметили как хорошие перспективы диалога по актуальным проблемам мирового развития в формате БРИК, так и приверженность данной группы стран укреплению многосторонних начал современного мироустройства при верховенстве международного права и центральной роли ООН. Была поддержана инициатива Бразилии об организации встречи министров финансов БРИК для обсуждения глобальных финансово-экономических вопросов (эта встреча была проведена 8 ноября в Сан-Паулу)²⁷. В сентябре состоялась новая встреча глав МИД четырех стран «на полях» 63-й сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке. А в декабре в Москве под эгидой фонда «Русский мир» прошла первая конференция ученых-политологов стран БРИК.

Продолжилось конструктивное взаимодействие России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, что продемонстрировали саммит глав государств-членов ШОС в Душанбе (август) и совещание министров государств-членов ШОС, отвечающих за внешнеторговую и внешнеэкономическую деятельность (Пекин, сентябрь). В начале октября в Российском университете дружбы народов была проведена Неделя образования ШОС.

Резкие изменения мировых товарных цен на протяжении 2008 г. и постепенное углубление мирового экономического кризиса оказали заметное воздействие на российско-китайскую торговлю. В первой половине года двусторонний товарооборот рос весьма динамично: за шесть месяцев он увеличился на 31 % по сравнению с соответствующим периодом 2007 г., и это несмотря на снижение объема российского экспорта нефти в Китай: по данным Торгпредства РФ в КНР, вслед за его сокращением на 9 % в 2007 г. по сравнению с 2006 г., до 14,5 млн т, в первом полугодии 2008 г. произошло новое сокращение поставок — на 19,5 % по сравнению с соответствующим периодом 2007 г., до 6,27 млн т. Прирост товарооборота за девять месяцев снизился до 23 %²⁸. Последние месяцы 2008 г. ознаменовались сокращением объемов двусторонней торговли. Так, в ноябре объем российско-китайской торговли составил лишь 4,23 млрд долл. — на 15,1 % меньше, чем в октябре, и на 22,7 % меньше, чем в сентябре²⁹. И хотя в декабре двусторонний товарооборот вырос до 4,65 млрд долл., в целом за год объем российско-китайской торговли оказался ниже 60 млрд долл., прогнозировавшихся в середине года. Он составил 56,83 млрд долл. при объеме китайского экспорта в Россию 33 млрд долл. и объеме импорта КНР из России 23,83 млрд долл. Таким образом, в 2008 г. двусторонняя торговля выросла на 18 % по сравнению с 2007 г., в т.ч. экспорт Китая в Россию — на 15,9 %, а импорт Китая из России — на 21 %. Доля России в объеме внешней торговли Китая (2561,6 млрд долл.) осталась на уровне 2007 г. — 2,22 %. Отрицательное сальдо РФ в торговле с Китаем составило 9,17 млрд долл. против 8,79 млрд долл. в 2007 г.³⁰

Характерная для предыдущих двух лет крайне низкая — чуть более 1 % — доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай сохранилась и в 2008 г. В то же время в перспективе можно рассчитывать на повышение этой доли по мере реализации серии круп-

ных проектов сотрудничества в гражданском авиастроении и энергетическом машиностроении, о планируемом осуществлении которых было заявлено по итогам переговоров министра коммерции КНР Чэнь Дэмина и министра экономического развития РФ Э. Набиуллиной в октябре³¹.

Введение Россией высоких пошлин на экспорт круглого леса привело к снижению его вывоза в Китай по сравнению с рекордным 2007 г. (свыше 25 млн кубометров). В частности, в первом полугодии импорт Китаем леса из России упал на 24,3 % при росте цены на него на 30 %. В этой ситуации китайские лесопереработчики стали активнее создавать деревообрабатывающие предприятия непосредственно в России³².

Со снижением спроса в США и Европе выросло значение России как в какой-то мере альтернативного рынка сбыта китайских потребительских товаров. В России, напротив, усилилось стремление защитить свой внутренний рынок и отечественных производителей от наплыва товаров из КНР, которое нередко мотивируется не вполне легитимными способами их доставки в РФ, несоответствием российским стандартам продовольственной безопасности или экологичности, а также демпинговым уровнем цен на некоторые поставляемые в Россию китайские изделия.

Так, Россельхознадзор планировал ввести с 1 января 2009 г. ограничения на ввоз рыбы из ряда стран, включая Китай, поскольку, несмотря на многочисленные предупреждения, экспортеры рыбы в Россию не проходят аттестации российской Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному контролю. Справедливости ради надо сказать, что подавляющую часть из 500 тыс. т поставляемой Китаем в Россию рыбы составляет реэкспорт. Дальневосточные рыболовные компании продают свой улов Китаю без захода в российские порты³³, так что порядок надо наводить и на российской стороне.

В течение года в российской печати неоднократно озвучивалось недовольство отечественных производителей стальных труб быстрым ростом их импорта из КНР. Наконец, в конце года Министерство промышленности и торговли РФ официально уведомило о начале антидемпингового расследования в отношении подшипниковых труб, ввозимых из КНР в Россию (импорт таких труб вырос в 2,5 раза в 2007 г. и в 4 раза в первой половине 2008 г. по сравнению с

первым полугодием 2007 г.; доля китайских труб в общем объеме их потребления в России выросла с нуля до 11,7 %³⁴.

Скандал с содержащими опасные для здоровья ингредиенты молочными смесями компании «Саньлу» усилил настороженное отношение в России ко всему спектру продовольственных товаров, поставляемых из Китая. Перспективы расширения Китаем продаж автомобилей в России серьезно ухудшились после введения в РФ с 1 июля новой системы сертификации импортных автомобилей, а их сборка в РФ из производимых в КНР комплектующих пострадала от повышения таможенных пошлин на ввоз в Россию автомобильных узлов из-за рубежа.

Выход двусторонней торговли на качественно более высокий уровень во многом сдерживается все еще скромным размером *взаимных инвестиций*: к началу 2008 г. накопленный объем фактически использованных российских инвестиций в Китае составил 660 млн долл., а китайских в России — 1374 млн долл.³⁵

В 2008 г. на территории России продолжилось сооружение ряда крупных объектов с привлечением китайских инвестиций. Ряд российских экспертов полагает, что в условиях мирового экономического кризиса конкурентоспособность китайских компаний на российском рынке строительных услуг будет возрастать — помимо прочего, здесь скажется снижение процентных ставок по кредитам в Китае (где и получают заемные средства китайские строители) при их одновременном росте в России. Во всяком случае, доля участия этих компаний в сооружении крупных инфраструктурных объектов для проведения саммита АТЭС во Владивостоке и зимней Олимпиады в Сочи в 2008 г. заметно выросла³⁶. Статистические данные о росте доходов китайской стороны от предоставления трудовых услуг российским партнерам также косвенно подтверждают укрепление позиций Китая в российской строительной индустрии. Со 147,4 млн долл. в 2004 г. и 179,9 млн долл. в 2005 г. такие доходы увеличились до 242,6 млн долл. в 2006 г. и 346,0 млн долл. в 2007 г. При этом доля России в общем объеме доходов Китая от экспорта трудовых услуг составила, соответственно, 3,9, 3,75, 4,5 и 5,1 %³⁷. Вместе с тем, на наш взгляд, сохранение этой повышательной тенденции в условиях экономического кризиса и обусловленного им роста безработицы в России вызывает сомнения. В конце 2008 г. российские телеканалы

сообщили о случаях отказа на Дальнем Востоке от трудоустройства китайских строителей, прибывших для работы по контрактам.

В течение года Россия и Китай предпринимали усилия по активизации двустороннего сотрудничества в новых, ранее слабо или практически не задействованных сферах. Так, в начале года на китайско-российском форуме по торгово-экономическим вопросам были подписаны соглашения о заимствовании Китаем из России свыше 150 новых и высоких технологий в энергосбережении, защите окружающей среды, медицине³⁸. В июле состоялся первый официальный визит в Китай делегации корпорации «Роснано», который открыл процесс выработки межгосударственного соглашения о сотрудничестве в области нанотехнологий³⁹.

Важным шагом в деле активизации сотрудничества двух стран в финансовой сфере явилось открытие филиала российского Внешторгбанка в Шанхае, ставшего первым российским банком, получившим право ведения операционной деятельности в Китае — представительства банков такого права не имеют⁴⁰.

В августе Федеральная служба РФ по финансовым рынкам и Комиссия по регулированию рынка ценных бумаг КНР подписали Меморандум об обмене информацией, облегчающий инвестирование средств из Китая на российском рынке ценных бумаг. Ряд российских компаний также проявили интерес к размещению своих ценных бумаг на фондовых биржах в Китае⁴¹.

Улучшилось взаимодействие России и Китая в экологической сфере. 29 января в Пекине было подписано двустороннее соглашение о рациональном использовании и охране трансграничных вод.

Широкий круг проблем двустороннего сотрудничества был обсужден в ходе 13-й встречи глав правительств России и Китая в Москве в конце октября 2008 г. Особо следует выделить подписание новых документов об углублении взаимодействия в нефтяной сфере. Это Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в нефтяной сфере и Соглашение о принципах строительства и эксплуатации нефтепровода «Сковородино — граница с КНР» (между Китайской национальной нефтегазовой корпорацией и российской компанией «Транснефть»). Было положено начало обсуждению условий долгосрочного контракта о поставках в Китай российской компанией «Роснефть» нефти в 2011—2030 гг. Судя по сообщениям российских

СМИ, «Роснефть» и «Транснефть» получают крупный долгосрочный кредит от китайских партнеров — называется сумма до 25 млрд долл. с разбивкой между этими компаниями в соотношении 60:40⁴². Примечательно, что раздел Совместного коммюнике от 28 октября 2008 г. о взаимодействии в нефтегазовой области содержит положение о поддержке Россией и Китаем сотрудничества «в ап- и даунстриме», то есть как в нефтедобыче — в ней прежде всего заинтересована китайская сторона, так и в нефтепереработке и реализации нефтепродуктов, интерес к которым проявляют российские компании.

Если продвижение по углеводородам может быть в целом расценено как шаг России навстречу пожеланиям Китая, то Меморандум о сооружении в Китае при российской содействии двух новых блоков Тяньваньской АЭС и принципиальное согласие китайской стороны на возобновление продажи электроэнергии из России в приграничные районы Китая следует интерпретировать как практическую готовность Пекина учитывать интересы российской стороны.

Также заслуживают упоминания Соглашение между Министерством науки и техники КНР и Государственной корпорацией «Роснано» о создании союза стратегического сотрудничества по нанотехнологиям и зафиксированное в Совместном коммюнике намерение сторон предпринять меры «для скорейшего принятия Плана инвестиционного сотрудничества» России и Китая.

В то же время в Пекине прохладно встретили предложение Москвы об активизации использования национальных валют во взаимных расчетах. В частности, этот вопрос обсуждался в начале декабря на совещании по приграничной торговле между Россией и Китаем⁴³. Формально китайская сторона объясняет свою сдержанность в этом вопросе тем дисбалансом, который сложился в расчетах в национальных валютах по сделкам в рамках приграничной торговли между Россией и Китаем: из 1,6 млрд долл., составивших в эквиваленте объем операций с расчетами в рублях и юанях за период с марта 2003 г. по август 2008 г., 97 % пришлось на рубли. В связи с этим Пекин довольно жестко требует от России «принять реальные меры для преодоления такого серьезного дисбаланса», по сути дела, рассматривая это как предварительное условие для более широкого применения национальных валют во взаимных расчетах в перспективе. Вместе с тем

здесь играют роль и более общие соображения. КНР, обладающая огромными валютными резервами — порядка 1,9 трлн долл. — и имеющая тесные связи с экономиками США, Европы, Японии, не заинтересована в радикальном подрыве позиций доллара. В этом смысле идея создания в Москве нового финансового центра с опорой на рубль довольно сдержанно воспринимается в Пекине, который к тому же в настоящее время «на всякий случай» всерьез изучает плюсы и минусы возможной «интернационализации» юаня⁴⁴.

Конец 2008 г. был отмечен активизацией межармейского сотрудничества двух стран. 29 декабря начальники Генеральных штабов вооруженных сил России и Китая впервые провели разговор по прямой телефонной линии. После трехлетнего перерыва в Пекине состоялось заседание двусторонней комиссии по военно-техническому сотрудничеству. По инициативе российской стороны было одобрено соглашение об охране интеллектуальной собственности в военно-технической сфере. 11 декабря министр обороны РФ А. Сердюков был принят Председателем КНР и Центрального военного совета Ху Цзиньтао. Министр обороны КНР Лян Гуанле во время встречи с министром обороны РФ предложил провести в 2009 г. совместные военные антитеррористические маневры. Он также акцентировал необходимость «надлежаще реализовать существующие проекты сотрудничества в военной сфере»⁴⁵. Между тем, перспективы выполнения Россией контракта на поставку Китаю 34 военно-транспортных самолетов ИЛ-76 и 4 самолетов-заправщиков ИЛ-78, заключенного еще в 2005 г., остаются неясными. Летом российской печать сообщила об обнадеживающем возобновлении переговоров по этому вопросу⁴⁶, однако, как стало известно позже, Китай теперь предлагает купить лишь несколько самолетов ИЛ-76, да к тому же оснащенных двигателями Д-30, производство которых в России уже остановлено⁴⁷.

Определенная неудовлетворенность Китая ситуацией, сложившейся в 2007—2008 гг. в сфере военно-технического сотрудничества с Россией, была продемонстрирована такой необычной, но вполне символической акцией, как размещение на китаеязычном сайте (т. е. адресованном китайскому читателю) газеты «Жэньминь жибао» перевода статьи из российской газеты «Военно-промышленный комплекс» с детальным перечислением основных видов заказанной и

фактически поставленной из России в КНР военной техники. Резкое сокращение ее поставок с 2007 г. объясняется такими факторами, как срыв российской стороной сроков выполнения контрактов, якобы не всегда надлежащее качество поставляемой техники, развитие Китаем собственного производства военной техники. Фигурирует в публикации и традиционное для китайских СМИ (впрочем, и для российских СМИ тоже) утверждение, будто Россия выражает больше готовности поставлять самые современные виды военной техники Индии, нежели Китаю. В заключение выражается сомнение в том, что России удастся в полной мере компенсировать сокращение поставок военной техники на китайский рынок наращиванием ее экспорта в другие страны⁴⁸.

На наш взгляд, Россия в нынешней кризисной ситуации могла бы за счет поставок новых видов военной техники в Китай хотя бы отчасти компенсировать спад в отечественном машиностроении, как это было сделано в начале 1990-х годов.

Таким образом, события 2008 г. наглядно показали растущее значение Китая для успешной международной деятельности и поступательного социально-экономического развития России. Китай, выразивший понимание мотивов действий Москвы, оказался одной из немногих стран мира, воздержавшихся от каких-либо недружественных жестов в отношении России в связи с событиями вокруг Южной Осетии. Мировой кризис и угроза рецессии в США и зоне Европейского союза сделали торгово-экономические связи с Китаем, способным, судя по всему, сохранить на ближайшую перспективу темпы экономического роста порядка 7—8 % в год, особо значимыми для России.

Конечно, мировой экономический кризис принес дополнительные сложности во взаимодействие Китая и России в торгово-экономической сфере. Адаптация к изменившейся ситуации требует от Москвы и Пекина решения возникающих проблем за счет разумных компромиссов. В этом плане весьма конструктивным представляется предложение лидера КНР Ху Цзиньтао, оглашенное им на встрече с президентом РФ Д.А. Медведевым в Лиме: «содействовать еще лучшему развитию практического сотрудничества во всех сферах на путях сочетания китайско-российского стратегического взаимодействия и партнерства с принципами рыночной экономики»⁴⁹.

Кроме того, в условиях кризиса позитивную для обеих стран роль могли бы сыграть активизация российско-китайского инвестиционного сотрудничества и более интенсивное взаимодействие двух стран в таких форматах, как ШОС, БРИК, Россия—Китай—Индия.

Ключевое значение для дальнейшего расширения и совершенствования российско-китайского стратегического партнерства имеет углубление взаимного доверия между странами, причем на всех уровнях — на уровне руководства, в корпоративном и экспертном сообществах и на уровне широкой общественности. Только последовательными целенаправленными усилиями можно преодолеть предвзятость или неверные представления о стране-партнере и о ее народе, все еще достаточно глубоко укорененные и в России, и в Китае. В данном контексте весьма показательно, что завершение демаркации российско-китайской границы на островах у Хабаровска сопровождалось всплеском сетований в обеих странах по поводу будто бы утраченных ими территорий. В то же время быстрая и масштабная помощь жертвам землетрясения в провинции Сычуань и активная поддержка Пекинской Олимпиады заметно улучшили отношение к России в Китае.

Примечания

¹ Опрос был проведен среди жителей 20 с лишним регионов Китая. Организаторы опроса получили ответы от 2293 человек (всего было распространено 2500 опросных листов) — Пан Дэли, У Вэй. Чжун Э лянгю лянхао гуаньси дэ инчжэн — «Чжунго жэнь янь чжун дэ Элосы» шэхуй юйлунь дяоча : [Свидетельство хороших отношений Китая и России. Обследование общественного мнения «Россия в глазах китайцев»] // Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю : [Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы]. Пекин. 2008. № 5. С. 79—85. На кит. яз.

² Сяндай гоцзи гуаньси : [Современные международные отнрошения]. Пекин. 2008. № 4. С. 61—62.

³ На вопрос о степени близости Китая и России 6,2 % опрошенных ответили «очень близки», 36,5 % — «близки». Около 47 % опрошенных оценили степень близости как «обычную»; 4,1 % граждан охарактеризовали двусторонние отношения как «не близкие», а 1,75 % — как «весьма не близкие». В целом степень близости двух стран оценена более скромно, чем сложившийся уровень их отношений, которые были охарактеризованы как «плохие» и «очень плохие» лишь в

2,7 % ответов, а как «так себе» — в 21,4 % ответов. Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю. 2008. № 5. С. 80—81.

⁴ Там же. С. 80—81.

⁵ См.: Владимиров А.И. Концептуальные основы национальной стратегии России: политологический аспект. М.: Наука (Ин-т экономики РАН), 2007. С. 203—205.

⁶ URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/6366301.html>

⁷ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/6365313.html>

⁸ Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю. 2008. № 4. С. 81—82.

⁹ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/6414936.html>

¹⁰ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/6417240.html>

¹¹ Синьхуа. 24.05.2008.

¹² Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 6—9.

¹³ Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 9—13.

¹⁴ Жэньминь жибао. 10.08.2008.

¹⁵ Жэньминь жибао. 24.11.2008.

¹⁶ Шицзе чжиши. 2008. № 15. С. 65.

¹⁷ URL: <http://www.mid.ru>

¹⁸ Синьхуа. 14.10.2008.

¹⁹ По информации из китайских источников, территория острова Большой Уссурийский составляет 335 кв. км; 171 кв. км отошел Китаю, 164 кв. км остались за Россией. Остров Большой на р. Аргунь (китайское название — Абагайту) площадью 62 кв. км поделен так: 38 кв. км — китайской стороне и 24 кв. км — российской. — Шицзе чжиши. 2008. № 21. С. 51.

²⁰ Коммерсантъ. 22.07.2008; Новые известия. 14.10.2008.

²¹ Жэньминь жибао. 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 21, 26, 27.08.2008.

²² URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/6488173.html>

²³ См.: Жэньминь жибао. 28.08.2008.

²⁴ Время новостей. 29.08.2008.

²⁵ URL: <http://russian1.people.com.cn/31520/6353266.html>

²⁶ Сайт mid.ru. Документ 677-15-05-2008.

²⁷ Сайт mid.ru. Документ 684-16-05-2008.

²⁸ Синьхуа. 14.10.2008.

²⁹ Россия отказывается от китайских вещей. URL: <http://www.infox.ru/business/finances/2008/12/16/document5614.phtml>

³⁰ URL: <http://www.customs.gov.cn/publish/portal0/tab1/info/155558.htm> и расчеты автора.

³¹ Синьхуа. 14.10.2008.

³² Синьхуа. 31.07.2008.

³³ Шарипова А. Россельхознадзор режет рыбу пополам. С января ее импорт может сократиться в два раза // Коммерсантъ. 26.11.2008.

³⁴ Российская газета. 23.12.2008.

³⁵ Данные веб-сайта Торгпредства РФ в КНР (www.russchinatrade.ru).

³⁶ Россия отказывается от китайских вещей...

³⁷ Данные статистических ежегодников Китая за 2006 и 2008 г. (Чжунго тунци няньцзянь 2006. Пекин, 2006. С. 765; Чжунго тунци няньцзянь 2008. Пекин, 2008. С. 742) и расчет по ним. По нашему мнению, китайская статистика отражает официальные контракты, заключенные китайскими компаниями по осуществлению подрядного строительства и трудовых услуг за рубежом с российскими предпринимателями. Эти данные охватывают такие сферы, как строительство, сельское хозяйство и лесозаготовки, и не учитывают доходы лиц, занимавшихся розничной торговлей. Как известно, занятие ею в России было запрещено для иностранцев с 1 апреля 2007 г.

³⁸ URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/6367528.html>

³⁹ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/6440991.html>

⁴⁰ URL: <http://russian1.people.com.cn/31518/6365765.html>

⁴¹ Коммерсантъ. 11.08.2008.

⁴² См., напр.: Максим Товкайло, Андрей Бирюков. Поднебесные деньги упали на Москву. Китай в условиях мирового финансового кризиса выделит России многомиллиардные кредиты // Газета. 29.10.2008.

⁴³ Сапожников Олег. В Китай со своим рублем // Коммерсантъ. 06.12.2008.

⁴⁴ Вопросы «упрочения международных позиций жэньминьби» и «интернационализации жэньминьби» детально рассматривались в ноябре 2008 г. на страницах популярных китайских журналов «Ляован» (2008. № 46. С. 32) и «Шицзе чжиши» (2008. № 21. С. 62—63).

⁴⁵ Синьхуа. 11.12.2008.

⁴⁶ Время новостей. 25.08.2008.

⁴⁷ Габуев А. Российское оружие заняло оборону в Китае // Коммерсантъ. 12.12.2008.

⁴⁸ См.: Э мэйти каньвэнь сянциэ 1992—2007 нянь дуй Хуа цзюнь шоу : [Российские СМИ детально обрисовали поставки военной техники в Китай в период 1992—2007 гг.]. URL: <http://military.people.com.cn/GB/1077/52986/8525369.html>

⁴⁹ Жэньминь жибао. 24.11.2008.

Глава 5

О НЕКОТОРЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ НА ПУТИ УГЛУБЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Поступательному углублению и последовательному совершенствованию отношений стратегического партнерства и взаимодействия между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в известной мере мешает целый ряд факторов. Хотя в свое время нормализация советско-китайских отношений прошла под выдвинутым Дэн Сяопином в беседе с М.С. Горбачевым лозунгом «Закрывать прошлое, открывать будущее», тем не менее, сохраняющиеся до сих пор различия в трактовке некоторых важных аспектов истории двусторонних отношений содержат достаточно серьезный негативный потенциал.

В первую очередь это касается *официальной трактовки в Москве и Пекине истории территориального размежевания и формирования современной линии прохождения границы между двумя странами*. Главное несовпадение позиций состоит в том, что Китай считает подавляющее большинство соответствующих двусторонних договоров с Россией неравноправными, за исключением первого из них — Нерчинского договора 1689 г. По китайской версии, в результате неравноправных договоров Россия в общей сложности присоединила около 1,5 млн кв. км территории, ранее входившей в состав Цинской империи.

К данному сюжету примыкает и *проблема независимости Монголии*, выход которой из состава Китая в Пекине, как правило, объясняют прежде всего поддержкой этого шага со стороны России.

Проблема так называемых утраченных территорий в целом интерпретируется в КНР как прямой результат империалистической агрессии против Китая после 1840 г. Возвращение под суверенитет КНР Гонконга (1997 г.) и Макао (1999 г.) способствовало распространению в китайском обществе представлений о возможности возвращения и других «утраченных территорий», особенно по мере усиления Китая. Неформальная идеология исторического реванша и ирредентистские настроения затрагивают и Россию, несмотря на то, что в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ от 16 июля 2001 г. зафиксировано «отсутствие взаимных территориальных претензий».

При этом высокопоставленные эксперты в Пекине объясняют нежелание китайской стороны отказаться от широкой пропаганды своей версии истории территориального размежевания (вплоть до школьных учебников) тем, что Китай дескать не может отказаться от своей истории в «угоду кому-либо».

В России на официальном уровне сознательно стремятся уклониться от сколько-нибудь широкой полемики по этому кругу вопросов. Представляется, что в связи с явно асимметричным — с огромным перевесом в пользу Китая — соотношением числа специалистов по данному кругу проблем нам абсолютно не нужна даже «чисто научная» дискуссия по территориально-пограничным сюжетам с КНР, т. е. создание чего-то вроде «комитета историков». Вместе с тем могут быть рассмотрены *предложения российских экспертов*, подкрепляющие позицию России. Прежде всего, это *замена трех соглашений о границе (1991, 1994 и 2004 г.)*, регулирующих ее прохождение на отдельных участках, *общим единым договором о границе между РФ и КНР*. Заслуживает рассмотрения и *идея прекращения РФ и КНР действия договоренностей об укреплении мер доверия и сокращении вооружений и вооруженных сил в районе границы (1996 г.)* как выполнивших свою историческую миссию и не требующих пролонгации в связи с высоким уровнем доверия между Китаем и Россией.

Заметно различаются российская и китайская трактовки целого ряда аспектов советского периода двусторонних отношений.

Среди наиболее важных моментов — неодинаковое понимание характера советско-китайского Договора 1950 г. о дружбе, союзе и взаимопомощи. В России его считают полностью равноправным и

одинаково выгодным для обеих стран. Официальная позиция Китая состоит в том, что договор носил неравноправный характер (в том числе в связи с наличием секретных приложений, препятствовавших какой-либо деятельности третьих стран в Дунбэе и Синьцзяне).

В Пекине после периода относительно объективной оценки *причин возникновения советско-китайской полемики в 1960-е годы* и возложения ответственности за нее на обе стороны в последние годы вновь стали перекладывать основную ответственность за ухудшение двусторонних отношений на КПСС и СССР, которые якобы навязывали Китаю свой опыт и модель социалистического строительства.

Широкое хождение в Китае по сей день имеет *версия о будто бы готовившемся Москвой вторжении в Китай* в контексте доктрины «ограниченного суверенитета», призванной оправдать ввод войск стран Организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. Соответственно, поворот Пекина к нормализации отношений с США в начале 1970-х годов интерпретируется как защитная мера от советской угрозы.

Неизменно негативной остается *оценка* в Китае вынужденного *отзыва советских специалистов из КНР*. Упоминание именно об этом событии, а не о крахе «большого скачка» характеризует 1960-й год в так называемой реке времени — схематичном воспроизведении хронологии Китая с древнейших времен до наших дней у Монумен-та тысячелетия (построен накануне 2000 г.) в Пекине.

Сохраняется *негативная оценка политики СССР в Синьцзяне, особенно в 1950-е годы*, когда здесь будто бы проводился курс «советизации» и отрыва региона от Китая.

Нетрудно заметить, что в вопросах интерпретации двусторонних отношений в советский период китайская сторона занимает наступательные позиции, предъявляя те или иные претензии Москве по широкому кругу вопросов. При этом подавляющее большинство претензий остается без какого-либо ответа — защищать СССР в сегодняшней России особенно некому, что закрепляет уверенность китайцев в своей «правоте». Единственный эпизод, по которому в России (да и то не на официальном уровне) дают собственную интерпретацию, — это события на о. Даманский в марте 1969 г. Между

тем даже в некоторых публикациях китайской печати признавалось, что это была преднамеренная провокация китайской стороны, организованная по личному указанию Мао Цзэдуна.

В настоящее время «удельный вес» тех или иных разногласий, трений и даже прямой вражды двух стран в отдельные годы советского периода их отношений в формировании негативных аспектов образа России в Китае относительно невелик и, похоже, уступает по значимости фактору невыгодного для Пекина территориального размежевания в период до 1917 г. Однако полностью списывать со счетов их нельзя. Будучи представлен в выгодном для Пекина свете во многих музейных экспозициях, «советский период» двусторонних отношений остается долговременным фактором формирования массового сознания китайцев. Причем если у старшего поколения и их прямых потомков негатив нейтрализуется знанием и пониманием той огромной помощи, которая была оказана КНР Советским Союзом, то на молодежь такого рода балансир не действует.

Представляется, что по советскому периоду у российской стороны есть сильные козыри. Здесь следует мало-помалу рассекречивать архивные документы, позволяющие всесторонне аргументировать нашу позицию.

В то же время *гораздо большее практическое значение на современном этапе российско-китайских отношений имеют реальные и потенциальные несовпадения позиций сторон по актуальным международным и внутренним проблемам.*

Близость позиций России и Китая по большинству международных проблем не означает их полного совпадения.

В Китае, не поднимая большого шума, с озабоченностью воспринимают российскую доктрину ядерного сдерживания, подразумевающую, среди прочего, возможность превентивного нанесения ядерного удара в случае серьезной угрозы государственной безопасности.

Осложняющее многоплановое воздействие на российско-китайские отношения оказывает *американский фактор*. В России время от времени циркулируют слухи о готовности Пекина активно взаимодействовать с Вашингтоном в ущерб российским интересам. На этом фоне идеи формирования «большой двойки» воспринимаются Москвой чрезвычайно болезненно. Примерно то же самое можно

сказать и о периодически раздающихся в США и КНР на самом высоком уровне заявлениях, согласно которым китайско-американские отношения являются «самыми важными двусторонними межгосударственными отношениями в современном мире». С другой стороны, Пекин постоянно подозревает Москву в стремлении спровоцировать радикальное ухудшение китайско-американских отношений.

Ситуация дополнительно осложняется наличием и в Китае, и в России достаточно влиятельных сторонников приоритетного характера отношений их стран с США в ущерб отношениям, соответственно, с Россией и Китаем. Кроме того, в экспертном сообществе и в общественном сознании в России и Китае палитра отношения к США варьирует от абсолютного проамериканизма до крайнего антиамериканизма, что затрудняет выработку оптимального взвешенного курса.

Представляется, что объективно отношения с США сегодня для Китая действительно важнее, чем самое высокое партнерство с Россией. Это определяется глубочайшей экономической взаимозависимостью, формированием фактически общего образовательного и научно-экспертного пространства между КНР и США, наконец, прямой зависимостью общего усиления международных позиций Китая от того или иного отношения к этому процессу в Вашингтоне. Поэтому Пекин делает все возможное, чтобы не раздражать США, что не всегда встречает понимание в Москве.

Определенным раздражителем для Китая остаются *отношения России с Индией*, прежде всего поставки Москвой Дели современных видов вооружений. С учетом нерешенности китайско-индийской пограничной проблемы и нарастающего геополитического соперничества двух стран задача балансирования Москвы между Дели и Пекином может обрести дополнительную сложность.

В Пекине вновь также стали косо поглядывать на укрепление *сотрудничества России с Вьетнамом*. Китай через газету «Хуаньцю шибао» («Глобал Таймс») подверг прямой критике соглашение «Газпрома» с рядом вьетнамских компаний о проведении геофизической разведки на углеводороды на шельфовых участках Южно-Китайского моря. Ранее Пекин себе такого не позволял. Здесь проявляется как давнее недовольство Китая тесными связями России с Вьетна-

мом, так и опасения, что Москва поддержит оппонентов Китая в споре о принадлежности островов и водной акватории Южно-Китайского моря.

Вопрос о территориальном размежевании в Южно-Китайском море чрезвычайно сложен сам по себе. Дополнительную сложность ему придает то обстоятельство, что проблема территориальной целостности и национального суверенитета включена Пекином в состав «коренных интересов» Китая (наряду с обеспечением стабильности политического строя и права на развитие). Как известно, формулировка о взаимной поддержке Россией и Китаем друг друга в вопросах, составляющих их «коренные интересы», в последние годы регулярно фигурирует в совместных коммюнике по итогам встреч глав двух государств. Пока конкретно речь шла о поддержке Россией суверенитета КНР над Тибетом и Синьцзяном и позиции Пекина по Тайваньскому вопросу. Однако и вопрос о необходимости для России высказаться по Южно-Китайскому морю висит в воздухе. Сложность ситуации для нас в том, что на эти же острова (Парасельские и Спратли) в полном составе претендует и Вьетнам. Свобода маневра ограничивается и тем обстоятельством, что на советских и российских картах, как правило, воспроизводилась китайская версия границы в Южно-Китайском море, оставлявшая Пекину 80 % акватории и все острова.

Видимо, единственно возможный путь — как можно дольше соблюдать нейтралитет и воздерживаться от оглашения своей позиции на официальном уровне.

Хотя в целом на территории СНГ и шире — *на постсоветском пространстве* прямое противоборство России и Китая отсутствует, несовпадение их интересов и позиций не ограничивается Грузией и российско-грузинским конфликтом 2008 г. Китай повсюду ведет свою собственную игру, не только «не оглядываясь» на Москву, но, напротив, активно используя для продвижения своих интересов, по крайней мере, коммерческих, любые разногласия тех или иных республик с Москвой. Это, например, имело место в недавние периоды осложнения отношений России с Украиной и Белоруссией (на «газовой» и «нефтяной» почве).

Особенно напористый характер носят действия Пекина в *Центральной Азии*, где Китай неизменно использует все промедления

или промахи Москвы для укрепления своих позиций. Прокладка газопровода из Туркмении в КНР с нарастающим объемом поставок газа в Китай по приемлемой для него цене во многом подорвала геополитические «газовые расклады» Москвы.

Усиливающийся глобальный характер политики Китая начинает затрагивать интересы России и в некоторых других районах планеты, например, в Арктике и в Восточной Европе, где Пекин заметно активизируется.

Многочисленные проблемы и трения существуют в российско-китайских торгово-экономических отношениях. Большинство их порождено существенными различиями в динамике экономического роста двух стран в минувшее двадцатилетие, потерей Россией большей части перерабатывающей промышленности при одновременном превращении Китая в мировую фабрику гигантских размеров, производящую ныне около 20 % мировой готовой промышленной продукции. При этом возрастающая разность экономических потенциалов двух стран — а в настоящее время КНР превосходит РФ по ВВП (по официальному курсу) примерно в 3,4 раза, по объему внешней торговли — в 4,5 раза — способствует росту несбалансированной зависимости России от китайского рынка (как по экспорту, особенно нефти, так и по импорту) и все меньшей склонности китайского партнера к компромиссам при отстаивании своих интересов на российском направлении. Последнее обстоятельство наглядно проявилось в ходе переговоров по цене на российский газ, договоренность об экспорте которого была достигнута еще в 2006 г. и закреплена в 2009 г. Структура российского экспорта в КНР, где доля машин и оборудования снизилась до уровня менее 1 %, а около 60 % занимают нефть и нефтепродукты, породила у россиян (и, похоже, у китайцев тоже) мнение о последовательном превращении России в сырьевой придаток Китая.

В то же время Китай не склонен в полной мере содействовать развитию в России машиностроения и перерабатывающей промышленности в целом, что наглядно проявилось в одобренной в 2009 г. Программе сотрудничества Северо-Востока Китая с российским Дальним Востоком и Восточной Сибирью. Большинство проектов, предложенных китайцами для реализации на российской территории, связано с добычей сырья. При этом параллельно в Россию идет

нарастающий поток изделий перерабатывающей промышленности из Китая. Доля машин и оборудования в китайском экспорте в Россию в 2011 г. превысила 40 %, а объем их поставок достиг почти 16 млрд долл. Ряд российских экспертов полагает, что эта ситуация ведет к подавлению отечественной перерабатывающей промышленности, включая машиностроение.

Судя по всему, нужно не кулуарное, а предельно широкое обсуждение этой темы с китайцами на специальном форуме типа двусторонней комиссии экономистов, действующей у Китая с Японией.

Ряд российских экспертов полагает, что нынешняя модель российско-китайского торгово-экономического сотрудничества не только исчерпала свой потенциал, но уже становится опасной для восточных регионов России по следующим причинам:

- **«сырьевая» модель** экономического развития восточных регионов не может обеспечить ни высоких темпов роста благосостояния народа, ни макроэкономической стабильности, ни конкурентоспособности на китайском рынке продукции, выпускаемой на Дальнем Востоке;

- **обострение социальной напряженности** на Дальнем Востоке — рост официальной и скрытой безработицы, вызванный закрытием многих предприятий, приводит к активному оттоку населения в другие регионы страны и за рубеж;

- **сложная экологическая обстановка** — беспрецедентная и неконтролируемая вырубка леса и происходящее вследствие этого заболачивание и опустынивание приграничных регионов РФ, загрязнение трансграничных вод китайскими предприятиями и фермерскими хозяйствами;

- и, наконец, **продовольственная безопасность** регионов, предполагающая способность сельского хозяйства обеспечить население страны продовольствием, а промышленность — необходимым сельскохозяйственным сырьем. Сегодня утрата продовольственной независимости ДФО — это факт.

Решение проблемы лежит в плоскости постепенного перехода к инвестиционно-инновационной модели сотрудничества.

При этом России нужны, в первую очередь, такие инвестиции из Китая, которые отвечают интересам самой России, а не работают прямо или косвенно на обеспечение интересов Китая (вроде проек-

та строительства ряда ГЭС на Ангаре с целью последующей поставки электроэнергии в КНР).

Накопление взаимных претензий стало одной из главных причин *сокращения объемов военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией.*

Россия не смогла выполнить контракт на поставку Китаю крупной партии военно-транспортных самолетов. Перспективы налаживания их производства в России остаются неясными. С другой стороны, Китай стал чаще демонстрировать готовность к закупке небольших партий военной техники с целью ее последующего копирования. Хотя стороны заключили соглашение о защите интеллектуальной собственности в сфере военно-технического сотрудничества, его всеохватывающее выполнение еще только предстоит отладить.

Глава 6

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В 2009—2011 ГОДАХ

В последние годы внешнеполитический курс Китайской Народной Республики, сохранив такие долговременные базовые характеристики, как независимость, самостоятельность, декларируемая ориентация на обеспечение благоприятных условий для мирного развития страны, претерпел, тем не менее, ряд заметных изменений.

Выявление и осмысление существа этих изменений, их причин и последствий активно идет в самом Китае, на Западе и в России, нередко порождая широкий разброс мнений. Некоторые новации Пекина были в целом позитивно встречены международным сообществом, например, самоидентификации Китая как ответственной державы. Другие новации, при всей их потенциальной важности, не вызвали особого резонанса, как это случилось с широко обсуждавшейся в экспертных кругах КНР идеей перемещения внешнеполитической опоры страны с развивающихся государств в целом на так называемые вновь поднимающиеся державы (*синьсин даго*), представленные в первую очередь форматом БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—ЮАР).

В то же время усиление напористости Китая в практических действиях на международной арене, особенно при отстаивании своих интересов, привлекло повышенное внимание, в первую очередь на Западе, и послужило основанием для вывода, что Пекин «становится менее скрытным и выжидающим» и что его «дипломатия улыбок закончилась»¹.

К концу 2010 г. мнение о том, что «Китай ведет себя все более жестко и несговорчиво по отношению ко многим соседям в Азии, к

США и ЕС»², стало преобладающим в США и достаточно популярным во многих других странах мира³. В этой ситуации Пекин существенно усилил пропаганду сугубо мирного характера своего возвышения и неизменности политики добрососедства, не отказавшись, однако, от претензий на *большую*, чем в докризисный период, роль на мировой арене.

Рассмотрим эволюцию внешнеполитического курса КНР в 2009—2011 гг. более подробно.

Первопричиной подвижек во внешней политике Китая явился рост его абсолютной и относительной экономической мощи, особенно рельефно выявившийся в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Еще в докризисный период Китаю удалось заметно сократить отставание от ведущих экономик мира. Если в 2002 г. ВВП КНР составлял 13,9 % от американского и 37 % от японского (при пересчете в доллары по текущему курсу), то в 2008 г. это соотношение выросло, соответственно, до 27,2 % и 78,6 %. Доля страны в мировой продукции перерабатывающих отраслей с 5,1 % в 1995 г. выросла до 11,4 % в 2007 г.⁴ В период кризиса и первые посткризисные годы Китай сохранил высокие темпы экономического роста (9,2 % в 2009 г.; 10,6 % в 2010 г. и 9,5 % в 2011 г.) и хорошую динамику развития внешней торговли (за исключением 2009 г.). Это позволило ему опередить Японию и выйти в 2010 г. на 2-е место в мире по годовому объему ВВП, также на 2-е место, опередив Германию, — по объему внешнеторгового товарооборота и импорта и на 1-е — по объему экспорта. Поскольку темпы экономического роста США оказались значительно ниже, чем у КНР, их отрыв от Китая по годовому объему ВВП вновь существенно сократился. Появились прогнозы, согласно которым экономики двух стран количественно сравняются в 2018 г.⁵ При этом по доле в мировой переработке Китай опередил США уже в 2010 г. (соответственно 19,8 и 19,4 %)⁶.

Превращение Китая в настоящую мировую фабрику не только обеспечило ему высокие темпы роста, но и предопределило нарастание зависимости экономики страны от нормального функционирования мирового хозяйства, будь то обеспечение импорта возрастающих объемов нефти, железной руды, высокотехнологичных компонентов для промышленной сборки широкой гаммы маши-

ностроительной и электронной продукции или поддержание устойчивого крупномасштабного экспорта готовых изделий по всему миру.

Мировой финансово-экономический кризис с характерным для него заметным ростом протекционизма поставил Китай перед необходимостью твердо и последовательно отстаивать свои интересы в мировой экономике.

В связи с этим в стране заговорили о развитии глубоководного военно-морского флота (включая обретение собственного авианосца), способного защитить наиболее важные маршруты транспортировки грузов.

В экспертном сообществе КНР было сформулировано понятие «интересы развития», де-факто выводящее всю конструкцию параметров и факторов функционирования современной китайской экономики за узкие для нее пределы национальных границ.

Ускорилось осмысление общей концепции государственных интересов Китая. В июле 2009 г. в ходе китайско-американского стратегического и экономического диалога член Госсовета КНР Дай Бинго впервые на официальном уровне сформулировал понятие «коренных интересов Китая»: защита основного строя и безопасности государства; государственный суверенитет и территориальная целостность; устойчивое стабильное социально-экономическое развитие. Представитель МИД КНР Цинь Ган на пресс-конференции 13 июля 2009 г. в обобщенном виде определил коренные интересы Китая как государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность и обеспечение интересов развития⁷.

Уже сама по себе всеохватывающая формулировка коренных интересов КНР недвусмысленно свидетельствовала о трансформации страны из регионального в глобального международного игрока. Новый глобальный статус Китая объективно подкреплялся относительно успешным прохождением им мирового экономического кризиса и увеличением вклада страны в мировой экономический рост⁸.

Переход страны в новое качество все более полно начало осознавать и ее руководство. С одной стороны, мировое сообщество стало настойчиво требовать активного включения Китая в решение таких глобальных проблем, как борьба с изменениями климата. С другой стороны, присутствие Китая как экономического тяжеловеса на

многочисленных саммитах с антикризисной повесткой дня, прежде всего на встречах лидеров «двадцатки», едва ли не впервые дало Пекину возможность практического участия в так называемом глобальном управлении и показало, что он отныне может реально влиять на формулирование «правил игры» на мировой арене в целом. Дополнительную уверенность в своих силах Китаю придало успешное проведение летней Олимпиады в 2008 г. в Пекине и Всемирной выставки «Экспо-2010» в Шанхае.

Симптоматично, что именно «уверенность в себе, присущую великой державе», некоторые китайские эксперты ставят на первое место среди новых особенностей внешней политики КНР в послеолимпийский период. Как подчеркивает проректор Академии международных отношений Народного университета Китая профессор Чэнь Юэ, «Китай начал еще более хладнокровно, с достоинством оглашать свои стратегические представления и цели, не стремясь отныне уклониться от выражения собственных чаяний или затушевать их, а также не проявляя чрезмерной обеспокоенности реакцией внешнего мира»⁹.

Первой удачной заявкой КНР на более активную роль в мировых делах стало улучшение ее позиций в ведущих международных валютно-финансовых организациях. Доля голосов Китая во Всемирном банке была увеличена с 2,47 % до 4,42 %, а в Международном валютном фонде — с 3,65 % до 6,07 %. В обоих случаях Китай поднялся на третью позицию, уступая ныне лишь США и Японии¹⁰. Еще одним знаковым свидетельством возросшей активности Пекина явилась постановка им в мировую финансово-экономическую повестку дня вопроса об интернационализации юаня и его выходе в обозримой перспективе на позицию одной из мировых резервных валют. Хотя данная идея пока реализуется преимущественно в форме растущего использования юаня в расчетах КНР со своими торговыми партнерами, тем не менее, она вызвала широкий резонанс и подкрепила претензии КНР на весомое участие в управлении мировым хозяйством. Стремясь закрепить свой статус как ответственной глобальной державы, Китай увеличил долю взноса в постоянный бюджет ООН с 2,667 % в 2009 г. до 3,189 % в 2010 г. и долю взноса на миротворческие операции с 3,144 % до 3,939 % (в сумме — до 300 млн долл.). Кроме того, с конца 2008 г. Китай неоднократно на-

правлял военные суда к берегам Сомали для участия в патрулировании района действий морских пиратов, обеспечив безопасное прохождение акватории для трех тысяч судов¹¹.

В то же время далеко не на всех направлениях Китай располагал достаточно внятной программой дальнейших действий. Переход в лигу «богатых и сильных» произошел слишком быстро даже для самой КНР, не говоря уже об остальном мире. Возникла потребность в определенном обновлении самоидентификации страны, переосмыслении места Китая в мире и стратегии его отношений с теми или иными группами государств. Эти обстоятельства обусловили заметное присутствие во внешней политике Китая 2009—2010 гг. элементов поискового характера, отчасти объясняемое также необходимостью оперативно реагировать на динамичные изменения международной обстановки в целом и на конкретные инциденты и действия, непосредственно затрагивающие Китай.

В частности, обратило на себя внимание предложение шанхайского политолога Ян Цземьяня сделать главной опорой Китая в продвижении к статусу глобальной державы группу «новоподнимающихся государств», на тот момент — БРИК, а не все развивающиеся страны в целом, как прежде. Ян Цземьянь полагал, что эта группа, оформление которой сделало международную обстановку более сбалансированной, могла бы служить Китаю стратегической опорой во многих аспектах, в том числе в политике, в экономике и энергетике, в реформе международной валютно-финансовой системы и в формировании международного механизма противодействия нетрадиционным угрозам безопасности¹². В прямом виде данная идея (возникшая, на наш взгляд, как альтернатива предложению ряда американских политологов о формировании «большой двойки» в составе КНР и США) поддержки не получила. Возобладало официальное мнение, что Китай еще в течение длительного времени будет входить в круг развивающихся стран, пусть в качестве крупнейшей из них¹³. Вместе с тем в китайском экспертном сообществе закрепились идея отказа от унифицированного подхода к данной группе стран и перехода к более адресной, точной, дифференцированной политике, учитывающей особенности каждой из них. Как полагает профессор Пекинского университета Е Цзычэн, именно такой новый подход в наибольшей мере отвечает интересам Китая и позволяет превратить

отношения с развивающимися государствами в активный элемент его внешнеполитической стратегии¹⁴.

Важным фактором, заметно повлиявшим на особенности внешнеполитического курса КНР последних лет, стал *рост национализма* в стране, сопутствовавший успехам Китая и укреплению его позиций в мире.

На практике четко разграничить естественные чувства патриотизма, гордости за свою страну и национализм довольно трудно. Возможно, именно поэтому у ряда политологов КНР есть формальные основания представить китайский национализм последних лет как рациональный, то есть «открытый, мягкий... не направленный на сдерживание других государств, мирный, а не гегемонистский»¹⁵. На наш взгляд, однако, такая характеристика явно идеализирует реальный национализм в сегодняшнем Китае.

Во-первых, спектр его носителей весьма широк и включает приверженцев достаточно радикальных взглядов — от «леваков» до части военных¹⁶.

Во-вторых, их влияние на общество, незначительное еще 10 лет назад, существенно выросло с массовым распространением Интернета. К примеру, книги националиста Ван Сяодуна стояли на полках китайских книжных магазинов еще в 2000—2001 гг., но тогда его мало кто знал, зато теперь, благодаря публикациям в сети, он известен всему Китаю и даже за рубежом¹⁷. Соответственно, круги, принимающие решения, сегодня не могут игнорировать националистические воззрения в обществе и вынуждены так или иначе принимать их во внимание¹⁸.

В-третьих, как ни парадоксально на первый взгляд, питательной средой сегодняшнего китайского национализма выступают, среди прочего, и сами официальные прогнозы и ориентиры дальнейшего укрепления мощи Китая и его позиций в мире.

В этом плане показательно сопоставление двух недавних работ китайских авторов: «У Китая нет другого выбора, кроме...» Юань Куня¹⁹ и «Китай в 2030 году — продвигаясь к всеобщей зажиточности», подготовленной группой специалистов Университета Цинхуа во главе с известным ученым Ху Аньганом²⁰.

Первая работа написана с националистических и даже мессианских позиций и ставит своей целью доказать, что Китай уже заложил

основы для превращения в «первоклассную державу» и непременно сможет стать сверхдержавой, «несущей с Востока цивилизацию и процветание...». Единственное, чего Китаю не хватает для превращения в ведущее государство мира — это лишь уверенности и смелости. Юань Кунь широко использует броские метафоры и сравнения, призванные подкрепить его главную идею. Показательны названия разделов его работы: «Если Китай чихнет, то весь мир заболит гриппом», «Если однажды Китай наложит санкции на Америку...», «Продажа американских облигаций — новое ядерное оружие Китая» и т. п.

Близкие к официальному мейнстриму ученые Университета Цинхуа не прибегают к бахвальству, однако их базовый прогноз — сосредоточение в 2030 г. в Китае трети мирового валового продукта с опережением США по этому показателю в 2,2 раза — так же, как и работа Юань Куня, фактически ориентирует развитие страны на достижение сверхдержавного статуса. Возникает устойчивое ощущение, что авторы долгосрочных прогнозов словно не замечают присутствия на планете других стран, игнорируют наличие у них собственных интересов и целей, отличных от китайских, ставя во главу угла только свое «право на развитие». В данном контексте по-своему закономерно, что начиная с 2009 г. Китай стал нередко оцениваться за Западе как «нация, узко ориентированная на собственные интересы и стремящаяся к максимизации своей комплексной мощи»²¹.

На наш взгляд, такая характеристика несколько чрезмерна, однако нельзя не признать, что усиление националистических настроений в китайском обществе способствовало определенному ужесточению внешнеполитического инструментария Китая в 2009—2010 гг. На местном уровне готовность к решительному отпору оппонентам по собственной инициативе, без каких-либо директив центральных властей стала в тот период достаточно массовым явлением.

В обществе крепло убеждение, что Китай перерос ограничительные рамки внешнеполитических заветов Дэн Сяопина двадцатилетней давности и что ему следует перестать «скрывать свои возможности» и перейти к самым активным действиям на международной арене, особенно при защите собственных интересов.

Во многом именно в таком ключе оказалось выдержано *поведение Китая в ряде конфликтных ситуаций 2009—2010 гг.*, получивших заметный международный резонанс.

«Точкой отсчета» здесь стал август 2008 г. Он ознаменовался двумя примечательными событиями. Во-первых, это успехи Китая на летних Олимпийских играх в Пекине, которые существенно повысили самооценку страны. Во-вторых, российско-грузинские боевые действия, последовавшие за попыткой Тбилиси силой восстановить контроль над Южной Осетией. То обстоятельство, что США не оказали эффективной поддержки своему союзнику Грузии, было расценено в Пекине как недвусмысленное доказательство ослабления их мощи.

Одним из первых практических эпизодов, продемонстрировавших готовность Пекина действовать жестче, чем раньше, стал инцидент с американским судном акустической разведки «Импекабл» (Impressable — «Безупречный») в 75 милях к югу от Хайнаня. 9 марта 2009 г. китайская сторона силами пяти судов различной ведомственной принадлежности попыталась физически воспрепятствовать плаванию этого американского корабля в экономической зоне КНР. Ранее в ответ на аналогичную рутинную разведывательную деятельность судов США подобные действия не предпринимались.

Одной из «фоновых» причин инцидента стало различное толкование в Китае и США ряда положений Конвенции ООН по морскому праву. Как полагает китайская сторона, запрет конвенции на разведывательную деятельность в территориальных водах должен распространяться и на эксклюзивную экономическую зону. Американская сторона отстаивает принцип полной свободы мореплавания и ведения разведывательной деятельности в этой зоне. США выразили протест, охарактеризовав действия китайских судов в отношении американского судна как нарушение требований международного права о соблюдении прав и безопасности всех пользователей моря. Китайская сторона, в свою очередь, отвергла этот протест как «несостоятельный»²².

Вместе с тем нельзя не увидеть прямой связи между временем инцидента и приходом к власти в США новой администрации во главе с Б. Обамой. По логике вещей китайское руководство было абсолютно не заинтересовано в каком-либо осложнении отношений с

новой американской администрацией в период между только что состоявшимся визитом в Пекин госсекретаря Х. Клинтон (20—22 февраля) и намечавшейся на 1 апреля 2009 г. первой встречей Ху Цзиньтао с Б. Обамой на полях саммита «группы двадцати» в Лондоне. Поэтому некоторые американские политологи охарактеризовали инцидент с «Импекабл» как предпринятую без согласования с центром сугубо местную инициативу, ставшую, тем не менее, «индикатором агрессивной манеры поведения Китая, особенно в Южно-Китайском море»²³.

Китайские аналитики, в свою очередь, увязали инцидент со стремлением военных кругов в США напомнить Б. Обаме об усилении Китая на морях и в целом затруднить задуманное новым президентом «стратегическое сближение» с Пекином²⁴.

Похожее мнение, только с возложением ответственности на китайских моряков, высказал М. Чэйз из военно-морского колледжа в Ньюпорте. Он напомнил, что инцидент 9 марта не был изолированным эпизодом: до этого, 4 и 5 марта, китайские суда чинили помехи плаванию другого американского разведывательного корабля — «Викториус» — в двухстах километрах от берега в Желтом море²⁵.

Формально инцидент с «Импекабл» был быстро урегулирован — то ли после вмешательства центрального китайского руководства, то ли после согласия Б. Обамы на отправку в акваторию ракетного эсминца для защиты разведывательного судна на время его плавания в регионе.

Однако на китайское и американское восприятие политики другой стороны в Восточной Азии данный эпизод определенное влияние оказал.

Серьезные метаморфозы претерпела в 2009—2010 гг. политика Пекина в отношении КНДР.

К началу 2009 г. в Китае накопилось заметное раздражение по отношению к Пхеньяну, тормозившему возобновление шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова, в которых Пекин не без оснований претендовал на роль «первой скрипки». Издаваемый под эгидой МИД КНР журнал «Шицзе чжиши» («Знания о мире») констатировал, что благодаря «ловкому ведению дел» с администрацией Дж. Буша северо-корейская дипломатия, используя шесть лет шестисторонних переговоров, получила

все желаемое: взорвала ядерный заряд, объявила КНДР ядерной страной, да к тому же получила значительную помощь нефтью и продовольствием... «Америка же в этот период лишь потеряла время и деньги, не получив ничего»²⁶.

Испытание Пхеньяном 5 апреля 2009 г. ракеты-носителя, будто бы выведшей на околоземную орбиту спутник связи, было расценено Советом Безопасности ООН как нарушение его резолюции № 1718 от 14 октября 2006 г. (требовавшей, в частности, от КНДР не проводить новых ядерных испытаний или пусков баллистических ракет). В заявлении председателя Совета Безопасности от Пхеньяна потребовали не заниматься впредь запуском ракет. Северокорейская сторона отвергла это требование, заявила о выходе КНДР из шестисторонних переговоров и объявила о решении восстановить ядерные объекты, ранее выведенные из функционального состояния²⁷.

Китаю пришлось в срочном порядке определяться со своей позицией по КНДР — как относительно ее конкретных акций, так и в более долгосрочном стратегическом плане. В официальных и экспертных кругах развернулась серьезная дискуссия по этой проблеме, частично просочившаяся в СМИ. Наиболее критичная по отношению к КНДР позиция была сформулирована в статье Цай Цзяня, опубликованной в «Шицзе чжиши» 1 мая 2009 г.²⁸ В ней предельно четко указывалось, что «Китай не рассчитывает на превращение Северной Кореи в государство, обладающее ядерным оружием», поскольку иное нанесло бы серьезный ущерб коренным интересам КНР, создав существенные ограничения или даже угрозу для их реализации. Попытки КНДР создать ядерное оружие были осуждены как «крайне авантюрные» действия.

Кроме того, в статье содержался прозрачный намек на возможность снижения уровня отношений Пекина с Пхеньяном ради улучшения отношений Китая с США. Во-первых, было отмечено, что «из всех проблем Корейского полуострова наибольшее совпадение позиций между Китаем и США наблюдается по его денуклеаризации». Во-вторых, было заявлено, что «в долгосрочном плане проблема ядерной КНДР не является конфликтной проблемой в отношениях между нею и США. Это — проблема соотношения глобальной стратегии Китая и стратегии США в Азиатско-Тихоокеанском ре-

гионе». В связи с этим, делал вывод Цай Цзянь, особого внимания требует выстраивание баланса между китайско-северокорейскими и китайско-американскими отношениями.

Второе подземное ядерное испытание, проведенное Пхеньяном 25 мая 2009 г. (первое — в октябре 2006 г.), явно превысило пределы терпения Пекина, который присоединился к резолюции СБ ООН № 1874 от 12 июня 2009 г., строго осудившей данную акцию КНДР. При этом в период подготовки резолюции, 3 июня, ядерную проблему Кореи по телефону обсудили лидеры КНР и США²⁹.

По мнению американского эксперта из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Бонни Глэйзер, необычно резкая официальная реакция Пекина на ядерное испытание в КНДР объяснялась следующим обстоятельством: раньше в Китае полагали, что ядерная программа Пхеньяна выступает для него лишь средством размена на нормализацию отношений с США, однако после 25 мая стало ясно, что ядерный статус — это подлинная цель Пхеньяна³⁰.

В целом в июне—июле 2009 г. создавалось впечатление, особенно в США, что Китай как никогда близок к тому, чтобы присоединиться к «единому фронту» тотального давления на КНДР в составе США, Японии и Республики Корея. Этого, однако, не произошло. Китай перестал втягиваться в чужую игру с непредсказуемыми для него последствиями и постепенно реанимировал особые отношения с КНДР, сочтя их более эффективными для сохранения статус-кво на полуострове. Благо для этого были подходящие поводы — 60-летие установления дипломатических отношений и ранее сделанное объявление 2009 года «Годом дружбы КНР и КНДР».

В сентябре 2009 г. Пхеньян в статусе специального представителя Ху Цзиньтао посетил член Госсовета КНР Дай Бинго, а в октябре — премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, подтвердивший курс Пекина на сохранение традиционной дружбы и сотрудничества с КНДР.

Резко изменился тон публикаций о КНДР в китайской печати, включая «Шицзе чжиши». Теперь подчеркивалось, что внутренняя стабильность в стране является предпосылкой решения ядерной проблемы КНДР путем диалога, что она соответствует интересам всех соседних государств, которым адресовался призыв «не оказы-

вать на Пхеньян чрезмерного давления». Отмечалась необходимость видеть ошибки не только северокорейской, но и американской стороны³¹.

Очевидное изменение собственной позиции в Китае объясняли стремлением помочь Пхеньяну выйти из международной изоляции, необходимостью обеспечить стабильность на Корейском полуострове и вернуть КНДР «на рельсы диалога о решении ядерной проблемы». Смягчение позиции Пекина по КНДР было, как признают китайские политологи, критически воспринято частью международно-общественного мнения³².

Вскоре «градус критичности» стал заметно расти. Резкое обострение межкорейских отношений в 2010 г., спровоцированное подрывом южнокорейского корвета «Чхонан» и обстрелом северянами острова Ёнпхёндо, находящегося под юрисдикцией Сеула, обнажило принципиальное различие подходов Китая и Запада к КНДР и к путям урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Китай, руководствуясь собственными интересами, не поддержал возложение ответственности за случившееся исключительно на Пхеньян, активизировал политические контакты с ним и увеличил экономическое содействие КНДР. В связи с этим американские политологи обвинили Пекин в ослаблении взаимодействия с Западом в деле урегулирования проблем Корейского полуострова³³.

Осложнились и отношения Китая с Японией, которые после ухода в отставку правительства Дз. Коидзуми развивались в целом в позитивном ключе: состоялся обмен визитами лидеров двух стран, были развернуты китайско-японские стратегический и экономический диалоги, наметилась активизация двусторонних контактов в оборонной сфере³⁴. Однако задержание 8 сентября 2010 г. японской стороной экипажа и арест капитана рыболовецкого судна КНР за «незаконный лов рыбы» в оспариваемом двумя странами районе островов Дяоюйдао (Сэнкаку) вызвали необычно резкую реакцию Пекина. Китай немедленно объявил об отсрочке переговоров об увеличении числа авиарейсов между двумя странами и о прекращении обменов визитами официальных лиц на уровне администрации провинций и выше. Вопрос с освобождением китайского капитана был решен только после того, как 21 сентября этого потребовал премьер Вэнь Цзябао, находившийся в Нью-Йорке и пригрозивший

серьезными последствиями для японской стороны за ее незаконные действия. Одним из таких последствий стало прекращение Китаем экспорта в Японию редкоземельных элементов, используемых для производства широкой гаммы электронных изделий.

Как полагают китайские политологи, жесткое поведение обеих сторон свидетельствует об усилении конкуренции между Китаем и Японией за обеспечение своей безопасности на морях и за морские ресурсы. Особенно неприятным для Китая последствием инцидента стало укрепление американо-японского союза, существенно ухудшившее общую ситуацию с обеспечением безопасности в регионе³⁵.

В 2009—2010 гг. заметно обострились споры между Китаем и рядом стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Филиппинами, Вьетнамом и отчасти Малайзией, по вопросу о суверенитете над островами, разграничению шельфа и водной акватории в Южно-Китайском море.

После одобрения в 2002 г. КНР, Филиппинами и Вьетнамом Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, зафиксировавшей ориентацию стран на решение спорных проблем путем мирных переговоров и их обязательство воздерживаться от угроз и враждебных действий, страсти вокруг этой чрезвычайно сложной проблемы на какое-то время улеглись

Ситуацию, однако, удалось «законсервировать» ненадолго. В связи с приближавшимся окончанием срока моратория на подачу заявок на участки шельфа вокруг островов, который был предусмотрен Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., в мае 2009 г. Вьетнам и Филиппины активизировали действия по закреплению де-факто своего суверенитета над островами, находящимися под их контролем. Дополнительную остроту ситуации придали данные геологоразведки о существенном потенциале нефтедобычи в районе Южно-Китайского моря.

2 февраля 2009 г. Палата представителей парламента Филиппин приняла закон Об определении основной линии Филиппинского архипелага, в соответствии с которым группа островов архипелага Наньша (Спратли), именуемая Манилой «архипелаг Калайаан», оказывалась в пределах основной морской границы Филиппин. 10 марта закон был утвержден президентом Филиппин. 6 мая Вьетнам и Малайзия внесли в ООН совместный проект разграничения

шельфа в Южно-Китайском море за пределами двухсотмильной эксклюзивной экономической зоны.

Постоянный представитель Китая в ООН на следующий день передал Генеральному секретарю организации Пан Ги Муну ноту с адресованным комиссии ООН по разграничению морского шельфа требованием не рассматривать проект Вьетнама и Малайзии³⁶. Тогда же, по свидетельству некоторых экспертов, в комиссию ООН была представлена известная китайская карта с U-образным абрисом морской границы Китая в Южно-Китайском море, оставлявшим за ним 80 % акватории³⁷. 8 мая Вьетнам вновь подал в комиссию ООН прежний проект, на сей раз индивидуально. Последовал взаимный обмен протестами между Пекином и Ханоем.

«Масла в огонь» добавило заявление госсекретаря США Х. Клинтон о «возвращении США в Азию», сделанное 22 июля на острове Пхукет в Таиланде в ходе заседания Азиатского регионального форума. Обострение конфликта в Южно-Китайском море создало «режим наибольшего благоприятствования» для вмешательства США в ситуацию под предлогом «защиты свободы мореплавания». Кроме того, США фактически открыто предложили странам АСЕАН, как претендовавшим на какие-либо острова Южно-Китайского моря, так и просто опасавшимся возросшей мощи и напористости Китая, активизацию связей с Вашингтоном, особенно в военной сфере, в качестве своеобразной страховки от рисков. «Хеджирование» на основе противодействия Китаю, которое всего несколько лет назад рассматривалось как чисто гипотетическое, с 2009 г. в регионе Южно-Китайского моря стало реальностью.

В 2010 г. ситуацию еще более обострили широко распространившиеся слухи о включении проблемы суверенитета над островами Южно-Китайского моря в перечень «коренных интересов Китая».

Некоторые зарубежные эксперты говорят об этом как о свершившемся факте³⁸, но это не совсем так. Вопрос активно обсуждался в КНР, причем на интернет-форуме «Сильное государство» («*Цянго лунтань*») за такое включение высказалось свыше 90 % принявших участие в соответствующем голосовании. Однако в прямой форме этого официально сделано не было. Тем не менее, как констатировали китайские политологи, «в конце 2010 г. поветрие включения вопроса о Южном море в перечень коренных интересов

нанесло ущерб и удар по образу Китая как ответственной державы»³⁹.

Пожалуй, именно конфронтация в Южно-Китайском море в наибольшей степени, по сравнению с другими конфликтами, усилила у части международного сообщества сомнения в желании окрепшего Китая сохранять и впредь приверженность политике добрососедства. Да и в целом повышенная напористость 2009—2010 гг. принесла Пекину мало дивидендов. Более того, международная среда существования Китая усложнилась.

Критически анализируя этот период внешней политики КНР постфактум, некоторые китайские политологи пришли к выводу, что переоценка мощи страны, наступательный стиль поведения в международных отношениях и рост националистических настроений ведут «к углублению недопонимания Китая внешним миром, негативно влияют на эффективность внешней политики и вредят его государственным интересам»⁴⁰.

С конца 2010 г. китайское руководство стало вносить заметные *коррективы во внешнеполитический курс*, призванные показать неизменную приверженность Пекина линии на сугубо мирное развитие, добрососедство, обоюдный выигрыш, решение любых спорных проблем путем диалога.

Одним из первых сигналов стала статья члена Госсовета КНР Дай Бинго, которая была размещена на сайте МИД КНР 6 декабря 2010 г., а затем опубликована во многих изданиях, в том числе за рубежом. Дай Бинго заверил потенциально огромную аудиторию своих читателей в отсутствии у КНР каких-либо тайных амбиций, скрытой повестки дня, намерений добиваться гегемонии, в ее приверженности пути мирного развития «в течение следующих ста и даже тысячи лет». Дай Бинго призвал мировое сообщество приветствовать мирное развитие Китая, а не бояться его, помогать ему и поддерживать его, а не пытаться подрывать и сдерживать соответствующие усилия КНР.

Одновременно международному сообществу было адресовано требование «понимать и уважать законные интересы и озабоченности Китая в ходе осуществления его мирного развития». Особо было подчеркнуто, что не может быть выбран такой путь развития, который наносил бы ущерб коренным национальным интересам. В их

число Дай Бинго включил сохранение действующей политической системы (включая руководство КПК и социалистический путь развития), суверенитет, территориальную целостность, достижение национального единства и обеспечение основных гарантий устойчивого экономического развития⁴¹.

Основные идеи статьи Дай Бинго были закреплены и развиты в Белой книге Госсовета КНР «Мирное развитие Китая», датированной 6 сентября 2011 г. В специальном разделе Белой книги, характеризующем внешнюю политику Китая, ее целями были провозглашены: содействие строительству гармоничного мира; следование самостоятельным курсом, базирующимся на пяти принципах мирного сосуществования; содействие новому подходу к обеспечению безопасности, основанному на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве и координации; несение подобающей международной ответственности; ориентация на региональное сотрудничество и добрососедство. Как и в статье Дай Бинго, в заключительном разделе документа выражалась надежда, что международное сообщество поверит в искренность китайского народа и в его решимость следовать мирным путем развития и будет содействовать этому курсу, а не препятствовать ему⁴².

В китайских СМИ появились многочисленные публикации, доказывающие, что внешнеполитические заветы Дэн Сяопина, призывавшего Китай к осторожному, осмотрительному поведению в мировых делах, являются долгосрочным ориентиром для страны, а вовсе не какой-то вынужденной тактической уловкой, от которой пришла пора отказаться. Как подчеркнул известный китайский дипломат, бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, следование заветам Дэн Сяопина и, в частности, его ключевому призыву «не выставлять напоказ свои таланты» нацелено на то, чтобы и в перспективе сохранить Китаю возможности для развития и сотрудничества, не дать поломать этот курс.

У Цзяньминь подверг критике приверженцев перехода к более наступательным методам во внешней политике КНР, особенно при решении тех или иных споров с зарубежными странами. «Они, — подчеркнул У, — забыли, что эпоха изменилась, и тот, кто провоцирует войну, утратит симпатии, окажется в пассивном положении и изоляции»⁴³. Быстро меняющаяся международная обстановка, отме-

тил президент Китайского общества народной дипломатии Ян Вэньчан, требует от Китая «хладнокровного наблюдения», только таким образом можно будет выявить реальные тенденции эпохи⁴⁴.

В КНР участились публикации статей дипломатов высшего звена, подробно разъясняющие современный внешнеполитический курс страны.

С конца 2010 г. для разъяснения приверженности Китая пути мирного развития в ведущие зарубежные государства были направлены группы высокопоставленных отставных китайских дипломатов, проводивших беседы и дискуссии с экспертами и официальными лицами США, Канады, России, Казахстана, Индии, Франции и т. д.

Определенные коррективы начали вноситься и в практику.

Был взят долгосрочный курс на утверждение в мире достойного, благоприятного образа Китая, «призванного отразить миролюбие страны, ее ответственность перед международным сообществом и приверженность общему развитию»⁴⁵. Реализация этой цели видится, прежде всего, в повышении привлекательности китайской культуры за рубежом и в укреплении международного культурного влияния Китая. В то же время, некоторые зарубежные эксперты считают самым слабым местом «мягкой силы» Китая не культурную сферу, а политические институты и дипломатию (в плане их позитивного восприятия в мире)⁴⁶. В данном контексте вполне естественно, что в КНР после увлечения в предшествующий период общей концепцией «мягкой силы» делают следующий шаг, начав углубленное осмысление концепции «умной», или «умелой» силы (*smart power*)⁴⁷.

Корректируемый *внешнеполитический курс КНР сохраняет глобальный характер*. По-прежнему заметное место в нем уделяется Африке, выступающей и «демонстрационной витриной» эффективности китайской помощи, и в качестве источника нефти, минерального сырья и дополнительных сельхозугодий, а также в связи с «арабской весной», непосредственно затронувшей, как минимум, экономические интересы Пекина. Глобальное измерение международной деятельности Китая проявляется также в его растущей активности в Арктике (на эту тему в КНР уже опубликованы первые монографии) и в Антарктике, хотя, по оценке западных политологов, «здесь Китай пока являет собой среднюю державу, обладающую устремлениями большой державы»⁴⁸.

Несмотря на регулярные контакты высших должностных лиц КНР с функционерами Европейского союза и входящих в него стран складывалось ощущение некоторого снижения политической активности Пекина на европейском направлении. Это можно было объяснить выжидательной позицией Китая в условиях незавершенности развития ситуации с европейским долговым кризисом. Играло свою роль и то обстоятельство, что Европейский союз, добываясь весомого содействия Китая в решении своих финансовых проблем, уклонялся от удовлетворения встречных запросов о признании КНР рыночной экономикой и отмене эмбарго на продажу ей военной техники.

Как показали дальнейшие события, пауза оказалась кратковременной. С приходом к руководству страной Си Цзиньпина Пекин резко увеличил внимание к связям с Европой. В то же время в региональных направлениях внешней политики Пекина *усилилось приоритетное место* прилегающих к Китаю государств и субрегионов Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Именно соседний пояс остается основной зоной проецирования и реализации государственных интересов КНР на международной арене, и именно здесь в наибольшей мере оказались сфокусированы разного рода трения и недопонимания, вызванные напористыми действиями Пекина в 2009—2010 гг. «Китай, — констатировали в начале 2012 г. китайские СМИ, — должен, прежде всего, наладить отношения с соседями»⁴⁹.

Наметилось улучшение отношений с Японией. Состоялся визит в КНР нового премьер-министра Японии Ёсихико Нода, была достигнута договоренность об использовании национальных валют во взаимной торговле и инновационных сделках, возобновлены усилия по углублению экономической интеграции в «треугольнике» Китай—Япония—Республика Корея. Президент последней Ли Мён Бак также посетил КНР, положив конец определенному охлаждению политических отношений двух стран из-за различий в оценке причин напряженности на Корейском полуострове.

Политическая и экономическая поддержка Китая способствовала сохранению стабильности в КНДР после внезапной кончины Ким Чен Ира. Пекин прилагает активные усилия по возобновлению шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

Предприняты шаги по «ремонту» отношений с Индией, в которых в 2009—2010 гг. явно накапливалась скрытая напряженность, порожденная взаимными подозрениями двух держав по поводу неких попыток «окружить» друг друга и неуступчивостью в решении пограничной проблемы⁵⁰. В сентябре 2011 г. в Пекине был проведен первый раунд китайско-индийского стратегического экономического диалога. 17 января 2012 г. в Дели подписано двустороннее межправительственное соглашение о создании консультативно-координационного механизма по делам пограничных территорий. Оно нацелено на укрепление сотрудничества Китая и Индии в обеспечении мира и спокойствия на приграничных территориях двух стран.

Несколько по иному развивалась ситуация в Южно-Китайском море. До середины 2011 г. Китай продолжал наращивать здесь давление. 26 мая три китайских корабля заблокировали принадлежавшее вьетнамской государственной нефтегазовой компании судно «Биньминь 02», которое «вело сейсмическую разведку на континентальном шельфе и в эксклюзивной экономической зоне Вьетнама». Подводный кабель вьетнамского судна был перерезан, чего, как утверждали в Ханое, нельзя сделать без специального оборудования⁵¹. Однако поскольку ни Пекин, ни Ханой не были заинтересованы в нагнетании страстей и ухудшении двусторонних отношений, в октябре 2011 г. в ходе визита в КНР лидера компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга сторонам удалось достичь компромисса и выйти на подписание Соглашения о базисных руководящих принципах урегулирования морских проблем между КНР и СРВ. В нем Китай и Вьетнам обязались гарантировать мир и стабильность в Южно-Китайском море до окончательного решения спорных проблем и не предпринимать действий, способных осложнить ситуацию⁵².

По-другому сложился спор Китая с Филиппинами. В конце августа 2011 г. в ходе визита в КНР президента Бенигно Акино стороны обменялись мнениями о конфликте в Южно-Китайском море, но к сближению позиций не пришли, согласившись лишь, что данный конфликт не должен сказываться на «более широкой картине дружбы и сотрудничества между двумя странами»⁵³. Однако уже вскоре активное участие Филиппин в военных маневрах с США, призывы Манилы к странам АСЕАН организовать общий фронт противодействия Китаю и настойчивая дефиниция прилегающей с

запада к архипелагу части акватории как «Западно-Филиппинского моря» вызвали в Пекине сильное раздражение, за которым последовал призыв «наказать Филиппины», причем достаточно сильно, чтобы «отбить у некоторых наций охоту присоединяться к США для сдерживания Китая»⁵⁴.

В разгар споров с Филиппинами и накануне Восточно-Азиатского саммита, в повестку дня которого США пытались продвинуть обсуждение ситуации в Южно-Китайском море, министерство иностранных дел КНР обнародовало Белую книгу о результатах сотрудничества Китая с АСЕАН в период 1991—2011 гг. Главная цель документа состояла в том, чтобы, показав широкую панораму и высокую динамику развития двустороннего сотрудничества в самых разных сферах в предшествующее двадцатилетие, уверить государства региона в стремлении Китая всегда быть их «хорошим другом, хорошим соседом и хорошим партнером»⁵⁵. В параллельных материалах ведущих китайских СМИ выражалась надежда, что «большинство членов АСЕАН не попадет в ловушку споров о Южно-Китайском море, которые должны быть решены через двусторонние диалоги заинтересованных стран»⁵⁶.

К началу 2012 г. напряжение в зоне Южно-Китайского моря несколько спало. 14 января 2012 г. в Пекине прошло совещание Китая и стран АСЕАН о реализации Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море в контексте отмечавшегося десятилетия со времени ее принятия, на котором была зафиксирована заинтересованность вовлеченных стран «в продвижении делового сотрудничества» и «обеспечении мира и стабильности» в этой акватории⁵⁷.

Разумеется, споры по Южно-Китайскому морю лишь несколько приутихли, но далеко не прекратились. Принимая во внимание серьезные сложности с продвижением максималистской позиции Китая и отсутствие у нее достаточной поддержки в международном сообществе, китайские эксперты начали прорабатывать резервные варианты. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша (Парасельскими и Спратли), сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем⁵⁸. 29 февраля 2012 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй заявил, что «никакая страна, включая Китай, не требует установления своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем».

Впрочем, в Китае раздаются и единичные радикальные призывы — «не ставить под угрозу дело возрождения страны, пойдя на неадекватное поведение в Южно-Китайском море». По мнению полковника Цяо Ляна, потенциальные выгоды Китая от полного контроля за Южно-Китайским морем несопоставимо меньше, чем выигрыш для дела модернизации, уже полученный им от сотрудничества с внешним миром. В целом, полагает он, «возвышение Китая требует стратегической мудрости и стратегического терпения»⁵⁹.

В двусторонних отношениях Китая с отдельными странами усилился приоритетный характер *отношений с США*. Одна из главных целей корректировки внешнеполитического курса Пекина состояла в том, чтобы снизить антикитайскую направленность международной политики Вашингтона в целом и особенно декларированной им стратегии «возвращения в Азию», улучшив тем самым общую внешнюю среду развития страны.

По свидетельству Д. Шамбо, на ежегодной конференции Китайского общества международных отношений в Ланьчжоу в 2010 г. на первое место была поставлена рекомендация «не вступать в конфронтацию с Америкой»⁶⁰.

Значительно скромнее стало оцениваться соотношение сил двух стран. Как констатировал директор Департамента планирования МИД КНР Лэ Юйчэн, «в ближайшие 20—30 лет никто не сможет стать равным соперником США»⁶¹.

Оптимальный для Китая вариант отношений с США нашел отражение в Совместном китайско-американском заявлении, подписанном 19 января 2011 г. в ходе официального визита Ху Цзиньтао в Америку. Основополагающее значение для позитивного развития двусторонних связей призвано иметь положение о том, что «США... приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, играющий *большую* роль в мировых делах. Китай приветствует Соединенные Штаты как Азиатско-Тихоокеанскую нацию, вносящую вклад в мир, стабильность и процветание региона». Была декларирована приверженность Китая и США «строительству кооперативистского партнерства, основанного на взаимном уважении и обоюдном выигрыше»⁶².

Примерно с этого момента в китайском подходе к США возникает своего рода раздвоение: на официальном уровне доминирует

чрезвычайно осторожная позиция, отношения с Вашингтоном неизменно характеризуются как «в основном хорошие», «здоровые». В то же время в экспертном сообществе нередко высказывались весьма жесткие оценки политики США, особенно их «возвращения в Азию» и присоединения к Транстихоокеанскому партнерству.

Лишь на рубеже 2011—2012 гг. официальные и экспертные оценки сблизилась, возможно, в преддверии визита в США Си Цзиньпина, который состоялся в феврале 2012 г. Так, директор Института США Китайской академии современных международных отношений Юань Пэн на годичной конференции по итогам внешней политики Китая в 2011 г. признал, что перемещение стратегического центра тяжести глобальной политики США в АТР «не полностью обусловлено Китаем и направлено против него»⁶³. Именно такую точку зрения отстаивают американские эксперты, без устали напоминающие, что растущую важность Азии и АТР для национальных интересов США подчеркивали все четыре последних президента страны, начиная с Дж. Буша-старшего, и этот курс не был порожден возвышением Китая⁶⁴.

В любом случае, однако, процесс взаимной адаптации, поиска устраивающего и Китай, и США формата отношений на обозримую перспективу еще далеко не завершен.

Отношения с *Россией* сохраняют для Китая первостепенное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, поскольку стратегическое партнерство и равноправное взаимодействие с ней, скрепленное двусторонним Договором 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, служит гарантией от каких бы то ни было попыток окружить КНР по периметру границ. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности, министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»⁶⁵.

Вето, дважды налагавшееся Китаем и Россией при голосовании в Совете Безопасности ООН по односторонним, несбалансированным проектам резолюций по Сирии, свидетельствует о сходстве самой философии видения Пекином и Москвой особенностей современной международной жизни.

Весьма динамично в 2011 г. росла двусторонняя торговля, объем которой достиг 79,25 млрд долл. по данным китайской таможенной статистики и 83,5 млрд долл. по данным российской таможни.

Разумеется, существенное повышение роли и общая активизация Китая в мировой политике и экономике ставят перед Россией новые проблемы и задачи — как в двустороннем сотрудничестве, так и во взаимодействии в различных форматах и сферах на международной арене. Однако при наличии общего настроения Москвы и Пекина на дальнейшее углубление равноправного партнерства и стратегического взаимодействия все они, безусловно, решаемы. Возможно, главное здесь — последовательно углублять взаимное доверие, формировать у населения, экспертного сообщества, бизнеса, политической элиты России и Китая устойчиво позитивный образ страны—партнера.

Дискуссии относительно новых моментов во внешней политике КНР и вариантов ее дальнейшей эволюции продолжаются и в самой стране, и в остальном мире. Своего рода черту под ними на какое-то время подвел XVIII съезд правящей Коммунистической партии Китая (ноябрь 2012 г.), подтвердивший как ориентацию Пекина на мирный путь развития, так и его стремление «принимать более активное участие в международных делах, играть роль ответственной державы».

Примечания

¹ A Special report on China's place in the World. «Less biding and hiding: China is becoming more nationalistic and more assertive»; «The Danger of Rising China: China and America are bound to be rivals, but they do not have to be antagonists». — Economist, December 2, 2010.

² Shambaugh, David. Coping with a Conflicted China. — The Washington Quarterly, Winter 2011 (Vol. 34, No 1), p. 7.

³ См., напр.: Christensen, Thomas. The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy. — Foreign Affairs, March—April 2011; Bisley, Nick. Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region. — Global Asia, Seoul. Vol. 6, No 4, Winter 2011.

⁴ Мао Чжунгэнь, Хун Тао. Цун шэньчань даго дао сяофэй даго: сянь чжуан, цичжи юй чжэнцэ : [От державы производящей к державе потребляющей: со-

временное состояние, механизм и политика] // Синьхуа вэньчжай. Пекин. 2011. № 19. С. 54.

⁵ Economist, London. December 31, 2011 — со ссылкой на исследование Pew Research Center.

⁶ Мао Чжунгэнь, Хун Тао. Указ. соч. С. 53.

⁷ Лишисин тупо: Чжунго шоуцы цзедин хэсинь гоцзя лии : [Исторический прорыв: Китай впервые определил коренные государственные интересы] // Шицзе чжиши, Пекин. 2011. № 19. С. 20.

⁸ Расчеты по данным Международного валютного фонда позволяют оценить вклад прироста ВВП в Китае в прирост мирового валового продукта (в долларах США, в текущих ценах) за три последних года (2009—2011 гг.) в 19,7 %.

⁹ Чэнь Юэ. Даньцянь Чжунго вайцзяо дэ синь цзоусян хэ синь тэдянь : [Новые ориентиры и особенности китайской внешней политики в настоящее время] // Чжунго вайцзяо. Пекин. 2011. № 10. С. 4. (Первоначально статья опубликована в журнале «Цилинь дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао». Чанчунь. 2011. № 3. С. 25—29).

¹⁰ Ляован. Пекин. 2011. № 37. С. 27.

¹¹ Чэнь Юэ. Указ. соч. С. 4.

¹² Ян Цземянь. Лунь «сыши шюньти» хэ гоцзи лилян чунцзу дэ шидай тэдянь : [Размышления о «четырёх группах» и современных особенностях реструктуризации международных сил] // Шицзе цзинци юй чжэнчи. 2010. № 3. С. 4, 11—12.

¹³ Чжунго цзай сяндан чан шици нэй жэн цзян ши фачжаньчжун гоцзя : [Китай в течение сравнительно длинного периода времени по-прежнему остается развивающимся государством] // Цюши. 2010. № 12. С. 42—44.

¹⁴ См.: Е Цзычэн. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: Даго вайцзяо цзин шоу каоянь дэ и нянь : [Внешняя политика Китая 2011: год испытаний для дипломатии державы] // Цинь Чаоинь (гл. ред.). Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцянь гоцзи гоней чжундэ синши фэньси: 2010—2011 няньду баогао : [Китай у колеса истории — макроанализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010—2011 годы]. Пекин: Чжунго фачжань чубаньшэ, 2011. С. 109—111.

¹⁵ Чэнь Юэ. Указ. соч. С. 5.

¹⁶ См.: Бергер Я. Эволюция в геополитических взглядах в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 23—37; Shambaugh, David. Coping With a Conflicted China. The Washington Quarterly, Winter 2011. P. 7—27.

¹⁷ Взгляды Ван Сяодуна подробно изложены в статье: Габуев А. Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 78—95.

¹⁸ Как отметила Линда Якобсен в работе «Новые акторы во внешней политике Китая», во многих интервью западных ученых с экспертами и официальными лицами КНР «сетевиками» (netizens), т.е. люди, высказывающие свое мнение или участвующие в дискуссиях в Интернете, были охарактеризованы как «новая группа давления, оказывающая косвенное, но все более осязаемое влияние на формулирование внешней политики». — Jakobson, Linda, Knox, Dean. *New Foreign Policy Actors in China* — SIPRI Policy Paper. № 26. September. 2010. Stockholm. 2010, p. 44. Л. Якобсен в течение ряда лет представляла в Пекине Стокгольмский международный институт исследования проблем мира.

¹⁹ Юань Кунь. Чжунго бе у соаньцзэ : [У Китая нет другого выбора, кроме...] Пекин: Чжунъян бьяньцзэ чубаньшэ, 2010. Для более точного понимания заголовка он приведен на обложке книги и в англоязычном варианте: «China has no alternative but...»

²⁰ Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фуюй : [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 30.

²¹ Shambaugh, David. *Coping with a Conflicted China*, p. 24.

²² URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23))

²³ McVadon, Eric. *The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea*. *China Security*. Washington, 2009, vol. 5, No 2, pp. 3—17. Цитата — p. 7.

²⁴ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2010]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ. 2010. С. 261.

²⁵ Chase, Michael. *Chinese Suspicion and US Intentions*. *Survival*. Washington, Vol. 53, No 3, June—July 2011, pp. 133—150.

²⁶ Чжан Ляньгуй. Чаосьянь баньдао чуюй «чжаньчжэн бяньюань»? : [Корейский полуостров: «на грани войны»?] // Шицзе чжиши. Пекин. 2009. № 5. С. 14—23; Цитата — С. 23.

²⁷ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 277.

²⁸ Цай Цзянь. Чао гай вэйци цзайци Чжунго жухэ индуй : [Новое обострение ядерного кризиса в Северной Корее. Как должен противодействовать ему Китай] // Шицзе чжиши. 2009. № 9. С. 27—29.

²⁹ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 277, 281.

³⁰ Glaser, Bonnie. *China's Policy in the Wake of the Second DRPK Nuclear Test* — *China Security*. 2009. Vol. 5. No 2. P. 39—40.

³¹ Юй Шаохуа. Чао гай вэньти: чулу цзай нали? : [Ядерная проблема КНДР: где выход?] // Шицзе чжиши. 2009. № 18. С. 30—31.

³² 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао... С. 283.

³³ Конкретный перечень претензий к китайской политике в отношении КНДР в 2010 г. дан в статье Т. Кристинсена «The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy». — *Foreign Affairs*, March—April 2011. Российскую версию событий см.: Жебин А. Корейский полуостров: у опасной черты // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 1. С. 123—134.

³⁴ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 268—272.

³⁵ 2011 Чжунго гоцзи дивэй баогао : [Доклад о международном статусе Китая 2011]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. С. 231—236.

³⁶ 2010 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 287—289.

³⁷ См.: Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 5. С. 34.

³⁸ Ник Бисли ссылается на некое китайское официальное лицо, заявившее в частной беседе с Х. Клинтон в марте 2010 г., что Китай отныне рассматривает утверждение своих прав в Южно-Китайском море как «коренной интерес», то есть стратегический приоритет высшего порядка. — Bisley, Nick. *Op. cit.*

³⁹ Е Цзычэн. Указ. соч. С. 97. В КНР Южно-Китайское море называется «Южное море».

⁴⁰ Там же. С. 118—119.

⁴¹ Dai Bingguo. We must stick to the path of peaceful development. — *Foreign Affairs Journal*. Chinese People's Institute of Foreign Affairs. Beijing. Spring 2011. P. 1—16.

⁴² Чжунго дэ хэпин фачжань. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань синьвэнь баньгунши. 2011 нянь 9 юэ : [Мирное развитие Китая. Канцелярия информации Государственного совета Китайской Народной Республики. Сентябрь 2011 г.] // *Beijing Review*. No 37. September 15. 2011.

⁴³ У Цзяньминь. Цзайлай и гэ хуаньцин шинянь : [Следующие десять лет международной обстановки] // *Чжунго вайцзяо*. 2011. № 9. С. 3—5.

⁴⁴ Yang Wenchang. Diplomatic words of wisdom — *China Daily*, October 29, 2011.

⁴⁵ Ян Цзечи тань 2011 нянь Чжунго вайцзяо. Чжаньшэн тяочжань вэйху гоцзя лии : [Ян Цзечи рассказывает о внешней политике Китая в 2011 г. Победить вызовы, защитить интересы государства]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html>

⁴⁶ См.: Holyk, Gregory. Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia. — *Political Science Quarterly*. New York. Vol. 126, 2011, No 2, pp. 223—254.

⁴⁷ Концепция «умной силы» (smart power, по-китайски «цяо шили», что ближе к «умелой силе») была выдвинута Сюзан Носсель в 2004 г. в публикации в журнале «Foreign Affairs».

⁴⁸ Brady, Anne- Marie. China's Rise in Antarctica? — Asian Survey, Berkeley, Vol. 50, No 4, July—August 2010, pp. 759—785. Здесь — p. 781.

⁴⁹ Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁰ Во время визита премьер-министра Индии М. Сингха в Китай в 2008 г. стороны впервые обменялись своими проектами возможного рамочного соглашения, включавшими территориальные уступки как путь к постепенному решению пограничного спора. Однако ничего нового они практически не содержали, «стороны оказались неспособны освободиться от взаимных подозрений». — Jacob, Jabin. The Sino—Indian Boundary Dispute: Sub—National Units as Ice — Breakers. — Eurasia Border Review. Slavic Research Center at Hokkaido University. Vol. 2, No 1. Summer 2011, pp. 35—45, здесь pp. 37—38.

⁵¹ China Violates Sovereignty. Viet Nam News. Hanoi. May 30, 2011.

⁵² Китайско-вьетнамское совместное заявление: Китай и Вьетнам заявили о намерении должным образом разрешить все морские вопросы. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7618050.html>

⁵³ Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011. — Beijing Review, September 22, 2011.

⁵⁴ Philippines walking a very fine line. Editorial. — Global Times, Beijing, November 17, 2011.

⁵⁵ China — ASEAN Cooperation: 1991—2011. — China Daily, November 16, 2011.

⁵⁶ Liu Weidong. East Asia Summit Agenda. China Daily, November 16, 2011.

⁵⁷ URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁸ Такое предложение, поданное как «норвежская идея», содержится в докладе Ли Гана — сотрудника Института мирового развития Центра исследования проблем развития Госсовета КНР — Чжунго цзай цзецзюэ наньхай вэньтишан сомяньлинь дэ тяочжань (Китай в процессе разрешения вызовов, связанных с проблемой споров по Южному морю). — World Development Working Paper Serie, Beijing, August 2011.

Вместе с тем идею «держаться за острова, пойдя на уступки по вопросам использования морской акватории», озвучил и Хуан Гуйфан — китайский участник конференции по проблемам сотрудничества РФ и КНР в БРИКС и АТР (Москва, 1—2 декабря 2011 г.).

⁵⁹ См.: Фэнхуан чжоукань. Шэньчжэнь. 2011, № 30. С. 68—71. Еженедельник «Фэнхуан» («Феникс») считается принадлежащим гонконгскому капиталу. Издается в Шэньчжэне, иногда продается в пекинских газетных киосках.

⁶⁰ Shambaugh, David. Op. cit., p. 19—20.

⁶¹ Лэ Юйчэн. Дуй гоцзи синши хэ Чжунго вайцзяо дэ исе каньфа юй сыкао : [Некоторые взгляды и размышления о международной обстановке и дипломатии Китая] // Чжунго вайцзяо, 2011. № 5. С. 3—8.

⁶² URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19/US-China-joint-statement>

⁶³ Китайские эксперты: следующий год станет ключевым для китайско-американских отношений, требующим надлежащего реагирования сторон. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>

⁶⁴ Cossa, Ralph, Glosserman, Brad. Return to Asia: It's Not (All) About China. — PacNet, Number 7, January 30, 2012 — Pacific Forum CSIS, Honolulu (www.pacforum.org).

⁶⁵ URL: <http://www.mid.ru>, 2012, 4 февраля.

Глава 7

РОССИЙСКИЕ ОЦЕНКИ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Объявленное администрацией Б. Обамы «возвращение» США в Азию (или, точнее, в Азиатско-Тихоокеанский регион) поначалу — в середине 2009 г. — не вызвало большого интереса в России. Для Москвы существенно более важное значение имели другие аспекты внешней политики Вашингтона, непосредственно связанные с российско-американскими отношениями. Надежды на их «перезагрузку» (reset), то есть общее улучшение, связывались в первую очередь с продвижением нового раунда переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений, с отказом США от планов размещения элементов системы противоракетной обороны (ПРО) в Чехии и Польше, которые вынашивала предыдущая администрация во главе с президентом Дж. Бушем-младшим и, наконец, с отказом Вашингтона от бесцеремонного затаскивания в НАТО постсоветских государств, прежде всего Грузии и Украины. Нетрудно заметить, что географически эти приоритетные для России направления двусторонних российско-американских отношений относились к европейскому и, шире, евро-атлантическому сегменту мировой геополитики.

Обострение в 2010 г. ситуации вокруг Корейского полуострова, связанное с гибелью южнокорейского судна «Чхонан» и обстрелом северянами контролируемого Сеулом острова Ёнпхэндо, стало, по-видимому, основным побудительным мотивом повышения внимания Москвы к Восточной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, начавшаяся подготовка к проведению во Владивостоке в сентябре 2012 г. саммита Организации Азиатско-Тихоокеанского экономиче-

ского сотрудничества (АТЭС, АРЕС) способствовала актуализации планов ускоренного экономического развития дальневосточных территорий России и более активного включения страны в целом в экономическую жизнь и в интеграционные процессы в АТР.

В 2011 — начале 2012 г. внимание в России к событиям и процессам в АТР еще более усилилось. «Возвращение» США в регион начало обретать черты открытого противодействия возвышению Китая, вышедшего на 2-е место в мире по годовому объему ВВП. Политика реанимации Вашингтоном старых союзнических отношений в АТР и создания новых в целях «сдерживания» Китая в той или иной мере затрагивает интересы России. Вместе с тем часть жителей России настороженно отнеслась к характерной для последних трех лет напористой политике Китая в отношении соседей. В условиях предвыборного периода в Российской Федерации высокопоставленные российские политики сочли необходимым сделать достаточно развернутые и четкие заявления по проблеме позиционирования страны в мире, включая оценку современной геополитической ситуации в АТР.

Наибольший интерес в этом плане представляют программные статьи В.В. Путина, избранного 4 марта 2012 г. президентом России на последующие 6 лет. В статье «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России»¹ он отметил необходимость «решительных шагов по укреплению единой системы воздушно-космической обороны страны, пояснив, что «к этим действиям нас подталкивает политика США и НАТО в вопросе развертывания ПРО». Как известно, российское предложение по созданию совместной с европейскими странами системы противоракетной обороны было отвергнуто, а США отказываются письменно подтвердить ненаправленность против России создаваемого европейского сегмента ПРО. В этих условиях Москва расценивает планы размещения в Европе (на сей раз в Польше и Румынии) элементов ПРО США как нарушающие принцип равной безопасности. Как отметил заместитель министра обороны России Анатолий Антонов в интервью газете «Коммерсант», «компоненты глобальной системы ПРО США в других регионах также имеют антироссийский потенциал. Ранее об этом говорили меньше, так как основное внимание было сосредоточено на Европе... Интеграция европейского сегмента с противора-

кетными средствами на Аляске и в Азиатско-Тихоокеанском регионе повышает совокупные возможности ПРО США»².

В целом, констатировал В.В. Путин, перед нашей страной стоит задача «развития военного потенциала в рамках стратегии сдерживания и на уровне оборонной достаточности». Одним из важных направлений здесь премьер-министр назвал возрождение в полном смысле «океанского» военно-морского флота, прежде всего на Севере и на Дальнем Востоке³.

Поясняя сохраняющуюся актуальность доктрины ядерного сдерживания, Анатолий Антонов отметил: «Разумеется, жизнь без ядерного оружия — это прекрасно. Но двигаться к безъядерному миру надо постепенно, создавая для этого условия»⁴.

В статье «Россия и меняющийся мир»⁵, посвященной современному этапу и перспективам внешней политики РФ, В.В. Путин особо выделил повышение роли в мировых делах Азиатско-Тихоокеанского региона и высказал свое видение российско-китайских отношений. По его мнению, «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка». В.В. Путин охарактеризовал созданную модель российско-китайских отношений как перспективную, констатировав при этом наличие в двусторонних связях «тех или иных шероховатостей». Главной же была названа мысль о том, что «процветающий и стабильный Китай нужен России», а Китаю нужна сильная и успешная Россия.

Отметив «неустойчивость» партнерства России и США и фактически возложив ответственность за это на американскую сторону, В.В. Путин заявил, тем не менее, о готовности «совершить качественный прорыв» в отношениях с Вашингтоном «при условии, что американцы на деле будут руководствоваться принципами равноправного и взаимоуважительного партнерства»⁶.

Комментируя предвыборную статью Путина о внешней политике Москвы, один из ведущих российских политологов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов выделил следующие основные моменты: а) Россия выглядит страной, разочарованной в Западе, а Путин сохраняет мощный заряд не-

доверия к США; б) Россия стала значительно пристальнее смотреть на Китай и Азию в целом, в том числе сквозь призму развития Сибири и Дальнего Востока⁷.

Тезис о повышении внимания России к Азии несколько ранее подтвердил и развернуто обосновал министр иностранных дел РФ Сергей Лавров в интервью газете «Известия». Рост этого внимания, по словам министра, не дань текущей политической конъюнктуре, а последовательная реализация «стратегической линии на продвижение позиций нашей страны в АТР», включая эффективное подключение России, прежде всего районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, к азиатско-тихоокеанской интеграции.

Разъясняя позицию Москвы в ситуации идущей в АТР «борьбы между Китаем и США за контроль над Тихим океаном», Сергей Лавров призвал не допустить, чтобы закономерный процесс усиления внимания мирового сообщества к этому региону «пошел по негативному пути острого соперничества и тем более конфронтации»⁸.

При этом было подчеркнуто, что важным концептуальным вкладом в поддержание стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе является совместная российско-китайская инициатива по созданию здесь «открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества», сформулированная в Совместном заявлении РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия (27 сентября 2010 г.). В этом документе Россия и Китай призвали государства АТР выстраивать свое двустороннее и многостороннее сотрудничество, придерживаясь общепризнанных международно-правовых принципов, в том числе: «уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга; подтвердить приверженность принципу равной и неделимой безопасности; подтвердить оборонительный характер своей военной политики; не применять военную силу и не угрожать ее применением»⁹.

Хотя данное российско-китайское заявление отражало прежде всего внутреннюю логику развития двусторонних отношений стратегического партнерства и намерение Москвы и Пекина углублять взаимодействие на международной арене, тем не менее, подчеркнутая в сентябре 2010 г. озабоченность двух стран проблемами безо-

пасности именно в АТР может рассматриваться как косвенный ответ на заявление о «возвращении США» в этот регион. По сути дела, Россия и Китай призвали США не дестабилизировать обстановку в регионе, воздерживаясь от демонстрации силы. То, что официальная Москва позиционирует себя в АТР ближе к Пекину, чем к Вашингтону, подтвердил и С. Лавров. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по проблемам безопасности, он заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдерживание Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»¹⁰.

По сравнению с достаточно последовательной официальной позицией России суждения в экспертном сообществе отличаются существенно большей вариативностью. К настоящему времени накопился значительный массив публикаций в ведущих политологических и востоковедных журналах России («Россия в глобальной политике», «Международная жизнь», «Проблемы Дальнего Востока», «Азия и Африка сегодня» и т. д.) и на специализированных Интернет-сайтах (Modern Politics Russia, «Новое Восточное обозрение»), позволяющих как вычлнить главные направления анализа, так и в первоначальном виде классифицировать основные подходы российских политологов и востоковедов к проблеме возвращения США в АТР.

Российские эксперты практически единодушно признают сам факт такого «возвращения» и объясняют его, в первую очередь, стремлением Вашингтона укрепить пошатнувшиеся международные позиции и престиж. Ставки делаются на воссоздание системы традиционных союзнических отношений в регионе с подключением к нему, по возможности, новых членов. Объединяющим началом здесь выступает противодействие быстро усиливающемуся Китаю. Вашингтон принимает во внимание и возросший вес азиатских государств в мировой экономике, стремясь превратить азиатско-тихоокеанский вектор своей политики в эффективный стратегический инструмент оживления экономики США. Вместе с тем в позиции конкретных экспертов присутствуют свои нюансы. Сергей Михневич склонен считать активизацию США в Азии превентивной мерой. По его мнению, страны Азии со временем могут сплотиться под эгидой Китая, который «выступает с альтернативной концепцией

развития и ставит своей целью реформирование нынешней международной системы». Для США, полагает политолог, неприемлемо столь значимое усиление какой бы то ни было страны, готовой отодвинуть Америку с занимаемых ею ведущих позиций в мире. «Исходя из этого, Штаты приложат максимальные усилия, чтобы предотвратить подобный ход событий»¹¹.

Федор Лукьянов подчеркивает реальное стремление части государств региона застраховаться с помощью США от тех или иных рисков, связанных с усилением Китая, что и было использовано Вашингтоном в своих интересах. В интервью радиостанции «Голос России» он отметил, что главным направлением дипломатического поиска США в АТР становится «укрепление или перевод в новое, союзническое качество отношений с теми странами, которые по историческим или географическим причинам могут желать балансировать Китай». Это часть традиционных союзников — Австралия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Япония. Есть и новые страны, прежде всего Вьетнам. Пытаются подтянуть к этому и колеблющуюся Индию. По мнению Ф. Лукьянова, присутствует «ощущение некоего замыкания кольца вокруг Китая»¹².

Главный редактор журнала МИД России «Международная жизнь» Армен Оганесян солидаризируется с точкой зрения, что «скоро мы должны увидеть укрепление прежних и, возможно, формирование новых военно-политических блоков. По его мнению, основу «мини-НАТО» для АТР могли бы составить США, Япония, Индия и Австралия, причем эта организация «может вырасти до размеров полноценной азиатской НАТО, в которую могли бы также войти Южная Корея, Филиппины и Таиланд». В то же время А. Оганесян считает, что до публикации в журнале *Foreign Policy* статьи госсекретаря США Хиллари Клинтон «Тихоокеанское столетие Америки»¹³ в Вашингтоне «не существовало плана действий по достижению стратегических целей в АТР»¹⁴.

Российские политологи рассматривают практически весь спектр проблем и возможных последствий, связанных с «возвращением США в Азию». Пожалуй, наибольшее внимание уделяется современному состоянию и возможной эволюции китайско-американских отношений, ситуации в Южно-Китайском море, китайско-японским спорам о принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку) и положе-

нию на Корейском полуострове. В дискуссиях по этому кругу вопросов наиболее активны специалисты по тем или иным конкретным проблемам, а не политологи общего профиля.

Как отметил научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Посол Виктор Трифонов, «возвращение США в Азию» было дополнено дальнейшим укреплением их военного присутствия в регионе. 6 января 2012 г. президент Б. Обама изложил в Пентагоне новую военную стратегию США, центром тяжести которой станет Азиатско-Тихоокеанский регион — при определенном свертывании американской военной активности в других районах мира. В целом предусматривается усиление военно-морской и военно-воздушной составляющей американской политики на Тихом океане; дальнейшее развертывание нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО; укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР. Создается, по сути, новый мощный военный комплекс в юго-западной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) с приданными флотскими и авиационными соединениями. Вся эта деятельность осуществляется с явным прицелом на Китай и на регион Южно-Китайского моря, где США берут курс на открытое противостояние с КНР¹⁵.

Российская печать активно откликнулась на новость о расширении американского военного присутствия в Австралии. Статьи на эту тему опубликовали одна из ведущих российских газет «Известия» и ряд интернет-изданий. При этом отмечалось, что в российском внешнеполитическом ведомстве «фиксируют попытки накалить обстановку в АТР»¹⁶.

Заслуживает внимания существенное различие в оценках российских экспертами роли «тайваньского фактора». Виктор Трифонов полагает, что «Вашингтон не собирается отказываться от своей линии в столь чувствительном для КНР тайваньском вопросе», о чем свидетельствуют крупные продажи администрацией Обамы новейших американских вооружений Тайваню. В то же время доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета Яна Лексютина отмечает процесс глубокой эрозии американо-тайваньских отношений вследствие сближения острова с материком, в условиях которого «военное сотрудничество между Ва-

шингтоном и Тайбэем стало сводиться к продаже вооружений». По ее мнению, в настоящее время «ограничения на реализацию тайваньской политики Белого дома обусловлены сдержанностью властей самого острова»¹⁷.

В целом, отмечает сотрудник Института Дальнего Востока РАН Андрей Давыдов, в отношениях между КНР и США на первые роли выходит не экономический, а военно-стратегический фактор. Стороны вступили в длительный период формирования модели глобального партнерства с элементами соперничества¹⁸. Вероятно, это обстоятельство делает современные китайско-американские отношения глубоко противоречивыми. Явная двойственность наблюдается и в самом Китае: положительное отношение к США у населения страны падает (по данным Pew Research Center, с 58 % опрошенных в 2010 г. до 44 % в середине 2011 г.)¹⁹, в экспертном сообществе доминируют негативные оценки политики США в Азии, однако официальный Пекин всячески пытается затушевать расхождения с Вашингтоном, пропагандируя тезис о «в целом хороших двусторонних отношениях».

Российские эксперты обращают внимание на важную роль Японии и Южной Кореи в активизации военных союзов в тихоокеанской Азии под эгидой США. Политолог-японист из Института Дальнего Востока РАН Анатолий Сёмин отметил первое в истории японо-южнокорейских отношений подписание в январе 2011 г. военных соглашений (General Security of Military Information Agreement и An Acquisition and Cross Servicing Agreement), свидетельствующее об усилиях США по созданию трехстороннего альянса, ориентированного на противодействие Китаю²⁰. Что касается Японии, то ее А. Сёмин охарактеризовал как «Британию Дальнего Востока», проявляющую готовность стать связующим звеном в формируемой Вашингтоном новой системе военного сотрудничества в регионе²¹.

Руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН Александр Жебин фактически всецело возложил на США ответственность за резкое обострение напряженности на Корейском полуострове в 2010 г. По его мнению, оно оказалось на руку тем кругам в Вашингтоне и Сеуле, которые надеялись «ускорить крах северокорейского режима и установить контроль над всем Корейским полуостровом с тем, чтобы выйти со своей военной маши-

ной прямо на сухопутные границы России и Китая»²². Однако примерно к середине 2011 г. администрация Б. Обамы осознала, что тактика прямого силового давления на КНДР бесперспективна. Были назначены новый спецпредставитель госсекретаря по политике в отношении Северной Кореи и новый глава делегации США на шестисторонних переговорах по проблеме денуклеаризации Корейского полуострова, возобновились американо-северокорейские контакты²³.

Ряд российских экспертов достаточно детально анализируют территориальные споры между Китаем и группой стран—членов АСЕАН в Южно-Китайском море. Эти споры, полагает Яна Лексютина, создают благоприятную среду для реализации Вашингтоном политики «возвращения США в Азию», с одной стороны, расширяют взаимодействие с АСЕАН, а с другой — сдерживают возрастающее региональное влияние Китая²⁴.

По мнению автора, отсутствие достаточной поддержки в международном сообществе позиции Китая по территориальным спорам в Южно-Китайском море побудило Пекин начать поиск компромиссных вариантов. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша, сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем²⁵. 29 февраля 2012 г. представитель МИД КНР подтвердил именно такую позицию, заявив, что ни Китай, ни какая-либо другая страна не требуют установления своего суверенитета на всем Южно-Китайским морем²⁶.

«Возвращение США в Азию», наращивание американской военной мощи в регионе, спровоцированное Вашингтоном осложнение американо-китайских отношений в Восточной и Юго-Восточной Азии, несомненно, затрагивают интересы России. Руководство страны высказало свою принципиальную позицию. Москва исходит из необходимости сохранять и совершенствовать стратегическое партнерство и взаимодействие с Китаем, не отказываясь при этом и от намерения одновременно наладить конструктивные отношения с США и Западом в целом.

Определенная часть экспертного сообщества видит для России в ситуации, складывающейся в западной части Азиатско-Тихоокеанского региона, «как риски быть втянутой в конфликт сверхдержав», так и возможности, следуя китайской мудрости, «наблюдать с холма за схваткой двух тигров»²⁷.

Директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин считает, что Москве следует избегать односторонней ориентации на Пекин, для чего необходимо углублять связи с соседями КНР, особенно с Индией как «второй сверхдержавой Азии в плане создания противовеса Китаю». Он полагает, что «Москва скорее всего будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР — от спора об архипелаге Дяо-юйдао/Сенкаку до вопроса о Южно-Китайском море»²⁸.

Однако гораздо чаще высказывается иная точка зрения — о необходимости сохранения и углубления курса на всестороннее развитие тесных отношений России с Китаем. Как полагает проректор Дипломатической академии МИД России Александр Лукин, «благодаря связям с Китаем и другими азиатскими партнерами Россия может оказаться в центре мирового влияния». Китай также нуждается в России как геополитическом и экономическом партнере. «Пекин хотел бы видеть Россию противовесом в его сложных отношениях партнерства — соперничества с США и Европой и как гаранта независимости его внешней политики»²⁹.

Наконец, директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко неизменно отстаивает точку зрения, что Россия и Китай «нужны друг другу как партнеры, и их взаимодействие и добрососедство являются взаимной гарантией территориальной целостности и суверенитета каждой из стран»³⁰.

Примечания

¹ Российская газета. 20.02.2012.

² «Вокруг нашей страны непростая обстановка» — заместитель министра обороны об угрозах безопасности РФ. Коммерсант. 06.02.2012.

³ Российская газета. 20.02.2012.

⁴ Коммерсант. 06.02.2012.

⁵ Московские новости. 27.02.2012.

⁶ Там же.

⁷ Лукьянов, Федор. Россия в мире: 2012—2018 // Московские новости. 28.02.2012.

⁸ Полная версия интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Россия будет стабилизирующим фактором в АТР», опубликованного 27 января 2012 г. в газете «Известия». URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/65BFD5087E327B44257992001F0CAD

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 9.

¹⁰ URL: <http://www.mid.ru>, 2012, 04 февраля.

¹¹ Михневич, Сергей. США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: лидерство любой ценой. URL: <http://modernpolitics.ru/2012/01/sha-v-aziatsko-tikhookeansko-m-regione-liderstvo-lyubojj-cenojj/>

¹² США окружают Китай вниманием. Беседа П. Журавлева с Ф. Лукьяновым — Радио «Голос России», 2012, 11 февраля. URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/55813581/65596075.html

¹³ Clinton, Hillary. America's Pacific Century. URL: <http://foreignpolicy.com/articles/2010/10/11/americas-pacific-century>

¹⁴ Оганесян, Армен. Тихоокеанский вектор США — «я приду и тебя обойму» // Международная жизнь. 2011. Декабрь. С. 43. (В кавычки взяты слова из популярной советской песни. «Обойму» — искаженное «обниму», вызывает звуковую ассоциацию с фамилией президента США Обамы. — *прим. авт.*)

¹⁵ Трифонов, Виктор. Выступление на заочном Круглом столе «Фактор Китая во взаимоотношениях РФ с США» // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 101—102.

¹⁶ Являнский, Игорь. Австралия получит защиту от Китая. Новая база для 2,5 тысяч морских пехотинцев вызывает раздражение в Пекине и вопросы в Москве // Известия. 01.02.2012.

¹⁷ Трифонов, Виктор. Цит. выступление. С. 102; Войтенко, Эдуард; Лексютина, Яна. Тайвань между Китаем и Америкой // Россия в глобальной политике. 2011. № 1. С. 118—120.

¹⁸ Давыдов, Андрей. Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди? // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 100.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сёмин, Анатолий. США—Япония— Южная Корея: трехсторонний альянс может стать реальностью? — Интернет-сайт «Новое восточное обозрение». URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/print/4430> от 18.02.2011.

²¹ Сёмин, Анатолий. Азиатско-Тихоокеанский регион: США уходить не собираются. URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/print/11296> от 02.03.2012.

²² Жебин, Александр. Корейский полуостров: у опасной черты (The Korean Peninsula: The Dangerous Threshold) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 133.

²³ Жебин, Александр. КНДР: каким курсом? // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 18.

²⁴ Лексютина, Яна. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 39.

²⁵ Портяков, Владимир. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009—2011 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 25.

²⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7744555.html>

²⁷ Габуев, Александр; Беянинов, Кирилл. США меняют Ближний Восток на Дальний. Америка подходит к границам России со стороны Азии // Коммерсант. 13.03.2012.

²⁸ Тренин, Дмитрий. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М., 2012. С. 64—65 (Trenin, Dmitri. True partners? How Russia and China see each other. — London, Centre for European Reform, 2012, pp. 46—47).

²⁹ Lukin, Alexander. Solid Basis for partnership — Russia Beyond the Headlines. Distribute with «South China Morning Post», Hong Kong, February 29, 2012.

³⁰ Титаренко М.Л. Выступление — Круглый стол в журнале «Проблемы Дальнего Востока» «Меняющийся Китай в меняющемся мире» // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 121.

Глава 8

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2012 ГОДУ

Основные особенности внешней политики КНР в 2012 г. определялись задачами выработки международно-политической платформы XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая, необходимостью оперативного реагирования на динамичные подвиги на мировой арене и потребностями диверсификации внешнеполитического инструментария страны.

Неплохое представление о приоритетах Пекина в сфере внешней политики дает содержание ежемесячного журнала-дайджеста «Дипломатия Китая» («Чжунго вайцзяо»), который публикует наиболее интересные или дискуссионные статьи из ведущих китайских общественно-политических и научных изданий, освещающих проблемы позиционирования КНР в мире и ее отношения с другими странами.

В 2012 г. в журнале было опубликовано 117 статей, из которых примерно половина, 55, посвящены общим вопросам теории и практики внешней политики КНР, 24 статьи — различным аспектам китайско-американских отношений, 13 — связям с государствами Восточной Азии и АСЕАН, 8 — «соседскому окружению» в целом, по 4 статьи — Европейскому союзу и России. Единичные статьи рассматривали политику КНР в отношении государств Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, Ближнего и Среднего Востока, Турции и т. д.

I

Вышеприведенная статистика свидетельствует, что проблемы общей оценки расстановки сил в мире и адекватной характеристики современной международной ситуации, прямо связанные с определением долгосрочных задач КНР во внешней политике, находились в центре внимания руководства и экспертного сообщества Китая.

Это нашло непосредственное отражение в процессе подготовки внешнеполитического раздела Отчетного доклада ЦК КПК XVIII съезду партии.

Концептуальные положения, претендовавшие на включение в Отчетный доклад, подразделялись на две категории. К числу бесспорных позиций относились: констатация независимого и самостоятельного характера внешнеполитического курса Китая, его декларативная приверженность пути мирного развития и адресуемая всему международному сообществу идея строительства «гармоничного мира».

В предсъездовский период в китайской печати велась широкая пропаганда данных позиций. Со следованием путем мирного развития непосредственной связывались успехи КНР на международной арене¹. А концепция гармоничного мира, наряду с положением об «общем выигрыше», квалифицировалась как «важный вклад в дело процветания и прогресса человеческой цивилизации»².

Во вторую категорию можно включить положения, ставшие в предсъездовский период предметом дискуссий в экспертном сообществе Китая.

Прежде всего, это традиционное для китайской дипломатии последних двух десятилетий утверждение о движении мироустройства в сторону многополярности. В конце 2011 г. в его справедливости усомнился Линь Лиминь — главный редактор журнала Китайской академии современных международных отношений «Современные международные отношения» («Сяньдай гоцзи гуаньси»). По его мнению, низкие темпы экономического роста в Японии, Европейском союзе и России, начиная с мирового экономического кризиса 2008—2009 гг., затормозили тенденцию к формированию в мире многополярности и, напротив, стимулировали движение мировой архитектоники в направлении оформления «большой двойки» в лице США и Китая³. Сходную точку зрения неоднократно высказы-

вал и один из ведущих китайских политологов-международников Янь Сюэтуан из Университета Цинхуа, что стало логичным развитием его более ранней идеи об ускорении дифференциации в кругу великих держав и возможном формировании к 2020 г. трех различных по степени влияния групп — сверхдержавы в лице США, «квази-сверхдержавы» в лице Китая и остальных держав, представленных «восходящими» Индией и Россией и «нисходящими» Францией, Японией, Великобританией и Германией»⁴.

Идея появления в мире новой биполярности с КНР в качестве одного из полюсов была подвергнута довольно жесткой критике. У Китая, по мнению Сюэ Фукана, отсутствуют объективные условия для превращения в «один из двух центров мира», к тому же в интересах развития в будущем конструктивных отношений с США ему следует отвергнуть саму идею формирования биполярного мироустройства⁵.

В итоге в отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК прозвучала предельно лапидарная констатация: «углубляется развитие мировой многополярности и глобализации экономики».

Возникла дискуссия и по вопросу о включении в отчетный доклад тех или иных характеристик поведения Китая на международной арене, помимо решимости и впредь «непоколебимо проводить независимую и самостоятельную внешнюю политику»⁶. Судя по всему, рассматривались два варианта:

1) дать достаточно детальную формулировку, но без упоминания о защите «коренных интересов» страны, например, «внешняя политика Китая решительно защищает государственный суверенитет, безопасность, территориальную целостность, отстаивает интересы развития государства, служит социально-экономическому развитию страны, защищает законные права и интересы китайских граждан и юридических лиц за рубежом»⁷;

2) сделать акцент за защите «коренных интересов страны», продолжая линию 2009—2011 гг., когда эта категория стала активно пропагандироваться в КНР (например, в статьях и выступлениях члена Госсовета КНР Дай Бинго).

Похоже, что вариант с акцентом на «коренные интересы» не получил должной поддержки. Косвенно об этом свидетельствует критика данной категории на страницах китайской печати. Так, в статье

Ши Чжиюя, представляющего факультет политологии Тайваньского университета, отмечена недостаточная проработанность понятия «коренные интересы», его узкая применимость — фактически к отношениям КНР только с США, но не с другими акторами, и наличие в нем элемента конфликтности («если коренные интересы двух государств противоречат друг другу, то кто будет должен уступить?»⁸). В результате в отчетный доклад вошла редуцированная формулировка, ранее уже фигурировавшая в Коммюнике 5-го пленума ЦК КПК 17-го созыва (18 октября 2010 г.): «Мы будем с непоколебимой стойкостью охранять суверенитет, безопасность и интересы развития государства»⁹.

В послесъездовский период в ряде публикаций, которые принято характеризовать как установочные, была предпринята попытка закрепить именно эту формулировку. Так, заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Чжицзюнь в выступлении на 8-м «Форуме в голубой гостиной» 28 декабря 2012 г. заявил: «Во внешнеполитическом курсе мы эффективно защитили суверенитет, безопасность, интересы развития государства, создав в целом стабильную и благоприятную внешнюю среду для проведения нашей страной политики реформ и открытости и осуществления дела социалистической модернизации»¹⁰. А в статье министра иностранных дел Ян Цзечи в журнале «Цюши» «защита суверенитета, безопасности и интересов развития государства» была включена в перечень основных достижений китайской дипломатии в 2012 г. и проиллюстрирована, среди прочего, твердой позицией Китая по вопросу о суверенитете над островами Дяюйдао в Восточно-Китайском море и островом Хуаньяндао (риф Скарборо) в Южно-Китайском море¹¹.

В то же время новый Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в выступлении на коллективной учебе членов политбюро ЦК КПК 28 января 2013 г. использовал вместе и вышеприведенную формулировку, и категорию «коренные интересы»: «Нам необходимо решительно следовать путем мирного развития, но мы не можем... жертвовать коренными интересами государства. Никакая зарубежная страна не может рассчитывать, что мы ... сможем проглотить горькую пилюлю нанесения ущерба суверенитету, безопасности, интересам развития нашего государства»¹².

Так что, скорее всего, сюжет с «коренными интересами» будет иметь продолжение.

Наконец, дискуссионным оказался и вопрос об общей оценке степени благоприятности для Китая сложившейся международной обстановки. По свидетельству известного китайского дипломата, бывшего директора Института международных проблем МИД КНР Ма Чжэньгана, в связи с декларированным администрацией президента Б. Обамы «возвращением США в Азию» в Китае кое у кого появились пессимистические оценки «серьезного ухудшения» международной среды и даже сомнения в принципах и курсе внешней политики страны. Признавая возникновение «некоторых помех» миру и стабильности в соседском окружении КНР, Ма Чжэньган охарактеризовал их как «частные проблемы», отстаивая тезис о сохранении в целом благоприятной международной обстановки для страны. Свой оптимизм он подкрепил сравнением современной ситуации с тремя периодами действительно серьезного ухудшения международной обстановки: в первые годы существования КНР, когда Запад пытался проводить политику политической изоляции и экономической блокады Китая; в 1960-е — 1970-е годы, когда страна оказалась во враждебном окружении со всех четырех сторон; после 1989 г., когда Пекин столкнулся с санкциями Запада. Тогда КНР сумела, в конечном счете, изменить ситуацию и успешно преодолеть трудности. Ныне же, декларировал Ма Чжэньган, «в мире нет силы, которая могла бы сдерживать возвышение Китая»¹³.

В съездовском отчете ЦК КПК возобладал «позитив»: «Соотношение международных сил развивается в сторону, благоприятную для защиты мира во всем мире. Налицо еще больше благоприятных условий для сохранения в целом стабильности международной ситуации». В то же время не был забыт и негатив: «...Мир все еще весьма неспокоен ... учащаются локальные потрясения».

II

В 2012 г. главными для КНР стали один глобальный и три региональных международно-политических вызова.

Под глобальным вызовом мы понимаем сохраняющееся противодействие дальнейшему возвышению Китая со стороны США. У данного явления есть бросающаяся в глаза специфика. Официаль-

ные лица и в США, и в Китае предпочитают не выпячивать имеющиеся трения и нарастающее соперничество двух держав в Азии. Напротив, в Пекине всячески подчеркивают, что хотя в китайско-американских отношениях присутствуют некоторые негативные факторы, однако ведущей стороной в них выступает сотрудничество, и «столкновение КНР и США не является неизбежной тенденцией и тем более не является выбором двух сторон»¹⁴. Более того, положение отчетного доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК о «создании нового типа отношений между крупными государствами» адресовано, как следует из статьи Ян Цзечи в журнале «Цюши», прежде всего именно США: «Руководители двух стран достигли важного общего понимания о необходимости продолжать продвигать вперед строительство отношений сотрудничества и партнерства между КНР и США, сообща вести поиск и создавать новый тип отношений между державами»¹⁵.

Несмотря на критику Китая со стороны официальных лиц в США по ряду конкретных вопросов (совместное с Россией ветоирование проектов резолюций Совета Безопасности ООН по Сирии, якобы нерыночный обменный курс юаня к доллару и т. п.), в целом декларируемая Вашингтоном политика в отношении Пекина выглядит внешне вполне корректно, что, в частности, нашло наглядное проявление в ходе предвыборных дебатов Б. Обамы и М. Ромни. О каком-либо «сдерживании» Китая никто, казалось бы, и речи не ведет.

Однако и общая стратегия «возвращения США в Азию», и активное продвижение идеи Транстихоокеанского партнерства, и «второе дыхание», приданное американским военным союзам в Восточной Азии, содержат несомненный антикитайский подтекст. Показательна критика рядом известных американских китаеведов (Кеннет Либерталь, Роберт Росс) политики Б. Обамы в отношении Китая. Так, по мнению Р. Росса, «в отличие от прежних администраций, при Обаме Белый дом перестал считаться с законными интересами Китая в пограничных с ним регионах, включая те, которые не являются жизненно важными для безопасности США»¹⁶.

В Пекине приветствовали назначение Джона Керри на пост государственного секретаря США, поскольку он «критиковал тенденцию к демонизации Китая и восприятию его как следующей боль-

шой угрозы»¹⁷. Однако убеждение, что США, несмотря на углубляющуюся взаимозависимость с Китаем, по-прежнему видят в нем потенциального противника и будут в дальнейшем усиливать разностороннее сдерживание Пекина¹⁸, остается широко распространенным в китайском экспертном сообществе.

Так что китайско-американские отношения почти гарантированно сохранят противоречивый характер и в период политического лидерства Си Цзиньпина.

Из *региональных вызовов* наибольшую остроту в 2012 г. приобрел конфликт с *Японией*. Непосредственным поводом для обострения двусторонних отношений послужило приобретение в сентябре японским правительством части оспариваемых Китаем островов Сенкаку (Дяюйдао), прежде находившихся в частной собственности¹⁹. Конфликт стал лакмусовой бумажкой, выявившей длинный перечень взаимных претензий стран друг к другу. Их главной причиной, на наш взгляд, является не только различие в трактовке исторических событий, особенно китайско-японской войны 1894—1895 гг. и участия Японии во Второй мировой войне, но и продолжающееся соперничество двух стран за лидерство в Восточной Азии и Азии в целом. Возможно, особое упорство Японии в споре об островах Сенкаку (Дяюйдао) объясняется, помимо прочего, весьма болезненной реакцией японского общества на недавнюю уступку КНР 2-го места в мире по объему валового внутреннего продукта и желанием продемонстрировать, что у Японии «еще есть порох в пороховницах» и что она вовсе не собирается сдавать Китаю все новые позиции.

О том, что конфликт зашел действительно далеко, свидетельствует явное торможение восточноазиатской экономической интеграции между Японией, Республикой Корея и Китаем, казалось бы, уверенно продвигавшейся вперед еще в первой половине года.

С определенным временным лагом политические коллизии негативно отразились на двусторонней торговле. В 2012 г. ее объем (329,45 млрд долл.) сократился на 3,9 %, в том числе китайский импорт из Японии — на 8,6 %²⁰.

Новое развитие получили споры о суверенитете над островами Спратли (Наньша) в Южно-Китайском море. В первой половине 2012 г. наибольшую остроту ситуации придали попытки Филиппин

утвердить свою юрисдикцию над рифом Скарборо (Хуанъяньдао) на том основании, что географически он попадает в район эксклюзивной экономической зоны Филиппин. Китай отреагировал оперативно и жестко, вытеснив своими патрульными судами филиппинские катера из зоны конфликта и развернув широкую пропагандистскую кампанию по вопросу об историческом праве Китая на Хуанъяньдао²¹.

Во второй половине года внимание китайской стороны в большей мере переключилось на *Вьетнам*, попытавшийся закрепить свои права на острова Парасельские и Спратли в национальном законодательстве (21 июня во Вьетнаме был принят Закон о море). В связи с этим некоторые китайские СМИ посетовали, что «Вьетнам зашел слишком далеко», «забыл уроки, преподанные ему Китаем»²² (имеется в виду вооруженный захват Китаем островов Сиша у тогдашней администрации Южного Вьетнама в 1974 г. и силовое вытеснение вьетнамцев с островов Наньша в 1988 г.).

Вместе с тем в отличие от ситуации с Японией, трения КНР с Филиппинами и Вьетнамом по вопросу о суверенитете над островами Южно-Китайского моря не привели к снижению объемов двусторонней торговли. Напротив, они довольно значительно выросли: с Филиппинами на 12,8 % по сравнению с 2011 г., до 36,4 млрд долл., а с Вьетнамом на 25,4 % — до 50,4 млрд долл.²³ Здесь чувствуется стремление КНР по максимуму использовать свой главный козырь — привлекательность для государств региона торговли с нею как важного фактора их экономического роста, что в конечном счете призвано позитивно повлиять и на их политические отношения с Пекином.

Был предпринят и важный шаг по административному закреплению принадлежности островов Южно-Китайского моря Китаю. Вместо существовавшей с 1959 г. канцелярии островов Сиша, Чжунша и Наньша был учрежден город Саньша в ранге окружного (*дици*) города. Город площадью 2,13 км² и с населением 2 тыс. человек располагается на крупнейшем в Южно-Китайском море острове Юнсин²⁴. Учреждение города Саньша призвано «заставить иностранные круги адаптироваться к решительной защите Китаем своего суверенитета в Южно-Китайском море»²⁵.

Вместе с тем несмотря на всю браваду и пропагандистскую напористость в КНР прекрасно осознают, что, во-первых, споры о юрисдикции над островами и акваториями Южно-Китайского моря будут носить долговременный затяжной характер и что позиция Пекина по данному вопросу не встречает поддержки в международном сообществе. Показательно, что и в обстановке заметного роста в КНР националистических настроений находятся люди, занимающие трезвую позицию. В частности, глава Китайской академии исследования Южно-Китайского моря У Шицунь полагает, что стратегическим интересам Китая соответствует «рациональное самоограничение, сдержанность в вопросах, затрагивающих пограничные территории»²⁶.

Третий региональный вызов — *индийский* — не носил в 2012 г. особенно острого характера, несмотря на отмечавшееся 50-летие пограничного конфликта 1962 г. между КНР и Индией. Вместе с тем заметная активизация Индии в разведке нефти и газа в Южно-Китайском море, общее стремление Дели сделать Азию и АТР одним из своих основных внешнеполитических приоритетов и связанные с этим меры по усилению индийского военно-морского флота воспринимаются в Пекине с явной озабоченностью. Впрочем, появились и позитивные моменты, связанные с некоторым охлаждением отношений Индии с США и заявлениями Нью-Дели о приверженности доктрине «стратегической автономности» — своего рода новой версии политики неприсоединения²⁷.

III

2012 год был отмечен очевидным стремлением китайского руководства к диверсификации внешнеполитического инструментария и к усилению связей с рядом регионов, которым ранее в силу разных причин Пекин не уделял большого внимания.

Обилие стоящих перед КНР сложных проблем по урегулированию морских и отчасти сухопутных границ с соседними государствами, сама по себе большая протяженность границ и береговой линии страны обусловили выделение пограничной и морской дипломатии в важное самостоятельное направление внешней политики Китая. Активизировался учрежденный в марте 2009 г. Департамент пограничных и морских дел МИД КНР.

Отвечая в апреле 2012 г. на вопросы участников Интернет-форума «Сильное государство» («Цянго лунтань»), глава этого департамента Дэн Чжунхуа констатировал наличие у КНР спорных вопросов со всеми восемью государствами, «соседствующими» с ним по морю. Это КНДР, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней и Индонезия (речь идет не только о спорных островах, но и о разграничении накладывающихся друг на друга участков 200-мильных специальных экономических зон различных стран)²⁸.

Широкий международный резонанс имел выпуск Китаем в ноябре 2012 г. электронных загранпаспортов для граждан страны с абрисом сухопутной и морской границы КНР, которая охватывала все спорные морские и сухопутные участки.

В 2012 г. активизировалась не только пограничная и морская, но и вся в целом политика Китая по отношению к соседскому окружению. Отчасти это было вызвано необходимостью сгладить то неблагоприятное впечатление, которое произвела на соседей КНР ее чрезмерно напористая внешняя политика образца 2009—2010 гг. Еще более важно то обстоятельство, что, как справедливо указывают китайские эксперты, соседское окружение представляет собой основное пространство развития Китая. Нестабильность здесь подрывает стабильность и стратегический баланс во всей Азии и даже во всем мире²⁹. Соответственно, для создания гармоничного мира Китаю необходимо прежде всего создать гармоничную атмосферу в соседском окружении³⁰.

Симптоматично, что в докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК был подтвержден базовый курс КНР на добрососедство. «Мы, — сказал Ху, — будем с неизменной доброжелательностью и по-партнерски относиться к сопредельным странам, укрепляя с ними отношения дружбы и добрососедства, углублять взаимовыгодное сотрудничество».

Несомненно, усилить внимание к соседним государствам Китай заставляет и активизация в его «мягком подбрюшье» Соединенных Штатов, причем не только в Японии и Филиппинах, но и во Вьетнаме, и даже в Мьянме.

В 2012 г. КНР интенсифицировала контакты со странами Центральной и Восточной Европы, которые в предшествующее двадца-

тилете не привлекали сколько-нибудь заметного внимания Пекина. В апреле в Варшаве состоялась первая в истории отдельная встреча лидеров Китая и глав государств этой группы. Учрежден Секретариат сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы.

Таблица 1. Торговля КНР с государствами Центральной Азии в 2011—2012 гг., млн долл.

Наименование	2011			2012		
	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР
Казахстан	24952	9566	15 386	25 677	11 002	14 675
Киргизстан	4976	4878	98	5162	5073	89
Таджикистан	2069	1997	72	1857	1748	109
Туркменистан	5479	786	4693	10 372	1699	8673
Узбекистан	2166	1359	807	2874	1783	1091

Источник: Таможенная статистика КНР : [Хайгуань тунцзи]. 2011. № 12. С. 3; 2012. № 12. С. 5.

Таблица 2. Торговля КНР с Украиной и Белоруссией в 2011—2012 гг., млн долл.

Наименование		2011			2012		
		Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР	Оборот	Экспорт КНР	Импорт КНР
Украина	млн долл.	10 411	7147	3264	10 355	7323,5	3031,5
	прирост, %	34,7	28,5	50,9	-0,5	2,5	-7,1
Белоруссия	млн долл.	1304	704	600	1583	920	663
	прирост, %	2,5	-11,5	25,9	21,4	30,4	10,8

Источник: Таможенная статистика КНР : [Хайгуань тунцзи]. 2011. № 12. С. 5; 2012. № 12. С. 7.

Приоритетными для Китая партнерами на пространстве СНГ остались, кроме России, государства Центральной Азии, однако здесь произошли определенные перестановки: в связи с быстрым наращиванием экспорта газа в КНР заметно возросла роль Туркмении. Ее доля в торговле КНР с пятью странами региона с 5,2 % в 2010 г. выросла до 13,8 % в 2011 г. и до 22,6 % в 2012 г. (табл. 1).

Растет и интерес КНР к развитию не только торгового, но и инвестиционного сотрудничества с Украиной и Белоруссией. Как полагают некоторые российские эксперты, Белоруссия является для Пекина «точкой вхождения» на европейский и евразийский рынки, а в перспективе может стать и важным сегментом трансконтинентального транспортного коридора «Китай—Европа»³¹ (табл. 2).

* * *

В 2012 г. во внешней политике КНР стремление «умело совмещать твердость и мягкость, решительность и разумность»³² проявлялось более четко и заметно, чем в предыдущие несколько лет. Это связано и с накоплением опыта активной внешней политики, порою приобретавшегося дорогой ценой, и с подготовкой платформы XVIII съезда КПК, и с самим по себе приближавшимся отходом от руководства партией и страной четвертого поколения лидеров КПК и КНР, которым, конечно же, хотелось оставить преемникам максимально благоприятное наследство во внешних связях.

По-своему показательно, что если в начале года в Китае раздавались призывы отказаться от формулы Дэн Сяопина «держаться в тени и при этом делать что-то реальное» («таогуан янхуй, юсо цзювэй»)³³, то к концу 2012 г., напротив, стали даваться рекомендации в сложившейся сложной международной обстановке вновь обратиться к завету Дэна «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»³⁴.

Сохранит ли новое руководство Китая приверженность заветам Дэн Сяопина и в какой мере, покажет время.

Примечания

¹ У Циминь, Мэн Сянлинь. Мирное развитие, блестящие успехи : [Хэпин фачжань чэнцзю хуйхуан]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1010/c1001-19209634.html>

² У Циминь, У Ган, Чжао Чэн. 12-й комментарий по важным вопросам стратегии после 16-го съезда КПК: вклад Китая в идеи создания гармоничного мира и взаимовыигрышного развития : [Шилю да илай чжунда чжаньюэ шупин чжи шиэр: хэсе шицзе гунин фачжань дэ Чжунго гунсянь]. URL: <http://people.com.cn/18/n/2012/1104/c350833-19488806.html>

³ Линь Лиминь. Некоторые новые взгляды на проблемы международной политики в 2011 г. : [2011 нянь гоцзи чжэнчжи дэ цзигэ синь каньдянь] // Дандай шицзе («Современный мир»). Пекин. 2011. № 12. С. 4—8.

⁴ Ян Сюэтун, У Вэньбин. На что опирается возвышение Китая : [Чжунго цзюеци као шэммо] // Чанша. 2010. С. 21.

⁵ Сюэ Фукан. Биполяризация: не нужна и невозможна. Полемика с ректором Янь Сюэтуном : [Лянцзихуа: у бияо е у кэнэн — юй Янь Сюэтун юаньчжан шанцюе] // Шицзе чжиши. Пекин. 2012. № 23. С. 45. Янь Сюэтун является главой Школы исследований современных международных отношений Университета Цинхуа.

⁶ Ху Цзиньтао. Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2012 года.

⁷ У Циминь, Мэн Сянлинь. Указ. соч.

⁸ Ши Чжиюй. Выйти из ловушки «коренных интересов» : [Цзоучу «хэсинь лии» дэ сяньцзин] // Чжунго вайцзяо. 2012. № 12. С. 21—24.

⁹ См.: Жэньминь жибао. 19.10.2010. Единственное различие — в Коммюнике использован термин «вого» (наше государство) в Отчетном докладе на съезде — «гоцзя» (государство). Остальное — «чжунюань, аньцюань, фачжань лии» — идентично.

¹⁰ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/zt/ywzt/2011nzt/lantinglunan/t1001446.htm>

¹¹ Ян Цзечи. В стабильности добиваться продвижения вперед, расширять освоение и новаторство. Китайская дипломатия в турбулентной международной ситуации 2012 года : [Вэньчжун шюэцзинь кайто чуансинь — Гоцзи фэнюнь цзиданчжун дэ 2012 нянь Чжунго вайцзяо] // Цюши. 2013. № 1. URL: http://www/qstheorg.cn/zxdk/2013/201301/201212/t20121227_202430.htm

¹² См.: URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0129/c1001-20361833.html>

¹³ Ма Чжэньган. Современная ситуация и внешнеполитические контрмеры : [Данцянъ цзюйши юй вайцзяо дуйцэ]. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2012/0917/c40531-19025308-1.html>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ян Цзечи. Указ. соч.

¹⁶ Росс, Роберт. Проблема с разворотом. В новой азиатской политике Обамы нет необходимости, и она контрпродуктивна. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Problema-s-razvorotom-15793>

¹⁷ Chen Weihua. Sino-US-ties in focus as Obama wins 2nd term — China Daily. January 22, 2013.

¹⁸ Юй Синьтянь. Новые черты американской политики хеджирования и ответные меры Китая : [Мэйго дуйчун чжэнцэ дэ синь тэдянь юй Чжунго индуй] // Чжунго вайцзяо. 2012. № 12. С. 26.

¹⁹ Мнения ряда авторитетных китайских политологов-международников о характере конфликта и их рекомендации по поведению КНР в сложившейся ситуации опубликованы в специальной подборке в журнале «Шицзе чжиши»: 2012, № 19. С. 14—23.

²⁰ Таможенная статистика КНР : [Хай гуань тунцзи]. 2012. № 12. С. 5.

²¹ См., напр., русскоязычный перевод статьи из газеты «Жэньминь жибао» от 9 мая 2012 г. «Суверенитет над Хуаньяньдао принадлежит только Китаю» в журнале «Китай»: 2012. № 6. С. 28—29.

²² Как надо противостоять давлению со стороны Вьетнама : [Гай цзэньян индуй Юэнань дэ цзиньби] // Хуаньцю шибао. 28.06.2012.

²³ Таможенная статистика КНР : [Хайгуань тунцзи]. 2012. № 12. С. 5.

²⁴ Upgrade set to boost island chains — China Daily. July 2, 2012.

²⁵ Город Саньша закаляет дух и решимость всего Китая : [Саньша ши дуаньлянь цюань Чжунго дэ ичжи хэ даньлюэ] // Хуаньцю шибао. 25.06.2012.

²⁶ У Шицзе. Стратегия Китая в Южно-Китайском море должна состоять в надлежащем разрешении четырех противоречий : [Чжунго Наньхай чжаньлюэ сюй тошань чули сыдуй маодунь]. URL: <http://www.world.people.com.cn/n/2012/1221/c1002-19969550.html>

²⁷ См.: Макаров, Андрей. Ход слонем. Многим индийским военным с воздуха и суши придется переориентироваться на воду // Коммерсант Власть. 2012. № 51. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2088612>

²⁸ Директор Департамента пограничных и морских дел МИД КНР Дэн Чжунхуа беседует о новой ситуации в дипломатической работе, связанной с пограничными и морскими проблемами : [Вайцзяобу бянхайсы сычжан Дэн

Чжунхуа тань синь синши сядэ бьяньцзе юй хайян вайцзяо гунцзо]. URL: http://live.people.com.cn/bbs/note.php?id=57120409110620_ctdzb_062 (10.04.2012).

²⁹ Чжао Кэцзинь. Возвышение Китая и стратегическая поддержка соседского окружения : [Чжунго цзюеци юй чжоубянь дилуоу чжаньлюе ито] // Дандай Чжунго. 2012. № 10.

³⁰ Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

³¹ Тихонова С.В. Белоруссия в объятиях «мягкой силы» Китая // Китай на постсоветском пространстве. М.: РИСИ, 2012. С. 116.

³² Данное выражение принадлежит проректору Дипломатической академии Китая, эксперту-международнику Цинь Яцину.

³³ Чжан Хунси. Полемика о принципе «держаться в тени» заставляет вспомнить Чжоу Эньлая : [«Таохуэй» чжи чжэн, ши жэнь сянци Чжоу Эньлай] // Шицзе чжиши. 2012. № 5. С. 54—55.

³⁴ Ма Чжэньган. Указ. соч.

Глава 9

ПРИХОД К ВЛАСТИ ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ КНР И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Государственный визит в Москву 22—23 марта 2013 г. Си Цзиньпина, только что избранного Председателем Китайской Народной Республики, вызвал широкий общественный интерес к современным российско-китайским отношениям и возможным вариантам их дальнейшего развития.

Хорошо известно, что за короткий по историческим меркам 20-летний срок отношения между Российской Федерацией и КНР прошли «по нарастающей» путь от «дружественных» (1992 г.) до отношений «всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» (2012 г.).

Вот уже более десятилетия после подписания 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР Москва и Пекин неизменно характеризуют состояние двусторонних отношений как «наилучшее в истории», квалифицируя их как «отношения взаимной поддержки, совместных усилий для общего процветания, дружбы, передающейся из поколения в поколение»¹. Нередко дополнительно утверждается, что позиции двух стран по большинству международных проблем «близки или совпадают», что экономики России и Китая хорошо дополняют друг друга, что между Москвой и Пекином в настоящее время «нет проблем», или «нет проблем, которые нельзя было бы решить», или, на худой конец, «нет конфликта коренных интересов».

Вместе с тем обе стороны признают, что в российско-китайских отношениях периодически проявляются несовпадения интересов и

те или иные трения, особенно в торгово-экономической сфере, что они нуждаются в серьезном расширении социальной базы и требуют существенного повышения уровня взаимного доверия. Это означает, что поддержание уже достигнутого достаточно высокого уровня двусторонних отношений и их дальнейшее совершенствование не гарантированы априори и не могут быть реализованы автоматически. Напротив, только постоянная многоуровневая работа обеих сторон может дать желаемый результат.

Многое здесь зависит от лидеров России и Китая, от видения ими места и роли своих стран в мире и ожиданий от государства-партнера.

Задачи Китая в области внешней политики, поставленные XVIII съездом КПК, вполне могут стимулировать дальнейшее развитие отношений между КНР и РФ. В сфере практической политики съезд провозгласил курс на «создание нового типа отношений между крупными государствами» и на взаимовыгодное сотрудничество с сопредельными странами. Отношения КНР с Россией полностью вписываются в оба эти стратегические направления международной деятельности Пекина. Судя по докладу Ху Цзиньтао, дополнительными зонами взаимодействия КНР с Москвой могут также стать сотрудничество в форматах G-20, ШОС и БРИКС, отстаивание универсальной ценности Устава ООН, кооперация в Совете Безопасности ООН и в содействии формированию многополярного мира².

Хотя в новой Концепции внешней политики России, утвержденной Президентом В. Путиным 12 февраля 2013 г., закреплена абсолютно самостоятельная и независимая роль РФ в международных делах, нашел подтверждение и приоритетный характер развития отношений с Пекином. Как отмечается в этом документе, Россия будет активно развивать сотрудничество с Китаем во всех областях, «включая поиск ответов на новые вызовы и угрозы, решение острых региональных и глобальных проблем». Было также подчеркнуто, что Россия рассматривает свое внешнеполитическое взаимодействие с КНР как один из базовых факторов международной стабильности³.

Настрой на дальнейшее углубление сотрудничества двух стран по всем возможным направлениям в полной мере проявился в ходе визита Си Цзиньпина в Москву в марте 2013 г. Обе стороны охотно подчеркивали символическое значение того обстоятельства, что Си

Цзиньпин начал свои зарубежные поездки в качестве полноправного главы государства именно с России. По количеству подписанных документов — 35 — данный визит оказался одним из самых результативных за всю 20-летнюю историю обмена официальными визитами глав Российской Федерации и КНР.

Впрочем, некоторые договоренности были встречены скептически. Так, несмотря на подписание между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией Меморандума о взаимопонимании в области сотрудничества по проекту трубопроводных поставок российского природного газа в Китай (речь идет о так называемом восточном маршруте), ряд российских аналитиков сомневался в достижении в скором времени реальной договоренности с Пекином о цене на газ⁴.

В то же время следует указать на очевидную важность соглашений о сотрудничестве в различных сегментах сельского хозяйства, которые открывают для России ранее отсутствовавшую возможность экспорта зерна на китайский рынок. Нельзя не отметить и озвученные в связи с договоренностями, достигнутыми в ходе визита Си Цзиньпина, прогнозы увеличения в обозримой перспективе объема поставок российской нефти в КНР с нынешних 15—16 до 50 млн т⁵. Кроме того, китайских партнеров пригласили участвовать в развитии нефтегазового проекта «Сахалин-3»⁶.

Похоже, что Россия и Китай стремятся не откладывать в долгий ящик поставленную в Совместном заявлении от 22 марта 2013 г. задачу конвертации достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества в экономической, гуманитарной и других сферах.

Весомо прозвучала и международная часть Совместного заявления, призвавшая все государства «уважать... цивилизационное разнообразие мира и множественность путей общественного развития», «способствовать утверждению новой концепции всеобщей равной и неделимой безопасности, основанной на взаимном доверии»⁷.

По итогам визита Си Цзиньпина в Россию две страны заявили о намерении вывести двусторонние отношения «на новый этап всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы»⁸.

Комментируя итоги поездки китайского лидера в Москву, некоторые российские эксперты выразили уверенность в успешном поступательном развитии российско-китайских связей. По словам Д. Мосякова, сотрудника Института востоковедения РАН, китайское направление все в большей мере становится для России и экономической, и политической альтернативой Западу⁹. Такой подход, возможно, преобладает в России если не абсолютно, то относительно. Тем не менее, он не является единственным. В российском экспертном сообществе по сей день существует достаточно широкая палитра взглядов на перспективы отношений России с КНР.

Как и в 1990-е годы, продолжает последовательно выступать за срединное, сбалансированное положение России между Китаем и Западом профессор МГИМО А. Воскресенский. По его мнению, «Россия, будучи отягощенной бременем поддержания статуса великой державы, возможно, никогда не присоединится к победившей (в холодной войне) стороне в лице США и Запада, точно так же, как во время президентства Медведева она предпочла не присоединяться к Китаю в его играх вокруг Пекинского консенсуса»¹⁰.

Академик А. Дынкин высказался в пользу более тесного взаимодействия России с Евросоюзом «в условиях стремительного роста двух гигантов — США и Китая»¹¹. В публикациях В. Иноземцева недовольство будто бы чрезмерным сближением России с Китаем артикулируется открыто, а в качестве альтернативы предлагается многовекторный подход к подъему восточных регионов РФ с широким привлечением США, Японии, Республики Корея¹².

Точки зрения, отличные от официального мейнстрима, высказываются и в Китае. Так, Янь Сюетун из Университета Цинхуа считает, что в мире идет формирование не многополярной, а биполярной системы с США и Китаем в качестве полюсов. КНР для достижения статуса одного из двух полюсов необходимо оформление союза с Россией¹³. Этот союз, полагает Янь Сюетун, отвечает интересам стратегической безопасности обеих стран и, как минимум, не наносит какого-либо вреда ни одной из них. Нуждается в нем и Россия, поскольку «возвращение В. Путина на пост президента означает, что давление Запада на Россию будет не уменьшаться, а только возрастать»¹⁴.

Возражения против установления между Россией и Китаем союзнических отношений в какой-либо форме (в КНР иногда говорят

о «квазисоюзе») раздаются и в Пекине, и в Москве. По словам директора Московского центра Карнеги Д.Тренина, «только безрассудная воинственная политика Вашингтона может теоретически подтолкнуть Россию и Китай к формированию антиамериканского альянса. Сегодня такой сценарий выглядит крайне маловероятным»¹⁵.

Помочь прийти к более обоснованным и достоверным выводам о будущем характере российско-китайских отношений призван сценарный подход, анализирующий современные факторы двустороннего взаимодействия.

К числу наиболее фундаментальных среди них относятся географическое соседство, история взаимоотношений двух стран (с точки зрения ее проекции на будущее) и эволюция геополитического положения России и Китая.

По значению приближаются к ним такие факторы, как экономическое взаимодействие, соотношение и абсолютные масштабы экономических потенциалов двух стран и особенности взаимного восприятия.

У России и Китая имеются заметные отличия в трактовке истории двусторонних отношений в различные периоды. По китайской версии, в 1850-е — 1860-е годы царская Россия вынудила цинский Китай подписать серию неравноправных договоров, по которым она будто бы незаконно получила 1,5 млн кв. км китайской территории. По версии ряда известных российских историков-китаеведов, неравноправным был первый договор двух стран о территориальном размежевании — Нерчинский договор 1689 г., навязанный России силой оружия. В середине же XIX в. была «восстановлена историческая справедливость».

Нельзя исключать дальнейшего раскручивания в Китае темы «неравноправных договоров», особенно в контексте высказываний Си Цзиньпина о «китайской мечте», под которой понимается возрождение Китая и китайской нации. Рост национализма и ирредентистских настроений в Китае может оказать сдерживающее влияние на российско-китайские отношения.

Что касается советского периода отношений, то камнем преткновения являются, во-первых, различные оценки характера Договора 1950 г. о дружбе, союзе и взаимной помощи (китайцы квалифицируют его как неравноправный) и разные интерпретации конфлик-

та в районе советско-китайской границы в 1969 г. По моему мнению, последовательное проведение в жизнь идеи Дэн Сяопина о необходимости «закрыть прошлое, открыть будущее» в двусторонних отношениях способно постепенно нивелировать негативное воздействие исторических факторов на характер взаимосвязей РФ и КНР.

Географическое соседство может работать как «в плюс», так и «в минус», как это было с СССР и КНР в 1960-е — 1970-е годы, когда на защиту друг от друга Москва и Пекин затратили огромные средства. Фактическое вовлечение ряда приграничных регионов Российской Федерации в экономическое пространство Китая устраивает одних граждан России и беспокоит других. Частые межличностные контакты, развитие туризма и сотрудничества в гуманитарной сфере способны отчасти снять опасения россиян по поводу некоего «китайского пришествия». Вместе с тем колоссальная разница в количестве жителей приграничных районов двух стран останется для России в отношениях с Китаем фактором со знаком «минус» на все обозримое будущее.

Из множества геополитических факторов наиболее значительное влияние на российско-китайские отношения будут оказывать два: американский и центральноазиатский.

Одновременное давление США на Китай и Россию в конце 1990-х годов способствовало сближению двух стран. Отчасти мы это можем наблюдать и сегодня. Вместе с тем в треугольнике Россия—США—Китай действует не примитивный закон сообщающихся сосудов, а вся совокупность сложных реалий мировой экономики и политики. В каком-то смысле можно говорить о противостоянии экономики (китайско-американские отношения) политике (российско-американские переговоры по сокращению стратегических наступательных вооружений), но и в китайско-американских отношениях политики хватает, особенно после провозглашенного Вашингтоном в 2009 г. «возвращения США в Азию».

К удовлетворению Пекина Россия в 2012 г. заявила о своем участии в каких-либо схемах окружения Китая. Вместе с тем отношения с США, нередко квалифицируемые как «главные двусторонние межгосударственные отношения в современном мире», остаются для КНР более значимыми, чем отношения с Россией. В журнале «Чжун-го вайцзяо» («Дипломатия Китая») за 2012 г. отношениям КНР

с США посвящены 24 статьи, а отношениям с Россией — только 4. Тем не менее самодостаточность российско-китайских отношений делает их во многом не зависящими от отношений КНР с США.

В Центральной Азии у России и Китая на обозримую перспективу сохранятся такие общие интересы, как обеспечение стабильности в регионе, борьба с наркотрафиком, нейтрализация чрезмерного присутствия внерегиональных сил, активизация деятельности ШОС. Прогнозируемое подчас «столкновение» двух держав в данном регионе представляется маловероятным.

Растущий разрыв в масштабах экономик России и Китая становится фактором, в какой-то мере препятствующим тесному сближению двух стран.

ВВП РФ в 2012 г. составил 62,35 трлн руб., или 13 трлн ю — ровно в 4 раза меньше ВВП Китая. Соотношение объемов внешней торговли двух стран по итогам 2012 г. составило 4,6:1 по товарообороту в целом (3866,76 млрд долл. у КНР и 837,3 млрд долл. у России), в том числе 3,9:1 по экспорту (2 048,93 млрд долл. у КНР и 524,7 млрд долл. у России) и 5,8:1 по импорту (1 817,82 млрд долл. у КНР и 312,6 млрд долл. у России). Некоторыми гражданами в России, еще два десятилетия назад опережавшей Китай по большинству экономических параметров, подобная ситуация воспринимается как реальная опасность превращения страны в придаток КНР, или, по меньшей мере, попадания в многоплановую зависимость от нее, в том числе в сбыте энергоресурсов и импорте широчайшей гаммы бытовых и инвестиционных товаров, обеспечивающих жизнеспособность государства.

Сегодняшняя структура двустороннего товарообмена отражает роли двух стран в международном разделении труда. В 2012 г. доля нефти и нефтепродуктов в экспорте России в КНР составила 66,8 %, тогда как доля машин и оборудования — лишь 0,7 % (315 млн долл.); в импорте же России из Китая доля машин и оборудования составила 42,4 %, весьма внушительный и абсолютный объем их ввоза в РФ — 18,7 млрд долл.¹⁶

Однако если такую ситуацию и можно исправить, то лишь очень постепенно, вслед за реиндустриализацией России и созданием в ней крупной по масштабу и дифференцированной по отраслевой структуре перерабатывающей промышленности. В обозримой же

перспективе нынешняя структура торговли будет меняться слабо. Похоже, что она отвечает интересам мощных групп влияния в обеих странах.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о трех возможных сценариях развития российско-китайских отношений в десятилетней перспективе.

Первый из них — это сценарий «статус-кво», характеризующийся сохранением нынешних тенденций в основных сферах сотрудничества. Он, скорее всего, будет означать дальнейшее изменение в пользу КНР соотношения экономических параметров двух стран и постепенное расширение ее присутствия на российском рынке. Второй — сценарий существенного ухудшения отношений вследствие изменения геополитической ситуации и/или из-за обострения трений по тем или иным вопросам. Сценарий невыгоден ни России, ни Китаю. Третий сценарий — существенное углубление отношений всеобъемлющего партнерства, принципиальный рост взаимного доверия руководства и населения двух стран, последовательное взаимодействие по большинству вопросов международной повестки дня, наращивание масштабов и диверсификация структуры торгово-экономического сотрудничества между РФ и КНР. Скорее всего, этот сценарий в полной мере к 2020—2022 г. реализован не будет (хотя бы по чисто техническим причинам), но ценным было бы уже само по себе движение в этом направлении.

Вероятность этих трех сценариев (из 100 % в сумме) составляет, по моей грубой оценке, 70 %, 5 % и 25 %.

Примечания

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Пекин. 5 июня 2012 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 3—7.

² Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. 8 ноября 2012 г.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 04.03.2013.

⁴ Куликов С. Газпрому не терпится пустить газ китайцам // Независимая газета. 25.03.2013.

⁵ Скосырев В. Китай станет главным покупателем нефти РФ // Независимая газета. 25.03.2013.

⁶ Латухина К. В Москву! В Москву! Свой первый визит Председатель КНР Си Цзиньпин совершил в Россию // Российская газета. 25.03.2013.

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Москва. 22.03.2013. (Сайт Президента РФ kremlin.ru).

⁸ Там же.

⁹ Канал Евроньюс на русском языке. 25.03.2013.

¹⁰ Voskresenski A. The Structural Stages of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage // *Eurasian Review*, Institute of Eurasian Studies, Kookmin University, Seoul. Volume 5. November 2012.

¹¹ Дынкин А., Пантин В. Мирное столкновение США и КНР: за какой моделью будущее? // Россия в глобальной политике. 2012. № 2.

¹² Иноземцев В. Далеко идущий Восток // Огонек. 2012. № 46. С. 18—19.

¹³ Yan Xuetong. The weakening of the unipolar configuration / China 3.0. European Council on Foreign Relation. London. 2012. P. 113.

¹⁴ Yan Xuetong. Eluosi kekao ma? (Надежна ли Россия?). Чжунго вайцзяо. 2012. № 10. P. 52—54.

¹⁵ Trenin D. «Beyond the symbolism of State visit. China-Russia relations have come a long way since the days of the Soviet bloc» // China Daily. European Weekly. March 22—28. 2013. P. 10.

¹⁶ Рассчитано по данным Таможенной статистики КНР.

Глава 10

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Украинский кризис 2014 г., резко обостривший отношения России с большинством государств западного мира, не мог не затронуть в той или иной степени и ее отношения с Китайской Народной Республикой.

Китайские оценки событий и процессов в Украине и вокруг нее, тщательно отслеживавшиеся в российских СМИ и анализировавшиеся в научной печати¹, в подавляющем большинстве случаев были благожелательны или, как минимум, объективно-нейтральны по отношению к России и ее роли в данном кризисе, что резко контрастировало с реакцией на кризис лидеров и СМИ США и Европы.

Китай не только не присоединился к политическим и экономическим санкциям Запада против России, но, напротив, позитивно откликнулся на стремление российской власти и бизнеса нарастить масштабы и диверсифицировать формы торгово-экономического взаимодействия со своим крупнейшим соседом — отчасти в целях нейтрализации негативных последствий санкций, отчасти в поисках эффективного рычага подъема Сибири и Дальнего Востока. В мире, да и самой России заговорили об ускорившемся российско-китайском сближении и о возможном выходе отношений двух стран на союзнический или близкий к нему уровень. А западные эксперты стали даже предвещать превращение украинского кризиса в «поворотный момент» в отношениях Китая с Россией (буквально: «в китайско-российской истории») и во внешней политике Китая в

целом². Чрезмерность такой оценки становится все более очевидной по мере обретения как кризисом в Украине, так и спровоцированным им охлаждением отношений России и Запада весьма затяжного характера.

Тем не менее, основные векторы, глубина и вероятные последствия воздействия украинского кризиса 2014 г. на отношения между РФ и КНР уже могут быть прослежены достаточно четко.

Краткая предыстория

Отношения Китая с постсоветской Россией, то есть с конца 1991 г. до наших дней, непременно выстраивались таким образом, чтобы акцентировать внимание на тех моментах, которые сближают две страны и одновременно стараться не затрагивать потенциально раздражающие вопросы. Это помогло Москве и Пекину за два с лишним десятилетия пройти путь от формального «добрососедства» к «конструктивному сотрудничеству» и далее к «всеобъемлющему партнерству и стратегическому взаимодействию». Постепенно укреплялись самодостаточный характер российско-китайских двусторонних связей и высокая степень их устойчивости по отношению к различным пертурбациям на мировой арене.

Фундаментальные причины важности России и Китая друг для друга и, следовательно, устойчивости их двусторонних отношений заключаются в том, что эти два государства:

- объективно являются союзниками в борьбе за сохранение культурно-цивилизационного разнообразия мира;
- выступают незаменимыми и все более важными партнерами в торгово-экономических связях;
- будучи партнерами по ШОС, сообща отстаивают стратегическую стабильность в критически важном регионе Центральной Азии.

Вполне естественно, что российско-китайские отношения способствуют сохранению и упрочению независимого и самостоятельного внешнеполитического курса обеих стран, а также объективно помогают сохранению избранного каждой из них пути общественного развития³.

Разумеется, российско-китайские отношения не являются чем-то застывшим, неизменным. Они вполне оперативно и адекватно реагируют на важнейшие мировые процессы и вызовы времени, адаптируются к меняющейся ситуации.

В связи с этим заслуживает упоминания российско-грузинский конфликт 2008 г. Тогда Китай сумел не отступить от своей декларируемой приверженности универсальному принципу суверенитета и территориальной целостности государств и в то же время занял позицию, в целом удовлетворившую Россию. Была, можно сказать, выработана матрица собственного позиционирования в случае возникновения подобных кризисов в будущем. Ее суть состоит в том, чтобы, во-первых, не портить отношения с Россией ни при каких обстоятельствах, во-вторых, неизменно декларировать приверженность принципам территориальной целостности и мирного решения конфликтов путем переговоров, в-третьих, стремиться максимально сохранить связи с другой стороной конфликта⁴.

Вместе с тем риску предположить, что конфликт в Украине не стал для Китая полной неожиданностью: чего-то подобного вполне можно было ожидать, базируясь на анализе отношений России с Западом и имевшихся оценках их перспектив. Так, хорошо известный китайским экспертам (сначала Фэн Шаолэю и Чжао Хуашэну из Шанхая, а после создания Пекинского центра Карнеги и многим столичным ученым-международникам) директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин еще в 2012 г. суммировал те крайне негативные последствия, которыми обернулось бы для России сближение Украины с НАТО — разрыв связей российского и украинского военно-промышленного комплексов, нарушение границы «исторического пространства» России, превращение российско-украинской границы в подобие разделительных линий времен холодной войны⁵. Вполне ожидаемой была бы и резкая реакция России на подобную ситуацию.

В Пекине явно не хотели такого развития событий, которое усилило бы Запад и ослабило Россию. Поэтому серьезную экономическую и политическую поддержку, обещанную Украине во время визита президента Виктора Януковича в Китай в декабре 2013 г.⁶ можно расценить как шаг, продиктованный не только собственными сугубо прагматическими интересами, но и стремлением помочь ста-

билизации ситуации в стране и удержать ее от чрезмерного крена к Западу.

Однако события, как известно, пошли по другому пути.

Основные особенности реакции Китая на украинский кризис

Конфликт 2014 г. вокруг Украины оказался много масштабнее, чем события на Южном Кавказе в 2008 г., явившиеся в ретроспективе, по выражению Дмитрия Тренина, лишь «ухабом» на дороге, ведущей к новой перезагрузке отношений России с Западом⁷. Поэтому Пекин не мог ограничиться в реакции на украинские события только «домашними заготовками» образца 2008 г. и вынужден был зачастую вырабатывать свою позицию буквально на ходу. Похоже, именно поэтому западные эксперты полагают, будто из-за украинского кризиса Китай попал в «неудобное положение», «в трудную ситуацию» и продемонстрировал «крайнюю неохоту» быть вовлеченным в кризис⁸. На столкновение Китая с «серьезными проблемами» при реагировании на украинский кризис указывают и российские аналитики⁹.

На наш взгляд, бросающаяся в глаза осторожность оценок, исходящих из Пекина, особенно характерная для начального этапа кризиса, отчасти объясняется традициями китайской дипломатии, сформировавшимися в предшествующие два с лишним десятилетия ее следования заветам Дэн Сяопина¹⁰. В то же время осторожности, взвешенности требовала и сложность вставших в связи с кризисом задач, нуждавшихся в одновременном комплексном учете.

Прежде всего, необходимо было минимизировать фактический и потенциальный ущерб для Китая от событий в Украине при любом их развороте. Напомним, что *Украина* служила в последние годы объектом повышенной инвестиционной активности КНР и рассматривалась в перспективе как крупный поставщик зерна и другой сельхозпродукции, а политически и логистически — как важный транзитный (на пути в Европейский союз) участок Экономического пояса Шелкового пути. К тому же в постсоветский период Украина стала одним из ведущих поставщиков в Китай вооружений и техно-

логии их производства. Объем китайско-украинской торговли — 11,1 млрд долл. в 2013 г. — предполагалось увеличить в разы (по итогам 2014 г. он сократился на 22,7 % — до 8,6 млрд долл.)¹¹. Поэтому по-своему естественно, что официальный Пекин, выразив негативное отношение к хаосу в Украине после срыва оппозицией ее договоренностей с властями от 21 февраля 2014 г. и силового отстранения Виктора Януковича с поста президента Украины, продемонстрировал, тем не менее, готовность «уважать выбор украинского народа» и развивать связи с Украиной как с «важным стратегическим партнером»¹².

Избрание 25 мая 2014 г. Петра Порошенко президентом Украины укрепило надежды Китая на возвращение ситуации в республике в нормальное русло, а с ним — и на реализацию хотя бы части прежних договоренностей о развитии двусторонних связей. Симптоматичными жестами стали направление от имени председателя КНР Си Цзиньпина поздравительной телеграммы П. Порошенко по случаю избрания и участия в церемонии его инаугурации специального представителя лидера КНР Цай У¹³.

По ходу конфликта официальный Пекин неизменно декларировал свою приверженность достижению политического урегулирования по всем возникшим проблемам и с учетом озабоченностей всех вовлеченных сторон. Так, вскоре после достижения в начале сентября 2014 г. соглашения о прекращении огня между воинскими подразделениями Киева и ополченцами Донбасса председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с президентом России Владимиром Путиным в Душанбе в преддверии 14-го саммита глав государств Шанхайской организации сотрудничества призвал Украину «начать как можно раньше инклюзивный диалог с целью достижения всеобъемлющего политического решения кризиса»¹⁴.

Важно также отметить, что Пекин, трезво оценивая происходящее, призывал власти Украины не дать превратить себя в пешку в антироссийской игре Запада и не сжигать мосты в отношениях с Россией: «Сколь бы сильно ни обиделась Украина на Россию, они остаются соседями. Украине следует проявлять бдительность, чтобы не быть разменной фигурой в попытках Запада вытеснить российское влияние». Одновременно и России рекомендовалось «избегать превращения Украины в своего постоянного врага». Объясняя пози-

цию Китая по украинскому кризису, формально близкую к нейтральной, популярная в стране и в мире газета «Хуанцю шибао» (Global Times) констатировала: «Конфликтующие стороны ждут, что Китай займет четкую позицию в этом кризисе. Однако Китай не играет решающей роли в конфликте. На чью бы сторону ни встал Китай, это не заставит другую сторону пойти на уступки»¹⁵.

Вместе с тем несмотря на декларированную нейтральность своей позиции в противостоянии Киева и ополченцев юго-востока Украины Пекин де-факто поддержал официальные власти Украины. Помимо прочего, такой подход соответствовал приверженности Китая принципу территориальной целостности и суверенитета существующих государств. Начиная с выборов руководителей самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик (2 ноября 2014 г.), которые, по мнению пекинских комментаторов, «подготовили почву для нового кризиса»¹⁶, китайские СМИ начали квалифицировать ополченцев как «антиправительственные вооруженные формирования»¹⁷.

Непростая дилемма встала перед Китаем и в *оценке роли США* в украинском кризисе. С одной стороны, Пекин стремится сохранить в качестве доминанты своей внешней политики курс на строительство нового типа отношений между Китаем и США как ведущими мировыми державами, что по идее диктует сдержанность в его оценке действий Вашингтона на международной арене. С другой стороны, сохраняется абсолютное неприятие Китаем ставки США на развязывание в различных регионах мира так называемых цветных революций, ставших с середины прошлого десятилетия одним из важных инструментов распространения американского влияния. Кроме того, поначалу часть китайских экспертов предполагала, что украинский кризис переклучит основное внимание США на Европу и отвлечет их от Азии, обеспечив Пекину «стратегическую передышку». Однако уже в апреле 2014 г. визит президента США Б. Обамы в страны Восточной Азии, в ходе которого он поддержал союзников — Японию и Филиппины — в их трениях с Китаем по поводу принадлежности некоторых групп островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, показал, что американский «поворот к Азии», ориентированный на усиление сдерживания Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе, остался в силе.

В целом же можно говорить об отсутствии среди китайских экспертов единства в оценке роли США в развязывании и обострении украинского кризиса. Специалисты по России из Академии общественных наук Китая оценивают ее весьма резко и негативно, подчеркивая, что «с самого начала кризиса Америка стала всеми средствами вмешиваться в ситуацию в Украине», открыто поддерживая оппонентов правительства В. Януковича, и, напротив, оказывая давление на законное правительство и близких к нему представителей бизнеса. В позиции США, полагают специалисты из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, изначально присутствовала антироссийская подоплека, в том числе стремление Б. Обамы взять реванш у России за ветирование ею в Совете Безопасности ООН американских резолюций по Сирии и Ирану и за согласие принять Э. Сноудена. Кроме того, США стремились всемерно ослабить создаваемый Евразийский экономический союз, воспрепятствовав вхождению туда Украины¹⁸.

В то же время китайские американисты не уделили сколько-нибудь значительного внимания украинскому кризису. Например, в пространной статье о китайско-американских отношениях в журнале Международного отдела ЦК КПК «Дандай шицзе» («Современный мир») один из ведущих в Китае специалистов по США Ван Цзисы, подробно излагая «международные проблемы, взгляды по которым у Пекина и Вашингтона не совпадают», украинский кризис вниманием обошел¹⁹.

В практическом плане представляет интерес появление в США в связи с украинским кризисом опасений, что Китай в сложившейся ситуации активизирует свои претензии на острова Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. По информации представителей Китайского института международных проблем (КИМП) при Министерстве иностранных дел КНР, «США даже предостерегали КНР от этого шага. Давление, однако, было умеренным, чтобы не способствовать дальнейшему российско-китайскому сближению»²⁰.

При всех имевшихся сложностях Китай в связи с украинским кризисом занял достаточно благоприятную для России позицию:

- Пекин воздержался в Совете Безопасности ООН при голосовании внесенных западными странами антироссийских резолюций;

- Пекин не присоединился к санкциям Запада против России, осудив их как неприемлемый инструмент политического и экономического давления;

- было продолжено активное китайско-российское взаимодействие в многосторонних форматах, прежде всего в ШОС и БРИКС, что внесло весомый вклад в срыв попыток США и некоторых европейских держав добиться изоляции России на международной арене.

При этом важное значение имела личная поддержка лидером КНР Си Цзиньпином президента Владимира Путина, неизменно демонстрировавшаяся в ходе их частых встреч в 2014 г. — в Сочи, Шанхае и во время саммитов глав государств ШОС (Душанбе), БРИКС (Форталезе), G-20 (Брисбен), АТЭС (Пекин).

Китай также позитивно отреагировал на готовность Москвы к наращиванию масштабов и диверсификации форм торгово-экономического сотрудничества. Несмотря на снижение в последнем квартале 2014 г. цены на нефть — главный товар российского экспорта в КНР — по китайским данным, объем двустороннего товарооборота за год вырос на 6,8 % и составил 95,28 млрд долл.²¹, вплотную приблизившись к намеченному на 2015 г. ориентиру в 100 млрд долл. Судя по всему, Китай смог частично заполнить нишу, образовавшуюся во внешней торговле России после введения западных санкций и ее ответного запрета на импорт продовольствия из стран, присоединившихся в режиму санкций. Так, по данным российской таможенной статистики, в 2014 г. доля Европейского союза в товарообороте Российской Федерации составила 48,2 %, сократившись на 1,4 процентного пункта по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. Доля Китая, напротив, выросла с 10,5 до 11,3 %²².

Следует отметить также соглашение двух стран о совместном проектировании широкофюзеляжного самолета для нужд гражданской авиации, заключенное во время визита премьера Ли Кэцзяна в Москву в ноябре 2014 г., соглашение центральных банков России и Китая о валютном свопе на 150 млрд юаней, рост китайских инвестиций на территории Российской Федерации.

Несомненно, одним из главных достижений 2014 г. в торгово-экономическом сотрудничестве Китая и России стали практические договоренности о поставках природного газа в КНР по восточному маршруту. Началось строительство газопровода «Сила Сиби-

ри», по которому в 2018—2019 гг. газ должен пойти на северо-восток Китая и в район Пекина (предусмотрены ежегодные поставки 38 млрд кубометров газа в течение 30 лет).

Примечательно, что некоторые западные аналитики расценили российско-китайское соглашение по газу как попытку Пекина использовать к своей выгоде санкции Запада против России и стать тем самым главным «благополучателем» в украинском кризисе. Эти претензии были справедливо расценены в Пекине как безосновательные²³.

В целом же в Китае выражают надежду, что ускоренное развитие экономических связей с Россией позволит консолидировать стратегическое партнерство двух государств, а это в свою очередь поможет им «защитить свои коренные интересы и поддержать глобальный баланс сил»²⁴.

Вместе с тем в китайском подходе к России в контексте украинского кризиса проглядывают *определенные нюансы*, способные в перспективе в какой-то мере повлиять и на двусторонние китайско-российские отношения в целом.

Прежде всего, выражая «понимание» стремления России защитить свои международные позиции и базовые ценности перед лицом постоянного давления на нее со стороны Запада, китайские эксперты одновременно сдержанно относятся к идее закрепления и расширения российской «зоны влияния» на постсоветском пространстве. Например, Сюй Тао из Китайской академии современных международных отношений полагает, будто современная Россия, «используя традиционные ресурсы, унаследованные от времен царской России и Советского Союза, всеми силами стремится сохранить обширное постсоветское пространство как зону своего влияния и буферную территорию с тем, чтобы подготовиться к восстановлению в подходящий момент статуса мировой державы»²⁵.

Во-вторых, заметным своеобразием характеризуется позиция Пекина по вопросу о вхождении Крыма в состав России.

Официальный Пекин, можно сказать, подчеркнуто воздержался от оценки действий как жителей Крыма и Севастополя, проголосовавших на референдуме 16 марта 2014 г. за вхождение в состав России, так и поддержавшей их Москвы. Показателен в этом отношении пространный материал корреспондентов газеты «Жэньминь

жибао», опубликованный сразу же после проведения референдума²⁶. В нем нашла отражение позиция как Москвы («Путин заявил, что российская сторона будет уважать выбор населения Крыма»), так и Украины («Временное правительство Украины выразило решительный протест по поводу референдума в Крыму»), а также США («на последних перед референдумом консультациях с российскими высокопоставленными чиновниками госсекретарь Керри заявил, что в случае утверждения российским парламентом результатов референдума в Крыму Россия нарушит международное право и понесет надлежащую ответственность»). Что касается самого Китая, то приводится «всестороннее описание» его позиции, данное представителем КНР в ООН Лю Цзеи. По его словам, Китай, неуклонно придерживающийся принципа уважения суверенитета и территориальной целостности, «не одобряет конфронтационных методов». Он воздержался при голосовании в Совете Безопасности ООН такого проекта резолюции, принятие которого привело бы лишь к противостоянию всех сторон и обострению ситуации в Украине. По словам представителя МИД КНР Цинь Гана, позиция Китая по украинскому вопросу неизменно характеризуется справедливостью и объективностью. Китай и далее будет играть конструктивную роль, содействуя переговорам, нацеленным на политическое решение украинского кризиса.

Таким образом, действия России не были ни осуждены, ни одобрены Пекином, однако нашли у него «понимание» с учетом исторического и современного контекста «крымского вопроса». На неофициальном экспертном уровне возвращение Крыма под юрисдикцию России было расценено как «рациональное, но незаконное» (*heli de, danshi bu hefa de*). Впрочем, в печатных СМИ мне такую оценку встретить не довелось, а вот мнение некоторых китайских политологов, что Россия, приобретя Крым, потеряла Украину, высказывалось как устно, так и письменно²⁷.

Наконец, открытым остается вопрос о степени поддержки России в общественном мнении Китая. Судя по всему, на начальных этапах кризиса действительно преобладали симпатии к России, осмелившейся и сумевшей дать отпор США. Есть, однако, свидетельства, что по мере затягивания кризиса и нарастания трудностей для вовлеченного в торговлю с Россией малого и среднего бизнеса

тренд стал меняться. Сошлюсь на содержание газеты «Наньфан души бао» от 23 ноября 2014 г., полученной мной в отеле в Шэньчжэне. В ней опубликован материал спецкора агентства Синхуа об участии президента Украины П. Порошенко в массовой церемонии, посвященной годовщине украинского кризиса (с воспроизведением антироссийских заявлений вице-президента США Дж. Байдена), а также заметка блогера о создании в Украине с помощью социальных сетей неправительственных организаций для помощи военным, находящимся «на передовой». Здесь же помещена фотография будто бы российских танков в Донбассе, взятая со страницы в «твиттере» посла Великобритании в Украине.

Все эти штрихи, полагаю, не меняют общего благожелательного подхода Китая к России в контексте украинского кризиса, но позволяют увидеть, что картина здесь весьма многомерна и содержит немало нюансов.

Украинский кризис и российские подходы к Китаю

На протяжении всего украинского кризиса руководство России в лице президента Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова неоднократно разъясняли на встречах с китайскими коллегами позицию Российской Федерации по различным аспектам проблемы. Российская сторона неизменно выражала признательность руководству КНР за взвешенный, объективный подход к ситуации в Украине, за поддержку усилий России по преодолению кризиса.

В многочисленных публичных выступлениях президент Путин постоянно подчеркивал: «Утверждения, что Россия пытается восстановить какую-то свою империю, покушается на суверенитет своих соседей, не имеют под собой основания»²⁸. Одновременно отмечалось, что Россия «ни от кого не собирается закрываться», готова к возобновлению равноправного сотрудничества со всеми государствами мира.

Характеризуя развитие всеобъемлющего партнерства России с Китаем, Сергей Лавров в выступлении 22 ноября 2014 г. на XXII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике России отметил:

«Крупные решения в двустороннем плане... позволяют говорить о формировании российско-китайского энергетического альянса... Все больше оснований... говорить о формировании российско-китайского технологического альянса. Сегодня наш тандем с Пекином является одним из важнейших факторов поддержания международной стабильности и хоть какого-то баланса в международных делах, обеспечения верховенства международного права»²⁹.

Население страны восприняло позицию Китая по украинскому кризису как благоприятную для России. В связи с этим отношение к КНР в российском обществе за год существенно улучшилось при одновременном заметном ухудшении отношения к странам Запада. Так, в ноябре 2014 г. «хорошо» и «очень хорошо» относились к Китаю 74 % россиян (данные опроса «Левада-центра»), что уступало лишь показателю по Белоруссии (87 %). По оценке руководства «Левада-центра» это означает, что Китай «рассматривается в качестве страны, с которой можно развивать контакты в условиях проблем с западным миром». Напротив, доля граждан, хорошо относящихся к Европейскому союзу, упала с 51 % в январе до 26 % в ноябре, а к США — с 43 % до 18 %³⁰.

Если у руководства и населения России позитивное отношение к Китаю в 2014 г. доминировало, то в российском экспертном сообществе наблюдалась более сложная картина. Часть его, сохранив традиционную для себя прозападную ориентацию, пыталась посеять сомнения в продуктивности для России «поворота к Китаю» и всестороннего углубления российско-китайского сотрудничества. Так, руководитель Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев в интервью журналу «Огонек» утверждал, будто «разворот во внешней политике России скорее только объявлен, чем де-факто состоялся», что особой экономической выгоды от углубления сотрудничества с КНР в нефтегазовой сфере «не видно», что «вряд ли стоит ожидать из КНР серьезных инвестиций» и т. д.³¹

Вместе с тем большинство российских экспертов мало-помалу осознало, что «стратегический разворот России на восток... представляется на сегодня единственным разумным выходом из складывающейся ситуации с точки зрения выживания в санкционном режиме»³².

В целом можно констатировать, что украинский кризис не только не поколебал фундаментальные основы российско-китайского всеобъемлющего стратегического сотрудничества, но и способствовал его выходу на новый этап. Обе стороны на протяжении 2014 г. много раз заявляли о готовности укреплять стратегическое взаимодоверие, углублять двустороннее взаимовыгодное сотрудничество, усиливать координацию и взаимодействие в региональных и глобальных делах.

Есть основания ожидать в ближайшие годы стабильного поступательного развития российско-китайских отношений.

Перспективы российско-китайских отношений

В среднесрочной перспективе важным рубежом в российско-китайских отношениях станут 2021—2022 годы, когда истекает двадцатилетний срок действия так называемого Большого договора — Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Договор, играющий роль краеугольного камня в многоплановом двустороннем взаимодействии двух стран и в координации их действий на международной арене, может автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, «если ни одна из Договаривающихся Сторон не менее чем за один год до истечения соответствующего периода действия Договора не уведомит в письменной форме другую Договаривающуюся Сторону о своем намерении прекратить его действие»³³.

Наиболее вероятным с позиций сегодняшнего дня представляется сохранение на перспективу до 2022 г. тенденции поступательного развития российско-китайских отношений в диапазоне «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». Отношения КНР и РФ останутся, как и прежде, в высокой степени самостоятельными, т. е. опирающимися в первую очередь на взаимодополняемость коренных интересов двух государств. В то же время, при главенстве внутренних, «эндогенных» факторов, формирующих общую логику развития и эволюцию российско-китайских отношений, эти отношения могут подвергнуться и воздействию внешних, «экзо-

генных» факторов, причем роль последних будет, скорее всего, мало-помалу расти.

Оговоримся, что, во-первых, влияние внешних факторов не обязательно будет негативно сказываться на двусторонних российско-китайских отношениях — напротив, оно может содействовать сближению Москвы и Пекина перед лицом общих угроз и вызовов. Во-вторых, внешние и внутренние векторы российско-китайского взаимодействия подчас достаточно тесно переплетены, и их разграничение нередко носит условный характер.

Тем не менее, с позиций сегодняшнего дня можно достаточно определенно вычленить ряд тенденций, процессов и факторов, которые способны заметно повлиять на характер российско-китайских отношений в среднесрочной перспективе.

Одним из первых должно быть названо *увеличение в пользу Китая разрыва между ним и Россией по экономической мощи*. Эта тенденция берет отсчет в начале 1990-х годов и имеет уже четвертьвековую историю. Однако именно кризис вокруг Украины породил ту «геополитическую напряженность», которая существенно усугубила экономические трудности России в 2014 г. и предопределила неизбежное снижение ВВП страны в следующие два года. В январе 2015 г. Международный валютный фонд снизил прогноз прироста ВВП России на 3,5 проц. пункта для 2015 г. и на 2,5 проц. пункта для 2016 г. по сравнению с прогнозом от октября 2014 г.³⁴ (табл. 1).

Таблица 1. Прирост ВВП некоторых стран в 2013—2016 гг. (оценки и прогноз МВФ, процентов)

	2013	2014	2015	2016
Мир	3,3	3,3	3,5	3,7
США	2,2	2,4	3,6	3,3
Зап. Европа	-0,5	0,8	1,2	1,4
Россия	1,3	0,6	-3,0	-1,0
Китай	7,8	7,4	6,8	6,3

Данные: World Economic Outlook, January 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/update/011>

Если в предыдущем прогнозе предполагался прирост ВВП России на 0,5 % в 2015 г. и на 1,5 % в 2016 г., то в новом предсказывается сокращение, соответственно, на 3 % и 1 %.

Все это ведет дальнейшему нарастанию разрыва абсолютных величин ВВП Китая и России — с 4,5:1 в 2013 г. до 6:1 в 2019 г. при пересчете из юаней и рублей в доллары по текущему рыночному курсу и с 4,6:1 до 6,3:1 при пересчете по паритету покупательной способности национальных валют (табл. 2).

Таблица 2. Соотношение ВВП Китая и России в 2013—2019 гг.

Годы	Китай		Россия		Китай:Россия	
	млрд долл. (рыночный курс)	млрд долл. ППС	млрд долл. (рыночный курс)	млрд долл. ППС	рыночный курс	ППС
2013	9469	16149	2096	3491	4,51:1	4,61:1
2014	10355	17632	2057	3558	5,03:1	4,95:1
2015	11285	19230	2098	3643	5,38:1	5,28:1
2016	12235	20933	2235	3767	5,47:1	5,55:1
2017	13263	22780	2348	3913	5,65:1	5,82:1
2018	14353	24756	2462	4076	5,83:1	6,07:1
2019	15519	26867	2595	4244	5,98:1	6,33:1

Данные: World Economic Outlook, Database, IMF, January 2015 и расчет по ним. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=468pr.x=7&sy=2013&ey=2019&scsm=1&ssd=1&sort=con>

Негативные последствия данной тенденции, возможно, не стоит преувеличивать — в конце концов, в похожей ситуации Китай и Россия взаимодействуют уже не один год. Однако они все же есть. Из лежащих на поверхности выделим угрозу ослабления для Китая значения России как экономического партнера и, напротив, усиления многоплановой «китаезависимости» российской экономики. Нельзя исключать и оживления антикитайских фобий у части россиян. Реализация курса российского руководства на существенное

наращивание обороноспособности и военной мощи страны, выдвинутого на рубеже 2014—2015 гг., может сыграть определенную компенсирующую роль в соотношении совокупной национальной мощи РФ и КНР. Однако такие шаги традиционно порождают настороженность в Китае, пусть и не декларируемую открыто.

Наконец, и это, вероятно, самое важное в данном сюжете, в Китае уважают успешно развивающиеся страны и не слишком благоволят к тем, кто допускает серьезные срывы в экономике. Симптоматично, что опросы общественного мнения, проведенные после мирового экономического кризиса 2009 г., показали тогда некоторое ухудшение отношения рядовых китайцев к России. Чего-то подобного нельзя исключать и ныне.

Дальнейшее ухудшение соотношения экономической мощи России и Китая в свою очередь способно оказать определенное воздействие на многие аспекты *двусторонних российско-китайских отношений*.

В экономической сфере вероятно относительное ослабление позиций России в группировках, членом которых она является вместе с Китаем. Это Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС. При этом отрицательная или низкая динамика экономического роста в России в ближайшей перспективе негативно скажется на общих позициях данного формата в мировой экономике. Судя по всему, недавним прогнозам о способности стран БРИКС в скором будущем догнать и даже превзойти развитые страны по масштабам экономики сбыться в обозримой перспективе не суждено.

Будут в той или иной степени затронуты и двусторонние торгово-экономические связи России и Китая. Негативное воздействие на участие в них малого и среднего бизнеса обоих государств продолжит оказывать ослабление рубля — в 2014 г. курс рубля к юаню опустился с 5,6—5,8 до 10,4—11,2 рубля за юань.

В структуре российского экспорта в Китай в следующие 6—8 лет сколько-нибудь существенные сдвиги маловероятны. Ведущую позицию — порядка двух третей — здесь по-прежнему будет занимать вывоз нефти, от мировой цены которой будет в определяющей степени зависеть и стоимостной объем экспорта России в КНР. В импорте РФ из КНР будет и далее расти доля машин и оборудования, в том числе в контексте наращивания китайских инвестиций в Рос-

сию. Выходу в 2020 г. на намеченный ориентир объема двусторонней торговли в 200 млрд долл. могут помочь крупные поставки российского природного газа в Китай начиная с 2018—2019 гг. В целом Россия сохранит свою примерно двухпроцентную долю в торговле Китая товарами при дальнейшем увеличении доли КНР в российской торговле с нынешних 11 % до 13—15 %.

Весьма сложным является *вопрос о взаимоотношениях двух крупнейших национальных проектов международного экономического сотрудничества*: патронируемого Россией *Евразийского экономического союза (ЕАЭС)* и активно продвигаемой Пекином концепции *«Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП)*. Хотя данная инициатива, выдвинутая лидером Китая Си Цзиньпином в сентябре 2013 г., вызвала в России и положительные отклики³⁵, в целом она была встречена скорее настороженно, чем позитивно, как проект, объективно нейтрализующий интеграционные усилия России в Центральной Азии.

Руководство России и Китая не заинтересовано в полемике по данному вопросу и стремится сблизить подходы двух стран. Это нашло отражение в Совместном заявлении глав РФ и КНР от 20 мая 2014 г., где дана положительная оценка созданию Евразийского экономического союза и сказано о поиске путей сопряжения проектов *«Экономического пояса Шелкового пути»* и ЕАЭС. Важным представляется и упоминание в Совместном заявлении о высокой оценке Россией готовности китайской стороны учитывать российские интересы в ходе разработки и реализации концепции *«Экономического пояса Шелкового пути»*³⁶. Как следует из интервью посла РФ в КНР Андрея Денисова китайским СМИ, к началу 2015 г. Китай и Россия провели два раунда консультаций по вопросу о сопряжении российского и китайского интеграционных проектов³⁷.

В то же время проблема как таковая далеко не закрыта. Мы находимся, по сути дела, лишь в начальной стадии поиска путей ее решения. На выбор и практическую реализацию того или иного варианта состыковки ЕАЭС и ЭПШП и взаимодействия России и Китая на данном треке будет влиять ряд существенных факторов.

Прежде всего, это тот или иной уровень реальной эффективности и влияния Евразийского экономического союза³⁸. Выпадение Украины из числа участников ЕАЭС сделало эту организацию

менее масштабной и значимой, чем задумывалось изначально. Многих экспертов настораживает снижение объема товарооборота в рамках Таможенного союза в составе России, Белоруссии и Казахстана, послуживших ядром ЕАЭС, пусть даже оно и объясняется отчасти естественными сложностями начального периода становления организации³⁹. Так что обеспечение эффективности ЕАЭС требует длительных последовательных усилий и позитивных подвижек в экономике России и ее партнеров.

Во-вторых, китайское видение Экономического пояса Шелкового пути⁴⁰ географически шире региона Центральной Азии или интеграционного пространства Евразийского экономического союза. Речь, скорее, идет о широком транзитном поясе для обеспечения растущих торговых и инвестиционных потоков между Китаем и Европой, в первую очередь из КНР в Европейский союз. В проект, таким образом, могут быть вовлечены, помимо Центральной Азии и членов ЕАЭС территории Кавказа, Украины, Центральной и Восточной Европы⁴¹. Кроме того, китайский проект с самого начала предполагал многовариантность маршрутов транспортировки грузов.

В результате событий 2014 г. на Украине и вокруг нее значение транзитного маршрута через Украину в Европу, которому первоначально в планах Китая отводилось важное место, заметно упало. На сегодняшний день неясны и перспективы полноценной эксплуатации «украинского ответвления» ЭПШП. В этой ситуации повышается возможность России предложить свой транспортный потенциал для реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути. Однако этот потенциал надо еще суметь использовать. Как минимум, нужно добиться согласия Европы на использование России как транзитной территории в торговле с Китаем. Предстоит также согласовать логистику с КНР, у которой явно есть свое видение оптимальных для нее маршрутов транспортировки грузов через Россию, не вполне совпадающее со стремлением российской стороны как можно полнее использовать ресурсы Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей. Вряд ли случайно Китай в последнее время особенно активно лоббирует проект строительства высокоскоростной железной дороги Пекин—Москва⁴².

В любом случае отлаживание взаимодействия двух интеграционных проектов — ЭПШП и ЕАЭС — займет в обозримой перспективе

важное место в российско-китайских отношениях. Можно вполне согласиться с известным российским политологом, главой Совета по внешней и оборонной политике России Федором Лукьяновым, полагающим, что «если российский поворот к Азии примет необратимый характер, почти неизбежно взаимодействие двух проектов вплоть до их объединения»⁴³.

28 марта 2015 г. на сайте МИД КНР был размещен концептуальный документ «План и действия по продвижению совместного строительства экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути 21 века». В перечне организаций многостороннего сотрудничества, призванных «выявить свою роль» в деле строительства «одного пояса и одного пути», упомянуты ШОС, АСЕАН+1, АТЭС, АСЕМ, Организация экономического сотрудничества в Центральной Азии и другие. Однако при этом ЕАЭС поименно не упоминается⁴⁴.

В *политической сфере* главная интрига заключается в том, насколько устойчивой окажется в среднесрочной перспективе тенденция к дальнейшему сближению России и Китая или, как минимум, к сохранению ситуации, когда отношения Москвы и Пекина друг с другом остаются теплее и теснее, чем их отношения с Западом.

Во многом это будет зависеть от *характера политики США в отношении Китая*. В случае продолжения попыток Вашингтона сдерживать дальнейшее усиление Пекина, добиться своеобразного окружения КНР по периметру, воспрепятствовать сближению Тайваня с Пекином, у Китая сохранится высокая потребность в России как в надежном тыле и партнере в мировых делах.

Кроме того, взаимопониманию Москвы и Пекина на американском направлении явно способствует недифференцированное восприятие в Вашингтоне политики России и Китая как угрозы американским интересам. Именно такой подход продемонстрировал, например, заместитель министра обороны США Роберт Уорк в выступлении на заседании Совета по международным отношениям 30 сентября 2014 г.⁴⁵

В то же время спорным представляется правдоподобное на первый взгляд утверждение, будто санкции США и ЕС против России «способствуют созданию военно-политического союза России и Китая»⁴⁶. Дело в том, что в подходе Пекина явно просматривается

стремление освободить китайско-американские отношения, как наиболее важные двусторонние отношения в современном мире, от весомого влияния российского фактора. Это обстоятельство, наряду с некоторым снижением роли России, оттесняемой Западом на позиции «парии» мирового сообщества, размывает, делает весьма аморфными контуры треугольника Россия—Китай—США как реально действующего и сколько-нибудь влиятельного формата международной политики.

Можно даже предположить, что при более-менее благоприятном развитии отношений с США и Европой Китай будет мало-помалу дистанцироваться от антизападной риторики России, представляя себя в качестве respectable, ответственного члена международного сообщества.

Что касается *Украины*, Китай на обозримую перспективу сохранит свою приверженность формально принципиальной, а по сути достаточно гибкой формулировке «об уважении ее суверенитета, независимости и территориальной целостности», которая была подтверждена на встрече премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна с президентом Украины П. Порошенко 22 января 2015 г. в Давосе (Швейцария)⁴⁷. Она позволяет как наладить «разностороннее практическое сотрудничество» с Киевом, так и продолжить взаимовыгодные связи с Россией практически при любом сценарии дальнейшего развития ситуации на Украине. В целом, на наш взгляд, влияние украинского кризиса на отношения Китая с Россией будет в дальнейшем падать до малозаметных величин.

Напротив, наиболее значительное влияние на эти отношения окажут *особенности внешнеполитического курса России*. Его большей эффективности, полагают китайские эксперты, способствовал бы отказ Москвы от идеологии «зон влияния», переход к политике подлинного добрососедства и создания с государствами-соседями сообщества «общей судьбы».

Ключевое значение для эволюции двусторонних отношений с Китаем будет также иметь та или иная ориентация России — на Восток или на Запад. Россия, безусловно, стремится сохранить базовую независимость и самостоятельность своего позиционирования на международной арене. В России существует точка зрения, что дальнейшее сближение с Китаем привело бы к сужению пространства

внешнеполитического маневрирования Москвы, усилило бы «попытки Пекина» добиться от Москвы поддержки его позиции в многочисленных территориальных спорах», чего «стоит всеми силами избегать, ...чтобы не потерять важных партнеров помимо Китая»⁴⁸. У части российских экспертов еще сохраняются надежды на возможность достаточно быстрого восстановления докризисного уровня отношений страны с Европой и США. Так, в октябре 2014 г. президент Российского совета по международным делам Игорь Иванов предлагал «начинать серьезный диалог между Евросоюзом и Евразийским экономическим союзом относительно продвижения к единому экономическому пространству от Лиссабона до Владивостока»⁴⁹. Боюсь, что в данном случае желаемое выдается за действительное. Роль Китая и китайского фактора в общей стратегии России в среднесрочной перспективе будет неизбежно усиливаться. Этот процесс объективно обусловлен как общим поворотом России к Азии, так и негативным характером ее отношений с Европой и тем более с США, возможность быстрого улучшения которых не просматривается.

Полагаю, что сформулированное автором летом 2014 г. положение «сегодняшняя и завтрашняя угроза для России от реального Запада гораздо больше и опаснее послезавтрашней гипотетической угрозы от набирающего мощь Китая»⁵⁰ еще долго будет оставаться справедливым.

При этом речь о союзе с Китаем не идет. Можно констатировать, что украинский кризис, подтвердив прочность фундаментальных основ российско-китайского взаимодействия, стал для РФ и КНР своеобразным противовесом от соблазна трансформировать свои отношения из отношений стратегического партнерства в союзнические. Похоже, что аналогичное мнение возобладало и в Пекине, где на совещании по внешнеполитической работе в конце ноября 2014 г. была особо подчеркнута приверженность Китая принципу неприсоединения⁵¹.

В настоящее время, как и в начальные месяцы после прихода к власти в КНР Си Цзиньпина, на период до 2022 г. просматриваются *три возможных сценария эволюции двусторонних российско-китайских отношений*: сохранение достигнутого уровня; последовательное улучшение; некоторое ухудшение⁵². Полагаю, что вероятность реа-

лизации второго сценария после украинского кризиса несколько выросла — с 25 до 30 процентов (из 100 процентов в сумме) при уменьшении вероятности реализации первого сценария — сохранения статус-кво — с 70 до 65 процентов. Реализация третьего сценария может гипотетически состояться в случае совпадения и синергетического эффекта всех проанализированных выше неблагоприятных факторов. Тем не менее, его вероятность — 5 процентов — остается незначительной.

Примечания

¹ Реакция Китая на украинский кризис 2014 г. прослежена и проанализирована в таких публикациях, как: Кузнецов Д. Украинский кризис 2013—2014 гг. и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 13—24; Исаев А. Китай и «украинский вопрос»: выбор стратегии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 213—236; Тимофеев О. Украинский кризис и его влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике... Выпуск XIX. С. 237—247; Фролова И. О китайских оценках ситуации на Украине // Россия и Китай. Иркутск. № 13. 2014. С. 22—23.

² China and Global Crisis: The «Culture of Reluctance». — China Analyses, Asia Centre, EU/ October 2014. P. 15.

³ Portyakov, Vladimir. Russia and China. Consolidating the Strategic Partnership. In: Zhang Yunling (Editor). «Making New Partnership: A Rising China and its Neighbors». — Beijing. Social Sciences Academic Press, 2008. P. 281.

⁴ Подробнее о позиции Китая по российско-грузинскому конфликту 2008 г. см.: Portyakov V. «Russian—Chinese Relations in 2008». — «Far Eastern Affairs. A Russian Journal on China, Japan and Asia-Pacific Region». — East View Information Services, Inc. Minneapolis, MN, USA. Volume 37, Number 1 (January—March 2009). Pp. 1—15.

⁵ Тренин, Дмитрий. Post—Imperium: евразийская история. М.: Росспэн, 2012. 326 с. Здесь — С. 134—135.

⁶ Во время визита Виктора Януковича в КНР 3—6 декабря 2013 г. были подписаны 15 документов, в том числе Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами и Программа развития отношений стратегического партнерства между Украиной и КНР на 2014—2918 годы. — Мокрецкий А. Китайский фактор в современном внешнеполитическом выборе Украины и Армении в условиях по-

лицентричности мира // Китай в мировой и региональной политике... Выпуск XIX. С. 248—269; Здесь — С. 251—252.

⁷ Тренин, Дмитрий. Украина и новый раскол // Московский центр Карнеги. Июль 2014. С. 1—6. Здесь — С. 5.

⁸ China and Global Crisis: The «Culture of Reluctance». — China Analyses, October 2014. P. 1, 3, 14.

⁹ См.: Кузнецов Д. Указ. соч. С. 15.

¹⁰ Речь идет о формуле из 28 иероглифов, в которой Дэн Сяопин советовал лидерам КНР в обозримой перспективе «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное».

¹¹ Haiguan Tongji : [Таможенная статистика Китая]. Beijing. 2013. № 12. P. 9; 2014. № 12. P. 118.

¹² Синьхуа. 25.02.2014.

¹³ В разное время Цай У занимал посты заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПК и министра культуры КНР.

¹⁴ Xi urges Ukraine to launch inclusive dialogues asap. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/0912/c90883-8781529.html>

¹⁵ Здесь и выше — Ukraine at risk of being West'pawn. — Global Times, Beijing, 2014, August 31.

¹⁶ Выборы на востоке Украины подготовили почву для нового кризиса. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1103/c95181-8803746.html>

¹⁷ См., напр.: «При урегулировании украинского кризиса главное не допустить усиления конфронтации». URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0129/c31519-8842693.html>; «Трудно говорить о перспективах решения украинского кризиса». URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0126/c31519-8840935.html>

¹⁸ Доклад о развитии России (2014) («Элосы фачжань баогао», Пекин, 2014. P. 161—162.

¹⁹ Ван Цзисы, У Шэнци. Различия в понимании Китаем и США нового типа отношений между державами и политика Китая в отношении США (Чжэн Мэй дуй синьсин даго гуньсин да жэньши чаи цзи Чжунго дуй Мэй чжэнцэ — Дандай шицзе. Пекин. 2014. No 10. P. 2—10.

²⁰ Выступление представителей КИМП на двусторонней научной конференции в Московском государственном институте международных отношений (университете) 29 мая 2014 г.

²¹ Данные таможенной статистики КНР: URL: <http://www.customs.gov/cn/publish/portal0/ta149666/info729723.html>. Внешнеторговый товарооборот Китая в целом в долларовом выражении увеличился на 3,4 %. [Дата обращения 26.01.2015.]

²² URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=20494&Itemid=1976. [Дата обращения 21.02.2015.]

²³ The West should not criticize Sino-Russian energy cooperation — People's Daily Online. URL: <http://english.peopledaily.com/cn/n/2014/0911/c98649-8780956.html>

²⁴ Shi Ze. New Impetus. Facing challenges, China and Russia must extend their economic ties. — Beijing Review, Beijing, vol. 57. No 47, 2014, November 20, pp. 20—21.

²⁵ Сюй Тао. Перспективы соперничества великих держав в украинском кризисе и российская «мечта о великой державе» : [Укэлань вэйцзи чжун дэ да го боцзи цяньцзин юй Элосы «да го мэн»] // Дандай шицзе. 2014. № 10. С. 41.

²⁶ Крымский референдум пошекотал нервы всем сторонам : [Кэлимия гунтоу цяньдун гэфан шэньцзин] // Жэньминь жибао. 17.03.2014.

²⁷ Например, по мнению Сюй Тао, «метод, использованный для возвращения Крыма, обусловил окончательную потерю Россией Украины» — Сюй Тао. Указ. соч. С. 42.

²⁸ Путин В.В. Выступление на XI конференции дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://news.kremlin.ru/news/46860> [Дата обращения 24 декабря 2014 г.]

²⁹ URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/DC5FF1F87726417FC3257D9800518D9a. [Дата обращения 26 ноября 2014 г.]

³⁰ Иванов М. Граждане нашли друга на востоке // Коммерсантъ. 12.08.2014.

³¹ Иноземцев Владислав. «Китай — не помощник». — Интервью журналу «Огонек» // Огонек. № 46. 2014. 24 ноября. С. 14—15.

³² Никифоров Олег. Варианты российского будущего в Европе // Независимая газета. 15.10.2014.

³³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, статья 25. Договор подписан 16 июля 2001 г., вступил в силу 28 февраля 2002 г. и действует до 28 февраля 2022 г. — Сборник российско-китайских документов 1999—2007 гг. М.: Олма Медиа групп, 2007. С. 151.

³⁴ World Economic Outlook Update. Cross Currents. January 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/update/01/>

³⁵ См., напр.: Тавровский Ю. Шелковый путь возвращается на карту мира. Древний торговый маршрут может стать геоэкономической осью Евразии // Независимая газета. 01.09.2014.

³⁶ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратеги-

ческого взаимодействия. Шанхай, 20 мая 2014 г. Пункт 21 // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 10.

³⁷ Посол РФ в КНР А. Денисов: «Китай уже давно вошел в мою жизнь». URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1229/c95197-8828785.html> [Дата обращения 29.01.2015.]

³⁸ Показательно в этом плане название статьи заместителя директора Института проблем рынка РАН Наби Зиядуллаева «Евразийский экономический союз: история успеха или мыльный пузырь» // Независимая газета. 15.09.2014.

³⁹ Так, в 2014 г. объем торговли России с партнерами по Таможенному союзу — Белоруссией и Казахстаном составил 91,1 % от объема торговли в 2013 г. Снижение товарооборота здесь оказалось значительнее, чем торговли России в целом (93,3 % от уровня 2013 г.). URL: <http://www.customs.ru/index2.php?option=com-content&view=article&id=20494&itemid=1976>.

⁴⁰ Видение ведущими китайскими экспертами концепции «Экономического пояса Шелкового пути» представлено в таких публикациях, как «Сычоу чжилу цзинци дай гоусян дэ бэйцзин, цянъ цзай тяочжань хэ вэйлай цзоуми»: [«Экономический пояс Шелкового пути: бэкграунд, вызовы и перспективы» // Оу Я цзинци : [Экономика России, Восточной Европы и Центральной Азии]. Пекин: 2014. № 4. С. 5—58; Ван Чжиюань. Сычоу чжи лу цзинци дай дэ гоци чжаньюэ нэйхань фэнси : [Анализ международно-стратегических аспектов концепции Экономического пояса Шелкового пути] // Цюйюй юй чэнши цзинци : [Городская и региональная экономика]. Пекин: 2014. № 9. С. 107—113.

⁴¹ Различным вариантам политико-географической конфигурации ЭПШП посвящена статья: Го Айцзюнь, Мао Цзиньхуан. Сычоу чжилу цзинци дай: юши чань кунцзянь чай юй чань кунцзянь буцзюй чжаньюэ яньцзю : [Экономический пояс Шелкового пути.: изучение различий в пространственном размещении конкурентоспособных отраслей и стратегия пространственного размещения производства] // Цюйюй юй чэнши цзинци. 2014. № 9. С. 114—124.

⁴² Самофалова Ольга. Китай готов вложиться в мегастройку в России. URL: <http://www.vz.ru/economy/2015/1/22/725700/html> [Дата обращения 23.01.2015.]

⁴³ Лукьянов Федор. Здесь Россия нужна всем // RV (Russian View)/ Москва. 2014. № 03 (июль—август). С. 29.

⁴⁴ Туйдун гунцзянь сычоу чжилу цзинци дай хэ эрши и шици хайшан сычоу чжиху дэ юаньцзин юй синдун. Документ подготовлен Государственным комитетом по реформам и развитию, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР.

⁴⁵ См.: Иванов Владимир. Россия и Китаю пригрозили войной. Замминистра обороны призвал к обузданию главных оппонентов Америки военными средствами // Независимая газета. 02.10.2014.

⁴⁶ Лозанский Эдуард, Сифар Мартин. Санкции — порочный метод внешне-политического влияния // Независимая газета. 16.10.2014.

⁴⁷ Ли Кэцян встретился с президентом Украины П. Порошенко. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0122/c31520-8839821.html> [Дата обращения 28.01.2015.]

⁴⁸ Лукьянов Федор. Здесь Россия нужна всем... С. 29.

⁴⁹ Иванов Игорь. Свет в конце туннеля? // Российская газета. 17.10.2014.

⁵⁰ Портяков Владимир. Возвышение Китая: что дальше? Перспективы внешней политики КНР в следующие десять лет // Россия в глобальной политике. Том 12. Май—июнь 2014. С. 141.

⁵¹ Чжунъян вайши гунцзо хуйи цзай Цзин цзюйсин : [В Пекине прошло Центральное совещание по внешнеполитической работе] // Жэньминь жибао. 30.11.2014.

⁵² Портяков Владимир. Российско-китайские отношения: современное состояние и перспективы развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 14.

Глава 11

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ВОЗВЫШЕНИЯ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Под возвышением Китая понимается процесс его динамичного развития, благодаря которому страна вышла на позиции одного из мировых лидеров по масштабам экономики и геополитическому влиянию. Уже в настоящее время КНР воспринимается как де-факто держава номер два в мировой иерархии, уступающая по комплексной мощи лишь США и к тому же имеющая определенные шансы опередить их в обозримой перспективе.

Опираясь на достаточно успешное осуществление «четырех модернизаций» в последнее десятилетие XX века (а ВВП КНР в 2000 г. вырос в 6,4 раза по сравнению с 1980 г. при планировавшемся росте в 4 раза), китайское руководство поставило цель максимально эффективно использовать первое десятилетие XXI века, рассматривавшееся как «период стратегических возможностей», для дальнейшего наращивания экономической, оборонной, внешнеполитической мощи страны и выхода на качественно новые позиции в мире. В частности, была поставлена задача увеличить ВВП страны в 2020 г. в 4 раза по сравнению с 2000 г. и обеспечить построение общества «малого благоденствия» — *сяокан*, то есть выйти на среднемировой уровень потребления.

Высокая норма накопления, умелое использование возможностей мирового рынка после вступления во Всемирную торговую организацию в конце 2001 г. и сравнительных преимуществ страны как крупнейшей на планете «мировой фабрики» позволили Китаю в ис-

текшие годы XXI столетия не только сохранить высокую динамику экономического роста, но и качественно нарастить свой вес в мировой экономике.

ВВП КНР в 2013 г. в сопоставимых ценах вырос в 3,43 раза по сравнению с 2000-м годом и в 2,91 раза по сравнению с 2002 г., когда на XVI съезде правящей компартии были сформулированы основные цели развития на период до 2020 г. При этом в долларовом выражении ВВП Китая вырос с примерно 1,2 трлн долл. до 9,18 трлн долл. при пересчете из юаней в доллары по текущему курсу и с 3 до 13,4 трлн долл. при расчете по паритету покупательной способности национальной валюты. Доля КНР в мировом валовом продукте возросла с 3,66 % в 2000 г. до 12,4 % в 2013 г. при пересчете по текущему курсу и с 7,04 до 15,4 % по паритету покупательной способности. Важно констатировать, что доля ВВП Китая от ВВП США выросла с 11,65 % в 2000 г. до 54,65 % в 2013 г. (в долларах по текущему курсу), а в случае расчетов по паритету покупательной способности — с 29,3 % до 79,7 %¹.

Экономический рост поддерживался и сопровождался еще более динамичным ростом внешнеторгового товарооборота Китая. С 509,6 млрд долл. в 2001 г., т. е. перед вхождением в ВТО, он вырос до 4,16 трлн долл. в 2013 г., когда КНР опередила США (3,91 трлн долл.) и стала крупнейшей торговой державой мира с долей в мировом экспорте 14,7 % и в мировом импорте 12,9 %².

Высокие темпы роста и быстрое увеличение масштабов китайской экономики рано или поздно неизбежно должны были поставить в повестку дня вопрос о «конвертации» экономической мощи Пекина в существенное увеличение его политического влияния в глобальных международных отношениях. Хотя подобная трансформация отражала не только субъективные желания лидеров Китая, но и объективно возросшие возможности страны, в Пекине предприняли попытки упредить и по мере сил нейтрализовать возможную негативную реакцию мирового сообщества. В 2003 г. была выдвинута концепция «мирного возвышения» страны, призванная убедить мир, что Китай как поднимающаяся, восходящая держава не собирается идти путем Германии и Японии первой половины XX века, что он не склонен действовать по правилам «игр с нулевой суммой» и не стремится к конфронтации или враждебности с какой-либо «нисходящей державой». Поскольку, однако, сам термин «возвыше-

ние» априори содержал элемент вызова, название концепции вскоре заменили на «мирное развитие», причем акцент на исключительно мирном характере действий Китая на международной арене был подкреплен выдвижением в 2005 г. концепции строительства «гармоничного мира». В то же время в практической политике усилившийся Китай стал со второй половины 2008 г. демонстрировать большую напористость и даже жесткость, особенно в защите «коренных интересов» и «интересов развития», в том числе в подходе к решению территориальных споров, борьбе за региональное лидерство и т. п. При этом Пекин всячески избегал конфронтации с США, несмотря на антикитайский подтекст и контекст декларированного Вашингтоном «возвращения в Азию» и укрепление системы союзов США в Восточной Азии. В Китае ясно осознают, что только США способны если не сорвать, то серьезно затормозить процесс дальнейшего возвышения страны. Кроме того, препятствует резким движениям значительная взаимозависимость двух стран в экономике. Так, в 2013 г. доля США во внешней торговле КНР составила 12,52 %, в том числе в экспорте 16,67 и 7,82 % в импорте. У США на Китай пришлось 13,3 % общей торговли товарами, в т.ч. 9,66 экспорта и 15,8 % импорта³.

Пришедшее к власти в конце 2012 — начале 2013 г. пятое поколение руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином всецело солидаризировалось с идеей продолжения поступательного возвышения Китая, выдвинув при этом собственный, весьма амбициозный лозунг осуществления «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага — к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. В КНР превалирует мнение, что на сегодняшний день еще рано говорить о возрождении китайской нации как о событии свершившемся. Для этого необходимо, прежде всего, восстановление единства китайского государства и китайской нации, то есть восстановление юрисдикции Пекина над Тайванем. Кроме того, по ретроспективным расчетам Ангуса Маддисона, в начале XIX века доля Китая в мировом валовом продукте составляла одну треть. Возможно, достижение

в перспективе такого же уровня может рассматриваться как своеобразный критерий возрождения страны и нации.

Известный ученый из Университета Цинхуа Ху Аньган прямо отождествляет реализацию «китайской мечты» с тем, чтобы стать «первыми в мире». Он полагает, что «это позволит покончить с длительной гегемонией США в мире» и будет иметь «большое позитивное международное значение»⁴. Симптоматично, что по прогнозу Ху Аньгана, опубликованному в 2011 г., Китай к 2030 г. должен завершить переход от общества средней зажиточности к обществу всеобщего процветания и стать экономической сверхдержавой, инновационным государством, обществом всеобщего благосостояния и высокого уровня человеческого развития, а также «зеленой страной». При этом он превысит США по ВВП и доле в мировой экономике в 2,2 раза (табл. 1).

Таблица 1. Доли стран и групп государств в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности, %)

Год	1820	1950	2000	2010	2020	2030
Юг	70,3	39,5	43,0	52,4	60,5	66,9
Развивающиеся страны Азии	56,5	15,3	29,2	40,9	49,1	58,2
Китай	33,0	4,6	11,8	20,7	28,9	33,4
Индия	16,1	4,2	5,2	8,0	12,2	18,6
Россия	5,4	9,6	2,1	2,4	2,7	3,0
Бразилия	0,4	1,7	2,7	2,6	3,6	5,1
Север	29,7	60,5	57,0	47,6	39,5	33,1
США	1,8	27,3	21,9	18,4	16,7	15,1
ЕС	23,3	27,1	21,5	18,1	15,7	13,1
Япония	3,0	3,0	7,2	5,4	4,4	3,3
Китай/США	18,3	0,2	0,5	1,1	1,7	2,2

Источник: Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. 2030 Чжунго майсян гунтун фуюй: [Китай 2030 — к всеобщей зажиточности]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. С. 30.

С приходом к власти Си Цзиньпина фокус разрабатываемых в КНР прогнозов сместился на ближайшее десятилетие 2014—2023 гг., то есть на период пребывания нынешних лидеров у власти и предполагаемой передачи «эстафеты» следующему, шестому поколению ли-

дерев партии и страны. Последний известный нам фундаментальный прогноз, подготовленный в Центре исследований проблем развития при Госсовете КНР, предполагает увеличение номинального объема ВВП КНР за десятилетие в 2,7 раза в ценах 2013—2014 гг. (т. е. с учетом инфляции реально несколько меньше) при постепенном снижении годовых темпов прироста ВВП с 7,5 % до 5,5 % (табл. 2).

Таблица 2. Оценка экономического роста в КНР в 2014—2023 гг.

Наименование	Ед. изм.	2014	2017	2020	2023
Население	млн человек	1368	1384	1399	1408
ВВП	млрд юаней	64052,3	87697,7	118420,3	156159,6
ВВП	млрд долл.	10500,4	14864,0	20775,5	28392,7
Прирост ВВП	%	7,5	6,8	6,3	5,5

Источник: Прогноз экономического роста Китая на десять лет (2014—2023) / гл. ред. Лю Шицинь : [Чжунго цзинци шилян чжаньван]. Пекин, 2014. С. 41. — В расчетах использованы нынешние курсы юаня и доллара.

В пересчете из юаней в доллары по нынешнему рыночному курсу ВВП КНР в 2023 г. вырастет по прогнозу до 28,4 трлн долл. и может несколько опередить аналогичный показатель США. А по объему ВВП, оцененному по паритету покупательной способности национальных валют, такое опережение, согласно последним (октябрь 2014 г.) оценкам МВФ, произошло уже в 2014 г. (табл. 3).

Необходимо отметить достаточно условный характер этих оценок — ведь ВВП Китая по ППС на 2014 г. был увеличен по сравнению с прогнозом от апреля 2014 г. сразу на 3 триллиона — с 14,62 до 17,63 трлн долл.

Как бы то ни было, у Китая есть шансы в обозримой перспективе превзойти США по объему ВВП, рассчитываемому по рыночному курсу юаня к доллару. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что пока это только прогноз, реализация которого отнюдь не является абсолютно predetermined. Как остроумно заметил несколько лет назад журнал *Economist*, «для продолжения подъема Китаю необходимо отойти от той модели, которая служила ему столь хорошо»⁵. Жизненно важный сдвиг модели экономического роста от накопления и экспорта к потреблению и научно-техническому про-

Таблица 3. ВВП России, Индии, Китая и США в 2012—2016 гг. (данные и оценки МВФ, октябрь 2014 г.)

Страна	Ед. изм.	2012	2013	2014	2015	2016
Китай ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	8386	9469	10355	11285	12235
ВВП по ППС	млрд долл.	14774	16149	17632	19230	20933
Доля	%	15,18	15,84	16,48	17,00	17,46
Индия ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	1858	1876	2047	2247	2447
ВВП по ППС	млрд долл.	6257	6776	7277	7882	8550
Доля	%	6,53	6,65	6,80	6,97	7,13
Россия ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	2017	2696	2057	2098	2235
ВВП по ППС	млрд долл.	3396	3491	3558	3643	3767
Доля	%	3,49	3,42	3,32	3,22	3,14
США ВВП (рыночный курс)	млрд долл.	16163	16768	17416	18286	19196
ВВП по ППС	млрд долл.	16163	16768	17416	18286	19196
Доля	%	16,61	16,45	16,28	16,16	16,02

Источник: IMF Economic Outlook Database, October 2014.

грессу требует огромных затрат и длительных неустанных усилий по подъему науки, созданию собственных технологий, ресурсосбережению, более равномерному распределению доходов в обществе, внедрению всеохватывающего социального обеспечения населения. Не гарантирован Китай и от попадания в «ловушку средних доходов». Серьезным вызовом для Пекина может стать целенаправленная политика многих стран по избавлению от чрезмерной «китаезависимости», то есть высокой доли КНР в их внешней торговле, а также по развитию интеграционных форматов без участия КНР (таких, как Транстихоокеанское партнерство).

Пожалуй, главным неизвестным остается способность или неспособность Китая совершить в обозримой перспективе качественный технологический рывок, перейти от главенства заимствованных технологий к опоре на разработки, базирующиеся на своей интеллектуальной собственности. В последнее время в России неоднократно высказывался тезис, что после 2020 г. США уверенно продемонстрируют свое преимущество в сфере НИОКР и уйдут в отрыв от Китая. В частности, бывший президент Киргизстана, ныне профессор МГУ А. Акаев полагает, что ключевое значение будет иметь способность тех или иных стран нарастить долю технологий нового

цикла — «нано—био—инфо—когнио» (NBIC), а здесь Китай заметно отстает от США и ведущих государств Европы⁶. В то же время китайские ученые реагируют на такого рода прогнозы довольно спокойно, ссылаясь как на действующую программу развития новых стратегических отраслей, в значительной мере как раз базирующихся на новейших технологиях, так и на практические успехи в развитии интернет-экономики, создании новых материалов и т. п. В любом случае, однако, реальные крупные достижения Китая в космической программе в целом и в «лунной» программе в частности, в глубоководных океанских исследованиях, в развитии низкоуглеродных технологий, активном использовании возобновляемых источников энергии позволяют предположить, что отставание КНР от других держав в научно-технической сфере существенно сокращено.

Несомненен и свершившийся в последнее десятилетие рост практически «по всем азимутам» «мягкой силы» Китая. Наиболее очевиден он, пожалуй, в сфере культуры. Здесь, разумеется, присутствует элемент интенсивной, а подчас и назойливой рекламы, исходящей от самого Пекина, но есть и объективные факты, свидетельствующие о растущей популярности бренда «китайская культура» в мире. Это, в частности, рост популярности во всем мире китайского языка, современно китайского искусства, прежде всего живописи, присуждение Нобелевской премии по литературе писателю из КНР Мо Яню.

Что касается такого важного компонента «мягкой силы», как дипломатия, то присутствие Китая в мировой политике стабильно растет. Ширится география стратегических интересов Китая, множится число его инициатив по вопросам экономического сотрудничества, разрешению кризисных ситуаций и т. п.

Китай все ощутимее ведет себя на международной арене как одна из ведущих мировых держав. Каковы бы ни были те или иные современные расчеты комплексной мощи Китая, в общественном мнении большинства государств он устойчиво воспринимается как держава номер два, уступающая лишь США.

Соответственно, внешняя политика Китая в первые два года пребывания у власти пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период до 2023 г.

Возникает естественный вопрос о «чертах преемственности и новизны» во внешней политике Пекина после XVIII съезда правящей Коммунистической партии Китая.

Очевидна преемственность с предшествующим периодом в общей конфигурации приоритетов взаимодействия КНР с внешним миром.

Основным из них остаются отношения с великими державами, при этом в подавляющем большинстве комментариев китайских политологов поставленная съездом задача формирования отношений нового типа между державами понимается как выстраивание Китаем конструктивного партнерства с США на основе равноправия и взаимного уважения. В отдельных публикациях в категорию «междержавных отношений» включаются и отношения КНР с Россией.

Последовательная политика добрососедства приобретает особую важность в свете того обстоятельства, что наблюдавшаяся в предыдущие несколько лет повышенная жесткость Китая в отношении ряда государств, входящих в его «соседское окружение», поколебала имидж Пекина в регионе.

Наконец, КНР продолжает позиционировать себя на мировой арене в качестве прежде всего развивающейся страны, подкрепляя соответствующие декларации налаживанием связей с новыми для нее партнерами и укреплением связей со старыми друзьями в Африке, Азии, Латинской Америке.

При этом Китай, как и ранее, умело использует к своей выгоде те или иные памятные даты: «круглые» годовщины установления дипломатических отношений, 60-ю годовщину провозглашения Китаем и Индией принципов мирного сосуществования, 50-ю годовщину визита Чжоу Эньлая в африканские страны (1964) и т. п.

Вместе с тем в разъяснениях и комментариях китайских официальных лиц и политологов акцент делается не на преемственности, а на новизне внешнеполитического курса пятого поколения лидеров страны. Показательна в этом отношении статья Ян Цзечи, члена Госсовета КНР, курирующего в правительстве внешнюю политику, — «Инновации в теории и практике дипломатии»⁷. По его словам, «будучи более комплексной и лучше сбалансированной, дипломатия Китая в новых условиях демонстрирует такие черты, как богатство идей, ясные приоритеты, твердая позиция, гибкие подходы

и самобытный стиль». Это позволило ей, полагает Ян Цзечи, «добиться в короткие сроки ряда крупных прорывов», в числе которых выдвигание понятия «китайской мечты», начало строительства новой модели отношений с США — неконфликтной, неконфронтационной, основанной на принципах обоюдного выигрыша и взаимного уважения, и т. д.

Один из ведущих специалистов по современным международным отношениям Китая профессор Ван Ичжоу из Пекинского университета особо подчеркнул то обстоятельство, что Си Цзиньпин и Ли Кэцян представляют первое поколение лидеров страны, родившихся после основания КНР в 1949 г. В силу этого они «несут меньшее историческое бремя, чем их предшественники, и обладают иным мироощущением — более уверенным, амбициозным и предприимчивым»⁸.

И в самом деле, отличие внешнеполитического стиля Си Цзиньпина от манеры поведения в международных делах его предшественника бросается в глаза и проявляется буквально во всем — от динамичности и диапазона действий до большей личной эмоциональности.

Очевидно, что пятое поколение лидеров КНР демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны.

Обращает на себя внимание употребление в статье Ян Цзечи понятия «красная черта» («bottom line») в контексте декларируемой решимости Китая защищать свои законные интересы. Симптоматично и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода».

В этом плане показательным является изменение подхода Китая к проблеме разногласий с рядом соседних государств о линии прохождения границы. Если раньше данная тема особо не обсуждалась, то теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 14 государствами по суше и с 8 по морю, имеются «споры о суверенитете» с 10 из них. Нередко положение о приверженности страны «защите суверенитета и территориальной целостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Китай начал чаще использовать потенциал своей экономической дипломатии, регулярно прибегая здесь к методам не только «пряника», но и «кнута». В частности, в 2013 г. это почувствовали на себе Япония и Европейский союз.

В то же время Пекин демонстрирует жесткий подход далеко не везде, где имеются трения и несовпадение позиций. Так, больший, чем в предшествующие годы, настрой на поиск компромиссных решений просматривается ныне в отношениях Китая с Индией и с Вьетнамом. Можно сказать, что в целом внешняя политика Пекина становится более тонко нюансированной и дифференцированной.

Вполне закономерно, что в экспертных кругах набирающего и все более явственно ощущающего собственную силу Китая достаточно активно обсуждаются возможные параметры и качественные характеристики формирующегося внешнеполитического курса страны на среднесрочную перспективу.

Совокупный прогноз китайских политологов-международников ориентирует на повышение международной ответственности, рост влияния как «твердой», так и «мягкой силы» страны и поступательное наращивание вклада Китая в общемировые процессы. В целом, международная деятельность Китая объективно выходит за рамки ограничительных по своей сути заветов Дэн Сяопина. При новом руководстве страны какие-либо упоминания о них полностью прекратились. Китай, в противоположность главному завету Дэна, окончательно «вышел из тени» и все более активно проявляет себя во всех регионах мира и сферах международной жизни.

В предстоящее десятилетие китайско-американские отношения будут по-прежнему напоминать маятник, движущийся от сотрудничества к соперничеству и обратно. Пекин явно не лезет на рожон, вполне осознавая свое отставание от США в военной мощи, однако и на какие бы то ни было принципиальные уступки Вашингтону по проблеме Тайваня и другим аспектам суверенитета и территориальной целостности не пойдет.

Имеются объективные предпосылки для дальнейшего углубления китайско-российских отношений. В предыдущие год—два, в условиях нарастающего окружения Китая со стороны США и их союзников, китайские политологи не раз ставили вопрос о необходимо-

сти повышения отношений с Россией до уровня союзнических. Фронтальное наступление Запада на права и интересы России после событий зимы—весны 2014 г. на Украине повышает потребность Москвы в более тесном взаимодействии с Пекином. Шансы на его достижение заметно растут вследствие ослабления в России позиций сторонников стратегической ориентации на Запад. В настоящее время любой непредвзятый человек гораздо лучше, чем раньше, осознает, что сегодняшняя и завтрашняя угроза для России от реального Запада гораздо больше и опаснее послезавтрашней гипотетической угрозы для нее от набирающего мощь Китая.

Можно ожидать, что при благоприятном развитии событий российско-китайский Договор 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве будет в 2021 г. не только продлен на новый срок, но и трансформирован в формат, близкий к союзническому — если не по букве, то по духу.

Примечания

¹ Расчеты на основании базы данных World Economic Outlook, April 2014.

² World Trade 2013, Prospects for 2014 — World Trade Organization Press Release. 14 April, 2014.

³ Расчет по данным пресс-релиза ВТО о торговле в 2013 г. и таможенной статистики КНР за 2013 г.

⁴ Ху Аньган. Китайский путь и китайская мечта : [Чжунго даолу юй Чжунго мэньсян]. Ханчжоу, 2013. С. 208. Цит. по: Ломанов А.В. «Мечта о великом возрождении» и политика руководства Китая // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014. С. 24—25.

⁵ For China's rise to continue, the country needs to move away from the model that has served it so well. — Economist, January 28, 2012.

⁶ А. Акаев. У России немалые шансы создать новую индустрию // Мир перемены. М., 2014. № 1. С. 15—20.

⁷ См.: Yang Jiechi. Innovations in diplomatic theory, practice — China Daily. Beijing. August 17, 2013.

⁸ Wang Yizhou. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World — Global Asia. Seoul. Vol. 8. No 3, fall 2013. URL: <http://www.globalasia.org/issue/ArticleDetail/457/Opportunities-and-Challenges-for-China's-New-Leaders-in-Building-Mutual-Trust-with-the-World-.html>

Заключение

В мире, да и в России начинают все лучше понимать, какой огромный скачок в уровне развития и масштабах экономики совершила Китайская Народная Республика за годы, прошедшие с начала XXI столетия. Ощущение, что нечто подобное произошло и в сфере внешней политики Китая, в его международном статусе, кажется, тоже есть. По крайней мере, оно присутствует и в появляющихся одна за другой все новых вариациях теории «китайской угрозы», и в постоянных оглядках на Китай даже претендующих на неизменное мировое лидерство Соединенных Штатов Америки. И все же, полагаю, пока тот скачок, который совершил Китай в сфере внешней политики, описан, осознан и понят далеко не полностью.

В самом деле, в начале 2000-х годов Пекин лишь ставил задачу приблизиться к статусу региональной — на пространстве АТР — державы, а сейчас он большинством государств безоговорочно воспринимается как вторая держава мира, причем не только по экономическим показателям, но и по комплексной мощи в целом.

Англоязычное научное сообщество посвятило «мирному возвышению Китая», его меняющейся политики в Азии и в других регионах мира десятки фундаментальных исследований. В России исследования внешней политики и международных отношений Китая, за исключением собственно российско-китайских отношений, остаются крайне малочисленными. Эта нива ждет прихода солидного отряда настоящих профессионалов-китаеведов. Буду рад, если моя скромная работа подвигнет научную молодежь заняться изучением внешней политики Китая на систематической основе и в опоре на китайские источники.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ВЕРСИИ РЯДА ГЛАВ МОНОГРАФИИ

DENG XIAOPING'S LEGACY ON CHINESE FOREIGN POLICY AND ITS INTERPRETATION

I

In the late 1980s-early 1990s the architect of Chinese reforms Deng Xiaoping, who began to transfer power to the next generation of the leaders of the CPC and PRC headed by Jiang Zemin, voiced certain recommendations on China's position in the international arena in a difficult situation at the time. It was characterized by the rapid dismantling of the structure of socialism in Eastern Europe, and the political and economic crisis in the U.S.S.R., which led to the disintegration of the Soviet Union and, following that, to the end of the existence of the bipolar system of international relations. The PRC itself, after the events in Tiananmen Square in Beijing on June 4, 1989, became an object of serious political pressure and direct sanctions on the part of the leading western states.

Certain statements of Deng on foreign policy were summed up in a generalized formula consisting of 28 characters. In accordance with that formula, China had to “calmly and quietly watch, consolidate shattered positions showing restraint, cope with difficulties, keep low profile, try not to approve itself, adhere to its own views, no matter how awkward, and not to advance to first place, but take a proactive role when feasible”¹. In practice the shortened versions of this formula consisting of 24 and 20 charac-

ters became more widespread, but the most popular both in China and abroad was the expression «*taoguang yanghui, yousuo zuowei*», that is, «to keep a low profile and try not to advance to first place, but take a proactive role when feasible». In the political parlance the most popular expression was «keeping a low profile», which characterized China's position in the international arena.

Deng's recommendations have played their role in improving the international situation around the People's Republic of China, helped it avoid the fate of Eastern Europe and the U.S.S.R., and oppose the pressure and sanctions on the part of the West. As Jiang Zemin stated later, “practice showed that it was a correct course”. In the context of the Deng's theory confirmed at the 15th CPC Congress in September 1997 as a major component of the ideological and political foundation of China's ruling party, his statements at the turn of the 1980s-1990s on problems of foreign policy of the country were taken as a “strategic course, important political instructions based on long-term radical interests of the Chinese people, and major shifts in the international situation and the alignment of the world forces”. China had “to continue to follow this strategic course” accompanied with its growing comprehensive power and international status”².

The active propaganda of Deng's foreign-policy behests at the end of the 1990s made them more popular both in China and abroad.

The concept of the “peaceful rise of China” (“*heping jueqi*”) put forward in 2003—2004 was met in the West, which regarded Deng's formula as the quintessence of the PRC foreign-policy strategy, first with cautious silence and later quite negatively, primarily in the United States. The maxim “*taoguang yanghui, yousuo zuowei*” was quite often interpreted as a “strategy of deceit”, including such components as “concealing real possibilities”, “biding time”, and “waiting for a favorable moment to deal a blow at the enemy”. Although in the “first tour” of arguments around the foreign-policy behests of Deng Xiaoping (about 2002—2006) Chinese political analysts devoted main attention to criticizing the wrong western interpretation, as they thought, of the essence of Deng's ideas, however, already then the first doubts were expressed as to latter's effectiveness in the changing international situation.

A new wave of arguments in China about the timely character of Deng's foreign-policy behests emerged in 2009—2012 against the backdrop of the considerable growth of China's economic power, its greater role in

the world economy and the parallel stepping up of its foreign policy. Some Chinese political analysts had tried to prove that Deng's formula did not become obsolete and might be still important for China's foreign policy in the foreseeable future. At the same time persuasive nuances in the assessments voiced by various scholars and analysts, and the foreign-policy practice of China since 2008 showed that the problem of the informal applicability of Deng's formula to the foreign policy course of Beijing and the possibility to "keep" the real foreign policy of the country in the "Procrustean bed" of Deng's behests remained still open up to the end of Hu Jintao tenure as party and state leader.

We now examine the above-mentioned aspects in greater detail.

II

The first foreign-policy behests were formulated by Deng Xiaoping in his talk with "several responsible comrades from the CPC Center Committee" on September 4, 1989, when the question of the time and form of his final departure from the direct political leadership of the party and country was discussed. The General Secretary of the CC CPC Jiang Zemin, who was given this post on Deng's recommendation in June 1989, and his colleagues took the reins of government in a difficult situation. The U.S. President George Bush, Sr. introduced sanctions against Beijing on June 5, 1989, the next day after the tragic events on Tiananmen Square. It was announced that the American side stopped all contacts with the PRC officials, banned arms deliveries, and refused to grant credits. On June 6, the European Economic Community interrupted consultations with China. On July 16, the "Seven" denounced Beijing's actions, and most western countries joined the sanctions against the PRC³. The situation in China itself was far from simple, and the fate of the economic reforms was challenged.

Deng Xiaoping tried to dispel pessimism by declaring good prospects of China if it succeeded to stabilize the policy of reforms and openness. Speaking of international affairs, Deng stated that China should "consolidate the shattered positions" ("*wenzhu zhenjiao*"), otherwise "others may deal us a blow". For doing this it will be necessary to be vigilant and strong, adhere to independence, and refrain from showing weakness and apprehensions. There will be no world war, "and if anyone dares deal a blow at China, it will not gain anything. We have rich experience of opposing the

outside enemies, and we will smash the aggressor and return to construction”⁴.

Touching on the complex political processes in East European countries and the U.S.S.R., Deng characterized them as disorders, emphasizing that it was premature as yet to predict their scope and final result. It was necessary “to watch the events calmly and quietly” (*“lengjing de guancha”*). The main conclusion was to prevent disorder in China itself, for which it was necessary to do one’s own business properly. There is a good foundation for it⁵.

At the end of the conversation with the “group of comrades” (consisting, as it followed from the context, of all members of the Standing Committee of the CC CPC Politburo), Deng summed up the necessary approach of China to the international situation in three sentences: “to watch calmly and quietly”, “to consolidate the shattered positions”, “to show self-restraint and cope with difficulties” (*“chenzhuo yingfu”*). And finally, he recommended not to hurry, to be and act cool-headed, and do one’s own business properly⁶.

On March 3, 1990, in another conversation with the leaders of the party and country Deng Xiaoping noted that the former world order “was crumbling, but this process was not ended and the new order did not take shape as yet”. The American-Soviet monopoly was being replaced by a world in which there would be several poles. “China could be considered one of them. China should not underestimate itself”⁷.

During one of the next such conversations (on December 24, 1990) Deng Xiaoping deemed it necessary to react to the wish expressed by a number of the Third World countries that China should take upon itself the function of the world leader in the conditions of growing chaos and weakening positions of the U.S.S.R. and the U.S.A. He said: “We should do this by no means. This is the foundation of our state policy. China is not strong enough to become the world leader, and this is not of any use to us, inasmuch as it arrests initiatives. China will never claim hegemony and will never shove oneself forward, to first place” (*“yongyuan bu dangtou”*).

At the same time, as Deng noted, “world problems should not be left unattended. Something must be done” (*“yousuo zuowei”*). Deng proposed “to contribute actively to the establishment of a new world political and economic order” and develop relations with all states on the basis of the five principles of peaceful coexistence⁸.

On October 5, 1991, in a conversation with Kim Il Sung, Deng Xiaoping supposed that the formation of a general structure of the world order would take something about ten years. During that period China “should mainly watch, should not put forward its talents for all to see, and cope with difficulties showing restraint”. Later, the expression used by Deng — “*shaolu fengmang*” — or “not to bare the edge”, not to make a show of its own capabilities and talents, not to extrude, etc. was replaced by the idiomatic expression “*taoguang yanghui*” — “to keep a low profile and try not to approve oneself”⁹. This was how the basic formula of Deng’s behests consisting of 20 characters took shape: “*lengjing guancha, wenzhu zhenjiao, chenzhuo yingfu, taoguang yanghui, yousuo zuowei*” — “calmly and quietly watch, consolidate shattered positions, showing restraint, cope with difficulties, keep low profile, try not to show oneself, but take a proactive role when feasible”.

In publications on socio-political subjects in the PRC this formula is often enlarged to 24 characters with an addition of “*jue bu dangtou*” — “never to shove oneself forward to first place”¹⁰. At the same time, the full formula of Deng Xiaoping consisting of 28 characters is seldom used, practically in special literature only. Perhaps, it is because of the unwillingness to mention once again the possible “awkwardness of one’s own views”. The origin of the expression “*shanyu shouzhuo*” — “be in a position to defend one’s own views, even if awkward” and concrete circumstances of its use by Deng Xiaoping remain unclear, and it has not been commented on by Chinese analysts, in contrast to all other components of the foreign-policy behests of Deng. This expression is not too popular, which is shown by the cases of replacing one of its characters by another — “*shanyu cangzhuo*” — “be able to hide one’s own weak points”¹¹. True, sometimes in the expression “*chenzhuo yingfu*” — “showing restraint, cope with difficulties” — the character “*fu*” is replaced by the character “*dui*” (*yingfu* — *yindui*), which is similar in writing and close to meaning.

In any case, the reduced formula of Deng Xiaoping’s behests “*taoguang yanghui, yousuo zuowei*” became popular in China and abroad.

III

Initially, Deng Xiaoping’s recommendations on foreign policy problems were addressed to a narrow circle of persons in the higher echelon of the party-and-government leadership of the PRC. According to the pro-

fessor of Peking University and leading scholar of America, Wang Jisi, they were published in the press and became known to the entire world about 1996¹². A systematic study and broad propaganda of these behests of Deng began after the 15th Congress of the CPC (September 1997), following the statutory recognition of the “theory of Deng Xiaoping» as one of the basic components of the ideological and political platform of the ruling Communist Party of China.

In the monograph by Xie Yixian *The History of Diplomatic Thinking of Modern China* published in Kaifeng in 1999, the principles of “calm and quiet watching” and “showing restraint in the process of overcoming difficulties” were characterized as “methodology for solving major problems, which should be preserved and used in the future, too”¹³.

In 2003 the foreign-policy legacy of Deng Xiaoping was for the first time subjected to a thorough analysis in works by Liang Shoude. In the monograph *The Theory of Deng Xiaoping and International Relations of Modern China*, which Liang edited, the maxim “to keep a low profile, but take a proactive role when feasible” was characterized as the “nucleus” of Deng's legacy and the “ideological foundation of China's main strategy”. Such high appraisal of the principle “*taoguang yanghui*” can be explained by the fact that Deng “has overstepped the borders of ideological dogmas and made state interests the initial and at the same time final point of determining China's international affairs and its foreign-policy course”, in the view of Liang Shoude. It is quite logical that in this context the principle of “keeping a low profile” was regarded not as a temporary measure, but as a “long-term main strategy of relative stability”¹⁴.

The monograph *The Theory of International Politics of Deng Xiaoping* written by Liang Shoude together with Liu Wenxiang contains the following apt characteristic of the foreign policy carried on by the PRC and based on Deng's legacy: “it should not create enemies, enter into alliances, claim hegemony, and strive for leadership”¹⁵. The principle of “taking a proactive role” was interpreted in a much broader sense, namely, that China as one of the poles of the multipolar world and a big world power should have a louder voice in international affairs and not shift an important role in the affairs of East Asia and the entire world onto others. Under certain conditions China could claim the leading role in some directions, especially in the affairs of East Asia¹⁶.

In our view, recognition of the principle of “keeping a low profile and trying not to approve oneself” as the one of accumulating strength and waiting for an opportune moment to achieve victory merits attention¹⁷.

The most detailed analysis of Deng's legacy was given in Volume 12 of *The History of International Relations* (1990—1999) under the editorship of Fang Lianqing and Liu Jinzhi printed in 2006. The section about it was opened by the first paragraph: “New Development of Strategic Thinking of Chinese Diplomacy” of the chapter “Multilateral Multi-vector Diplomacy of China” written by Fang Lianqing. The work gave a more thorough characteristic of the international situation in which the “28 characters” course was formulated. In particular, mention was made of the changes in East Europe, the disintegration of the U.S.S.R., the unification of the two German states, disbandment of the Warsaw Treaty Organization, the end of the Cold War, the turning of the United States into the only superpower, and the striving of western states for “peaceful degeneration” of China. It was admitted that the cause of socialism in the PRC, its state sovereignty and national security faced a serious challenge. In this context Fang Lianqing paid high tribute to Deng's perspicacity and scientific depth of his views, which produced the formula of 28 characters showing “China's foreign-policy course”.

Taking examples from the third volume of the *Selected Works* by Deng Xiaoping, the work under review examined the essence of the main components of the legacy (except the expression “adhere to its own views, no matter how awkward”). It was emphasized that the principle of “taking a proactive role” presupposes not only concentration of efforts on the country's modernization in a proper manner, but also on active contribution to ensuring global peace, stability and development and “making a still greater contribution to the affairs of mankind”.

Substantiating the strategic long-term character of Deng's legacy as the leading course of China's foreign policy, the author of *The History of International Relations* emphasized the fact that “in the correlation of the world forces characterized by the strength of the North and weakness of the South, there would be no radical changes during a comparatively long period of time”¹⁸.

The clarification of the deep meaning of Deng's legacy continued some time later. The monograph *China's Diplomacy and International Development Strategy* published by the People's University of China in 2009

under the editorship of Hu Shuxiang specially emphasized the unbreakable organic connection of the two aspects of the formula of “keeping a low profile and trying not to advance to first place, and at the same time taking a proactive role when feasible”. Apart from that, much attention was given to explaining various aspects of the expression “*taoguang yanghui*”. It was noted that genetically it was related to China's traditional culture, however, Deng Xiaoping gave it “a new rich and profound meaning and new form of expression”. “To keep a low profile” does not mean unprincipled concessions and capitulationism. On the contrary, its meaning is directly connected with the general course towards independence in international affairs. This course, presupposing as it does renunciation of confrontation and search for reasonable compromise, helped China establish normal relations with major powers, improve mutual relations with its neighbors, and increase weight and activity in regional affairs¹⁹.

The associate of the East China Pedagogical University Huang Zhengbai has published an article devoted to Deng's legacy in the jubilee collection timed for the 60th anniversary of the PRC diplomatic activity. He concentrated attention on the dialectical unity of the principles of “keeping a low profile” and “taking a proactive role”. The main idea of this formula, in the view of the author, lies in a correct correlation between the country's possibilities and its foreign policy: “China should not, like the superpowers, interfere in all affairs of the world and deplete its own forces”; “numerous facts show that a rise of any one country and its growing international status are a result of the prolonged accumulation of its aggregate strength... and even along with growing possibilities a country should tackle the problem of how to act in accordance with the affordable strength, what to do and what not to do”²⁰.

Finally, mention should be made of the textbook by Professor of Fudan University Yan Shengyi *Modern Diplomacy of China*, in which Deng Xiaoping's legacy was examined as one of the elements of his general approach to the present international relations, aims, priorities and principles of the PRC foreign policy²¹.

IV

In the West Deng Xiaoping's foreign-policy legacy became widely known in the early 21st century following its active popularization in China. This coincided with the concept of “peaceful rise” of China after

the announcement of the task to increase the country's GDP by four times over within the next twenty years, which was put forward at the 16th Congress of the CPC. This statement put on the alert many people in the world. Attempts were undertaken, above all in the United States, to use Deng's statements, and especially his formula "to keep a low profile and not to advance to first place", in order to substantiate various modifications of the "theory of the Chinese threat". China was accused of having certain secret plans of military and material preparations for "revenge" on the western world at an opportune moment for humiliation and offences in the past.

This line was openly and consistently pursued in the series of annual (from 2002) reports to the U.S. Congress of the military power of the People's Republic of China compiled by the Office of the U.S. Secretary of Defense.

The report for 2004 cited the traditional formula of Deng's legacy, which consisted of 24 characters, and the expression "*taoguang yanghui*" was translated as "hide our capabilities and bide our time". The formula was described as "one of the key directives of Deng's on problems of ensuring security and development of China", confirming the long-term strategy of increasing its comprehensive power and short-term playing down ambitions²².

The reports for 2005 and 2006 made reference to a publication in Hong Kong journal *Jingbao* [Mirror] of November 25, 1991, which contained a changed formula of Deng's legacy: the second element of the traditional formula — "*wenzhu zhenjiao*" was replaced by "*zhanwen jiaogen*" ("stand firm on one's legs"), and the expression "*taoguang yanghui*" was followed by the expression "*shanyu shouzhuo*" translated as "be good at maintaining a low profile". Both reports on Deng's strategy in 24 characters were supplied with special inserts²³.

China expressed its dissatisfaction with the translation of "*taoguang yanghui*" as "hide our capabilities and bide our time" and the interpretation by the U.S. military circles of Deng Xiaoping's legacy as a whole, especially in connection with its potential influence on public opinion not only in the United States, but also in the entire world community. The Director of the Institute of Middle East Studies at Shanghai International Studies University Zhu Weilie cited an example of the book about China's foreign policy published by the former Ambassador of Syria to the PRC in

2005 in which «*taoguang yanghui*» was translated as «wait and refrain until an opportune moment for counter-attack». Zhu Weilie emphasized that practically the entire world had come under the influence of the United States, which led to the almost universal interpretation of the formula «to keep a low profile, try not to approve itself, but take a proactive role when feasible», as «winning time for counter-attack» with a view to weakening the U.S. positions²⁴.

Certain Chinese political analysts have added oil to the fire by suggesting that to avoid misunderstanding the formula “to keep a low profile, try not to approve oneself, but take a proactive role when feasible” should be discarded, inasmuch as it evokes strong association among most Chinese with the historical person of Gou Jian in the epoch of “Spring and Autumn Annals” (770—476 B.C.). In order not to let the feeling of revenge die down Gou Jian “slept on brushwood and drank bile”, when he had been taken prisoner, that is, he placed himself in the harshest conditions possible on purpose. His name became in China a synonym of endurance for the sake of revenge on offenders²⁵.

The adherents of Deng's legacy had to exert a no small effort to prove its positive essence, and also as a certain symbolic message from China to the world.

The former Deputy Chief-of-Staff of the People's Liberation Army of China and a well-known political analyst Xiong Guangkai noticed the imprecise translation of the expression “*taoguang yanghui*” into English, which was often used in the attempts to discredit China and spread pure speculations about the “Chinese threat”. As he admitted, in 2006 he had an opportunity personally to point to the former U.S. secretaries of state George Shultz and Henry Kissinger that the American reports on the military power of the PRC gave a wrong interpretation of the given formula from year to year. Xiong Guangkai also complained about its wrong translation not only in foreign reference books, but also in dictionaries published in China²⁶.

Indeed, the Chinese-English dictionary compiled by the English-language department of the Beijing Institute of Foreign Languages and widely used by foreigners for many years translated “*taoguang yanghui*” as “hide one's capacities and bide one's time”²⁷.

In Xiong's view, a more correct interpretation of this expression was contained in the “Complete Dictionary of the Chinese Language” (6th

edition) published in Shanghai in September 2009, which gave the essence of the formula, namely, “not to exhibit one's capabilities for all to see”. There is not a hint on “hiding intentions” and “biding time for forthcoming counter-attack”. Xiong regards the translation of “*taoguang yanghui*” as “keep a low profile”, which is often used, to be imprecise, because it does not give the deep meaning of the Chinese expression. He believes that a search for an adequate variant of translation of this formula into English is of “vital importance” for creating a favorable image of China in the world²⁸.

The following fact is an additional argument in support of Xiong's view: when there was a talk about revenge in China, other expressions than “*taoguang yanghui*” were used. According to the Polish Sinologist D. Mierzejewski, who studies specific features and evolution of Beijing's political rhetoric, Jiang Zemin in his statement after an American bombardment of the territory of the PRC Embassy in Belgrade in May 1999, used the expression “*woxin changdan*” — “overcome all difficulties while preparing for revenge”, or “stubbornly prepare for revenge”²⁹.

Much attention was also devoted to the civilizational context and historical examples selected for correctly disclosing the real essence of the expression “*taoguang yanghui*”. Both Xiong Guangkai and Zhu Weilie pointed to the inadequacy of drawing parallels between China's course “not to stand out, keep a low profile” and the behavior of Gou Jian — they were absolutely different in aims and methods. “Gou Jian in his striving for revenge staked on war, he was thirsty for hegemony, whereas China pursues the strategy 'not to approve itself, keep a low profile' for the sake of promoting the cause of peace and development, establishing mutual ties and cooperation, achieving common gain, and reaching harmony at regional and global levels”³⁰.

The sources of the behavioral model based on the principle of “keeping a low profile” have been found in descriptions of actions of wisemen of the period of Northern and Southern dynasties (420—589) who left public life and secluded themselves for deep meditation³¹. The use of the expression as the idiom was dated by the end of the 19th century and connected with the name of Zheng Guangying, a well-known entrepreneur and public figure of the «Hundred Days of Reforms” period. Although he held several important posts and actively defended China's economic interests, coming out against foreign domination, he was very modest in everyday

contacts with people, emphasizing that he was concerned with his old age, average abilities and superficial knowledge of «*Yi Jing*» («Book of Changes»)³².

President of the Chinese People's Institute of Foreign Affairs Yang Wenchang believes that a modest, prudent manner of behavior corresponds to the traditional key values of the Chinese people. Such model of behavior contributes to calm observation, deep thinking, and correct evaluation of the current situation. The principle of “keeping a low profile” is applicable both to hard times and period of success. It is an important prerequisite for implementing the recommendation “to take a proactive role”. It is just the consistent observance of this principle that will allow China to make its actions in the international arena maximally precise and successful³³.

In turn, Zhu Weilie believes that the strategy of “keeping a low profile, trying not to approve oneself but taking a proactive role when feasible” can be regarded as a contribution of Chinese culture to “philosophy of the middle course”. In his view, transfer from “silent realization” of this course to its broad public explanation is necessary for dispersing groundless suspicions in the United States and Europe, and in the future for turning this legacy of Deng Xiaoping into another social product, which China offers to the world community³⁴.

V

The advancement and active propaganda in the PRC of the concept of the “peaceful rise” of the country at the end of 2003-beginning of 2004 (soon this term was replaced by “peaceful development”) gave an impetus to a discussion in the Chinese expert and political community concerning the applicability of Deng's foreign-policy legacy in the changed domestic and international situation.

According to Bonnie Glaser and Evan Medeiros, there were certain experts in China who were against the concept of “peaceful rise” on the grounds that it contradicted the principle of “keeping a low profile”, which was the main premise of Deng's legacy. They declared that China should be more modest³⁵.

However, louder voices were heard that called for shifting the emphasis from the principle of “keeping a low profile” onto the second part of the expression, namely, “to take a proactive role”. First, it was argued that

the “*taoguang yanghui*” policy did not give desired results. “The U.S. strategy of containment of China is an objective and inevitable reality. The tree yearns for rest, but the wind continues to blow. To follow the course of “not approving oneself” in actual fact means to behave like an ostrich hiding its head in the sand in case of danger”³⁶. Secondly, it was stated that in the conditions of China's rise and expansion of the sphere of its national interests it would be difficult to explain Beijing's adherence to the principle of “keeping a low profile”. Moreover, insistent emphasis on such adherence causes suspicion, prevents the creation of a peaceful image of China in the world, and provokes the emergence of various versions of the “Chinese threat” theory³⁷.

In this connection it was declared that the PRC should take an active position on major international problems and not to hesitate to take control over the situation into its own hands, that is, in other words, “to switch over from the strategy of a surfer adapting himself to waves to the strategy of ‘creator of the waves,’ to the conscious formation of a favorable international medium for the peaceful rise of the country”³⁸.

In 2009—2010, against the backdrop of the global economic crisis, which China has gone through rather painlessly, many Chinese became convinced of serious changes taking place in the ranking of the world actors. Quite a few official persons believed that the PRC “rose to the level of the first-class world power and should be taken as such”. On the contrary, the United States began to be regarded as a “weakening power”. Accordingly, changes in the balance of power between the United States and China were assessed as something inherent in the new structure of the world order being formed³⁹.

Apart from that, China has begun to defend its interests more actively, especially in the water areas adjacent to the country and in the whole of Asia.

On the other hand, the United States regarded such actions of China as a sign of its “hegemonic approach to the region”⁴⁰, that is, its wish to strengthen its positions there at Washington's expense. Voices began to be heard in Beijing calling for demonstrations of China's ability “to take a proactive role”, in particular, “to muster courage and resolution” and punish Americans «for their sales of arms to Taiwan and military activity in the districts close to China, something to which Beijing was more or less tolerant previously” (or rather was forced to be patient)⁴¹.

In an attempt to calm down “dizziness from success”, which was fraught with a negative reaction of a considerable part of the world community, Hu Jintao demanded in his statement at the 11th conference of the PRC ambassadors abroad in July 2009 that they continue to adhere to the course of “keeping a low profile, trying not to approve themselves and taking a proactive role when feasible”⁴².

This instruction of the PRC leader made an imprint on the discussion of the timeliness of the principle of “keeping a low profile”. The Chinese press admitted that part of the population and expert community of the country considered it “obsolete”. However, supporters of this point of view have not received direct access to the leading mass media⁴³. On the contrary, explanations of the need for China to continue to adhere to this course became more frequent.

Among arguments in favor of this principle was the frequent call for objective evaluation of the real might of China and its international status, which aimed at stopping unfounded optimism in society and showing the need for the country to remain modest and prudent. It is precisely reflects the essence of the formula “*taoguang yanghui*”.

The commentaries of the leading Chinese political weekly *Liaowang* on theoretical innovations of Hu Jintao in the sphere of international problems (the concept of “harmonious world”, etc.) specially emphasized the fact that “the situation of leadership of developed countries in the comprehensive power and competitiveness in the key spheres has not changed”, and that despite the irreversible tendencies of the formation of a multipolar world, “the premise that the North is strong and the South is weak, the West is strong and the East is weak remains still valid in the present-day correlation of the world forces”⁴⁴.

Wang Jisi, while stating that China has emerged to first place in Asia by its strength, emphasized at the same time that it cannot speak on behalf of the region, as it is done by Germany or Brazil, and that China has no allied relations with neighboring countries, whereas there are alliances in the region aimed against Beijing. Wang also said that Japan should not be disregarded, for by its “soft power”, cultural influence and national spirit it is not inferior to China, plus it has an alliance with the United States. In his view, China should not snub Europe — China is inferior to it in aggregate might and global political weight⁴⁵.

The former Ambassador of the PRC to France Wu Jianmin, while characterizing the formula of “keeping a low profile and not approving oneself” as “an important heritage left by Deng Xiaoping in the sphere of diplomacy”, emphasized its timeliness in at least two aspects. First, it is a realistic approach to business and pragmatism consisting of the need to solve “topical problems at a given moment, but not those of tomorrow or the day after”. Secondly, it is flexibility inherent in the “*taoguang yanghui*” course and fit for resolving controversial problems: “if your arguments are not accepted, do not hurry, convince the opponent of the rightness of your case and demonstrate him the advantages of your position”⁴⁶.

At the same time the discussion of 2009—2012 years has shown that many supporters of the preservation of the official adherence of the PRC to Deng's legacy in foreign policy of the late 1980s-early 1990s realize the existence of a definite gap between the recommendations of twenty years ago and the present position of China in the international arena. This is why, for example, the Deputy Director of the Chinese Academy of Contemporary International Relations Wang Cunbing suggested that the course of “keeping a low profile, trying not to approve oneself, but taking a proactive role when feasible” (which, in his view, “possessed a good tactical quality”) should be followed not literally but in a creative manner, be included in the general strategy of China's peaceful development and the construction of a harmonious world, and used for the protection of national interests from the positions of rational pragmatism⁴⁷.

Wang Jisi believes that a great part of foreign-policy activity of China today has nothing to do with the sphere of the application of the principle “to keep a low profile and try not to approve oneself”. This is connected with two aspects. First, the “*taoguang yanghui*” principle describes only the manner of behavior, but not the country's strategic aims and means to achieve them. Secondly, today's challenges to the PRC originate not only from its main rivals and competitors from among the advanced and developing countries, but also from international organizations, public movements and some global problems, such as the deterioration of the environment. This is why, Wang Jisi maintains, the adherence to the “*taoguang yanghui*” principle should be selective. It can play, as before, the main role in maintaining relations with the United States, but it can hardly be used in China's relations with India. On the whole, as Wang Jisi sees it, China should adhere not to the letter, but to the 'spirit' of Deng's formula⁴⁸.

---

* * *

The discussion in the PRC on the timeliness of Deng Xiaoping's foreign-policy legacy should not be regarded as some scholastic abstraction. On the contrary, it has a practical importance, being a component part of the complex long-term process of the adaptation of China's foreign policy to its stronger positions in the world and the changing international situation. Having met with a predominantly negative reaction of the United States and some of its neighbors to its more active foreign policy in the 2009–2010 period, Beijing tried to return to its former image of a subject of international relations not claiming leadership, an image which served it well.

Judging by certain things, blunders have also been made in assessing the correlation of the world forces, especially when America was hastily included in the “weakening powers”. It is precisely in this context that the striving “to give a second wind” to Deng's foreign-policy legacy encouraged by the Chinese leadership in 2009–2012 should be taken.

However, it looks like the historical resource of Deng's “magical formula” of 28 characters as a complex single whole is close to exhaustion. It becomes clear that the discussion of 2009–2012 was of a rearguard-action character and that the period of the domination of Deng's behests as the leading course of practical foreign policy of the PRC is gradually coming to an end. Deng's formula of 28 characters, just as its nucleus — the principle of “keeping a low profile, trying not to approve oneself and taking a proactive role when feasible” has performed its initial defensive and restrictive mission, and helped China to concentrate efforts on its modernization and ensure a favorable outside medium. Today China's foreign policy “is at a new starting point”, as the former Minister of Foreign Affairs of the PRC Yang Jiechi said, and entering a new stage.

For three decades, which could be considered “the epoch of Deng Xiaoping in the country's foreign policy” (1978–2008), China, in the words of Professor Ye Zicheng of Peking University, tackled the task of “changing and adapting itself to the outside world”. Now adaptation alone is not enough. From now on China, while continuing to change itself, will strive for “influencing the world”. This is prompted by the new status of China in the world, changes in the international situation, and the current and long-term interests of the PRC. The growing might and domestic

achievements of the country allow it to switch over to a broader and deeper foreign policy and take up more spectacular tasks⁴⁹. According to Professor Wang Yizhou of the School of International Relations at Peking University, China has to transfer from “certain actions” (“*yousu zuowei*”) to “energetic actions” (“*jiji zuowei*”), to become the builder, and “if not the leader, then an important participant in the international system with its own views and proposals on most international problems”⁵⁰.

Observing the due veneration and ceremony, the coming new stage of China's foreign policy should be characterized as the “continuation of the stage of Deng Xiaoping”⁵¹. It is quite possible that individual elements of Deng's legacy will continue to be used in diplomacy and propaganda, especially such as “to watch calmly” and “to adhere to one's own views”, which are just and applicable for any country at any time. However, as it seems, even if Deng's behests are nominally preserved in the arsenal of China's foreign policy, they will acquire new aspects, perhaps, differing from the previous ones, but more adequate to modern realities and the status of the PRC in the world.

Notes

¹ Complete formula of Deng's foreign-policy legacy of 28 characters is given in the version published in the PRC in 2002 in a collection of Jiang Zemin's statements on socialism with Chinese specific features. Jiang Zemin, *Lun you Zhongguo tese shehuizhuyi*, Beijing, 2002, p. 520. The Russian version close to the Chinese original is in the translation of this collection into Russian. See: Jiang Zemin, *O sotsializme s kitaiskoi spetsifikoi* [On Socialism with Chinese Specific Features], Pamyatniki istoricheskoi mysli [Monuments of Historical Thinking], 2004.

² *Guoji guanxi shi. Di shier juan (1990—1999)* [The History of International Relations. Vol. 12], Beijing, 2006, p. 545.

³ Xie Yixian, *Dangdai Zhongguo waijiao sixian shi* [The History of Diplomatic Thinking of Modern China], Kaifeng, 1999, p. 374.

⁴ *Deng Xiaoping wenxuan. Di san juan* [Deng Xiaoping, *Selected Works*], Beijing, 1993, Vol. 3, pp. 319—320 (*in Chinese*). It was published in Russian and the expression “*wenzhu zhenjiao*” was translated as “China has to strengthen its positions itself”. Deng Xiaoping, *Selected Works*, Vol. 3 (1982—1992), Beijing, 1994, p. 402.

⁵ *Ibid.*, p. 320.

⁶ *Ibid.*, p. 321. In the Russian-language edition the expression “*chenzhuo yingfu*” was translated as “reaction should be restrained”.

⁷ Deng Xiaoping, *Selected Works*, Vol. 3 (1982—1992), Beijing, 1994, p. 443.

⁸ *Ibid.*, p. 456.

⁹ Hu Shuxiang (Zhubian), *Zhongguo wajijiao yu guoji fazhan zhanlue yanjiu* [China's Diplomacy and International Development Strategy], Beijing, 2009, p. 62.

¹⁰ For example, the formula consisting of 24 characters is contained in the article by Long Pingping “It's Necessary Always to Proceed from People's Interests” in a selection of articles in the journal *Liaowang* devoted to the 90th anniversary of the CPC. (Liaowang, Beijing, 2011, June 27, p. 25.)

¹¹ Liang Shoude (Zhubian), *Deng Xiaoping lilun yu dangdai Zhongguo guoji guanxi* [Deng Xiaoping's Theory and the International Relations of Modern China], Beijing, 2003, p. 312.

¹² Wang Jisi, “Zhongguo de guoji dingwei wenti yu 'taoguang yanghui, yuosuo zuowei' de zhanlue sixiang [The Problem of China's Position and Strategic Principle of 'Keeping a Low Profile, Trying not to Approve Oneself but Taking a Proactive Role When Feasible]”, *Zhongguo weijiao*, Beijing, 2011, No. 7, p. 6. Bonnie Glaser and Evan Medeiros name the concrete source containing Deng's foreign-policy legacy and explanatory notes to it by the then Minister of Foreign Affairs of the PRC Qian Qichen. It was a collection of articles on *A Study of Deng Xiaoping's Ideas in the Sphere of Diplomacy* [Wang Taiping (ed.), *Deng Xiaoping wajijiao sixiang yanjiu long wenji*, Beijing 1996]. — Bonnie Glaser and Evan Medeiros, “The Changing Ecology of Foreign Policy-Making in China: The Ascension and Demise of the Theory of 'Peaceful Rise,’” *China Quarterly*, London, No. 190, June 2007, pp. 291—310, here — p. 305.

¹³ Xie Yixian, *op. cit.*, p. 386.

¹⁴ Liang Shoude (Zhubian), *Deng Xiaoping lilun yu dangdai Zhongguo guoji guanxi*, pp. 314—318.

¹⁵ Liang Shoude, Liu Wenxiang, *Deng Xiaoping de guoji zhengzhi lilun* [Deng Xiaoping's Theory of International Politics], Nanjing, 2003, p. 178.

¹⁶ *Ibid.*, p. 182.

¹⁷ *Ibid.*, p. 179.

¹⁸ *Guoji guangxi shi. Di shier juan* (1990—1999), Beijing, 2006, pp. 541—545.

¹⁹ *Zhongguo wajijiao yu guoji fazhan zhanlue yanjiu*, pp. 62—66.

²⁰ Huang Zhengbai, “Deng Xiaoping 'taoguang yanghui, yuosuo zuowei' sixiang de zhanlue yiyi [Strategic Importance of Deng Xiaoping's Idea 'To keep a low profile but take a proactive role when feasible]” *Xin Zhongguo wajijiao liushi nian* [60 Years of Diplomacy of New China], Beijing, 2010, pp. 121—130.

²¹ Yan Shengyi, *Dangdai Zhongguo waijiao (di er ban)* [Modern Diplomacy of China], 2nd edition, Shanghai, 2009, pp. 6–12.

²² Annual report of the military power of the People's Republic of China (2004). URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2004.pdf>, p. 9.

²³ URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2005.pdf>; URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf>.

²⁴ Zhu Weilie, “On Diplomatic Strategy of ‘Keeping a Low Profile and Taking a Proactive Role When Feasible,’” *Global Review*, Shanghai, May/June 2010, Vol. 6, No. 3, p. 2.

In Russia the variant of translation of the expression “*taoguang yanghui*” close to American (“to hide one’s possibilities, biding time”) is given in works by M. Mamonov. See, for example, “Sistema vneshnepoliticheskikh prioritetov sovremennogo Kitaya [The System of Foreign-policy Priorities of Modern China]” — Chapter 22 of the collectively written monograph *Sovremennaya mirovaya politika. Prikladnoi analiz* [Contemporary World Politics. Applied Analysis], Moscow, 2009, pp. 415–437, here — p. 418. At the same time the monograph by Ye. Podolko *Evolutsiya vneshnepoliticheskikh kontseptsiyi Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [Evolution of Foreign-policy Concepts of the People’s Republic of China] (Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, 2006, pp. 89–90) gives a variant of the translation of Deng Xiaoping’s legacy in a collection of statements of Jiang Zemin about socialism with Chinese specific features.

²⁵ According to Zhu Weilie, this point of view was voiced by the well-known expert on China’s international relations Ye Zicheng in an article published in the journal *Taipinyang xuebao* (“Pacific Herald”), 2002, No. 1. — Zhu Weilie, *op. cit.*, pp. 2–3.

²⁶ Xiong Guangkai, “China’s Diplomatic Strategy: Implication and Translation of ‘taoguang yanghui,’” *International Strategic Studies*, 4th Issue, Beijing, 2010, pp. 1–2.

²⁷ *A Chinese-English Dictionary*, Beijing, 1978, p. 668. We should note that the translation into Russian contained in the well-known “Shanghai Dictionary” is more precise and correct in giving the meaning of the expression “to keep a low profile, to withdraw into oneself, have nothing going for oneself”, *Chinese-Russian Dictionary*, Beijing, 1989, p. 880. This dictionary has been nicknamed “Shanghai” because it has been compiled at the Shanghai Institute of Foreign Languages.

²⁸ Xiong Guangkai, *op. cit.*, pp. 3–4.

²⁹ D. Mierzejewski, *From Pragmatism to Morality. The Changing Rhetoric of Chinese Foreign Policy*. Lecture in Denver University, February 2012. URL: <http://www.du.edu/korbel/china/forums/dominic.html>

³⁰ Zhu Weilie, *op. cit.*, p. 4.

³¹ Yang Wenchang, “‘Taoguang yanghui’: boda jingshen [“Keep a low profile and try not to approve oneself”: a broad and deep meaning], *Guangming ribao*, 2011, November 7.

- ³² Yang Wenchang, *op. cit.*; Zhu Weilie, *op. cit.*, p. 4.
- ³³ Yang Wenchang, *op. cit.*
- ³⁴ Zhu Weilie, *op. cit.*, pp. 10–11.
- ³⁵ Bonnie Glaser and Evan Medeiros, *op. cit.*, p. 305.
- ³⁶ Zhu Weilie refers to the article by Wang Yusheng entitled “Revising the Course of Keeping a Low Profile” published in the journal *Huanqiu* (2004, No. 7) — Zhu Weilie, *op. cit.*, p. 3.
- ³⁷ Zhu Liqun, “China’s Foreign Policy Debate. Institute for Security Studies”, *European Chailot Papers*, Sept. 2010, p. 51. Zhu Liqun cites the article by Gao Fei in the journal *Taipingyang xuebao* (2006, No. 1).
- ³⁸ Zhu Liqun, *op. cit.*, pp. 51–52.
- ³⁹ Kenneth Liberthal and Wang Jisi, *Addressing U.S.-China Strategic Distrust*. John Thornton China Center Monograph Series. Brookings, Washington. Number 4, March 2012, pp. 8–9.
- ⁴⁰ Kenneth Liberthal and Wang Jisi, *op. cit.*, p. X.
- ⁴¹ *Ibid.*, p. 16.
- ⁴² Yang Wenchang, *op. cit.*
- ⁴³ One of the few exceptions is the article by an associate of the Institute of the U.S.A. at the Chinese Academy of Social Sciences Yuan Jirong entitled “Zhongguo yao huifu ‘Han Tang xunfeng’ [China Should Restore the ‘Grandeur of the Han and Tang Dynasties’]” in a collection of articles *Zhengbian Zhongguo* [Discussions in China] from the newspaper *Huanqiu shibao*, Shanghai, 2010, pp. 194–195.
- ⁴⁴ Zhang Xiaotong, *Hu Jintao shidaiguan de Zhongguo zhuzhang* [Position of China in the Concept of the Modern Epoch of Hu Jintao], Liaowang, November 23, 2009, p. 33.
- ⁴⁵ Wang Jisi, *op. cit.*, pp. 3–4.
- ⁴⁶ Wu Jianmin, “Zilai yige huanjing shi nian [Reflections on the International Situation for China in the Next Decade]”, *Zhongguo waijiao*, 2011, No. 9, pp. 3–5.
- ⁴⁷ Wang Cunbing, “Lun chuanzaoxing jianchi ‘taoguang yanghui, yousuo zuowei’ [On Creative Following the Course of ‘Keeping a Low Profile, Trying not to Approve Oneself but Taking a Proactive Role When Feasible’]”, *Zhongguo waijiao*, 2011, No. 4, pp. 3–8.
- ⁴⁸ Wang Jisi, *op. cit.*, p. 6.
- ⁴⁹ Ye Zicheng, “2011 nian Zhongguo waijiao: da guo waijiao jing kaoyan de yi nian [Foreign Policy of China — 2011: The Year of Trial for the Country’s Diplomacy], Qin Chaoyin (ed.), *Julun shang de Zhongguo — danqian guoji guonei zhong de xingshi fenxi*.

2010—2011 niandu baogao [China is at the Wheel of History — analysis of contemporary international and domestic situation. Annual report for 2010—2011], Beijing, 2011, pp. 119—120.

⁵⁰ Zhang Diyu, “Zhongguo shifou ying jiaqiang jieru guoji shiwu — ‘chuanzaoxing jieru’ yu Zhongguo waijiao pianduan [Should China Increase Its Involvement in International Affairs — ‘Innovative Involvement’ and Episodes from China’s Foreign Policy]”, *Shijie Zhishi*, Beijing, 2012, No. 2, p. 21.

⁵¹ *Ibid.*

CONSOLIDATING RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP (1992—2007)

The disintegration of the USSR and the formation of the Russian Federation as an independent state have been the starting point of shaping and developing the present-day Russian-Chinese relations. This process has been going on for fifteen years according to its own logic and is largely determined by the modern national-state interests of Russia and China, as well as their place in the international division of labour and their geopolitical position. At the same time many important specific features of the modern Russian-Chinese relations can adequately be understood and interpreted only in the context of the preceding intensive interaction of the two countries, whose history goes back about four hundred years.

Although in the almost 400-year experience of the interethnic contacts of Russia and China there has been everything, both good and bad, according to the view of one of the leading Russian experts on China, M.L. Titarenko, a member of RAS, “these relations were dominated by good-neighbourliness, mutual influence and mutual cultural enrichment”¹.

Despite all complex developments in the relations between Qing China and tsarist Russia, as the Russian expert on China A.D. Voskresensky maintains, “for almost three hundred years peace reigned supreme: Russia and China had never been at formally declared war, and they always succeeded in restoring stable equilibrium through diplomatic negotiations”². It was during that period that the Russian-Chinese border was established, which exists to this day, with certain corrections³. The opening of the Russian Religious Mission in Beijing in 1715, which existed up to 1954, laid the foundation for contacts between the two countries and the deeper mutual knowledge of their people's culture and religions⁴.

The dramatic world collisions of the first half of the 20th century pre-determined a quite complex and multifaceted character of the Russo-Chinese interaction during the 1911—1949 period. Perhaps, new research conducted on the basis of previously inaccessible archives materials⁵ will make it possible to learn more precisely the still dubitable assessments of many nuances and general results of these relations. However, in our view, despite any modifications and revision of the views on the events of those years, the assistance rendered by Soviet Russia to the revolutionary struggle and the anti-Japanese war of the Chinese people is a serious contribution to the positive results in our bilateral relations.

The relations of the USSR with the People's Republic of China proclaimed on October 1, 1949, have passed the stages of “eternal friendship” in the 1950s, increasing interparty and interstate discord and even open hostility in the 1960s — 1970s, and difficult normalization in the 1980s. Scientific communities of the two countries often assess rather differently the principal reasons for the emergence and broadening of the Soviet-Chinese split. In China it is claimed that it was mainly due to the actual inequality in the bilateral relations of the two countries, with a more favourable attitude to the USSR⁶, whereas in Russia the main responsibility is placed on Mao Zedong with his leftism and enormous ambitions⁷.

However, it's much more important that both Moscow and Beijing could draw the necessary historical lessons and were able, as Deng Xiaoping put it, “to close down the past and open the future”. The normalization of the Russian-Chinese relations symbolically proclaimed by M.S. Gorbachev's visit to China in May 1989, gave a powerful and long-term impetus to them, enabling the partners to switch over smoothly from the Soviet-Chinese to Russian-Chinese interaction after the disintegration of the USSR.

The Protocol of the negotiations between the deputy foreign minister of the Russian Federation G.F. Kunadze and the deputy foreign minister of the People's Republic of China Tian Zengpei on the interstate Russian-Chinese relations, which were held in Moscow on December 27, 1991, noted that the basic principles determined in the two Soviet-Chinese communiques of 1989 and 1991 (on the results of the visit of the General Secretary of the CC CPC Jiang Zeming to the USSR in May) remained the leading ones in the development of Russian-Chinese relations. Both sides expressed readiness “to develop the relations of friendship and coop-

eration in the political, trade-economic, military-technical, scientific-technical, cultural and other spheres»⁸.

The signing of a whole series of important agreements on cooperation in trade, the military-technical sphere, the principles of drawing Chinese citizens to temporary work in Russia, on Russia's assistance in the construction of a nuclear power plant in China proved to be the firm foundation of bilateral relations in a new format in 1992. The initial stage of the interaction of post-Soviet Russia with China was summed up during the visit of President B.N. Yeltsin of the Russian Federation to the People's Republic of China in December 1992. The joint declaration on the foundations of the mutual relations between the two countries proclaimed that "they regard each other as friendly states". Basic directions of cooperation between the RF and PRC in the international arena and bilateral interaction were mapped out, and the task of further strengthening the relations between them and bringing them "to a new level" was set up⁹.

The successful progress of their practical bilateral cooperation gave Russia and China the ground in 1994 to describe their relations as "the new relations of constructive partnership, the genuinely equal relations of good-neighbourliness, friendship and mutually advantageous cooperation based on the principles of peaceful coexistence". It was stated that "these relations were not of an alliance character directed against any third countries"¹⁰. In the Joint Declaration of April 25, 1996, Russia and China proclaimed their readiness "to develop the relations of equal and trusting partnership aimed at strategic interaction in the 21st century"¹¹.

The Treaty on good-neighbourliness, friendship and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China signed by the heads of state of the two countries, V.V. Putin and Jiang Zemin in Moscow on July 16, 2001, was a result of the development of their bilateral relations during the 1992—2000 period and at the same time the orientation point to their progress for the next twenty years.

The Treaty summed up the Russian-Chinese relations as "equal trusting partnership and strategic interaction" (Article 10)¹². This is true of today, too.

The results achieved in the interaction of Russia and China within the framework of strategic partnership are quite impressive.

The leaders of the two countries have declared the closeness of Russia's and China's positions on the major world problems time and again as

also in the joint declarations “On the Multipolar World and the Formation of New World Order” (1997) and “On the World Order in the 21st Century” (2005). The similar positions of Russia and China on important international problems have been tested by practice during the crisis situations around former Yugoslavia and Iraq, and also in the course of the discussions of the reform of the UN. Today consultations on international problems are carried on within the framework of most departments of the ministries of foreign affairs of the Russian Federation and People's Republic of China.

The *weighty impact of the Russian-Chinese relations* of strategic partnership can be seen and felt ever more noticeably in the *entire system of international contacts*, especially due to their active role in such a representative body as the Shanghai Cooperation Organization, and in such major multilateral dialogue mechanisms as the six-party negotiations on the nuclear program of the People's Democratic Republic of Korea, the six-party consultations on Iran's nuclear program, and the tripartite dialogue between Russia, China and India.

Perhaps, it can be said without exaggeration that the concept of “Great Central Asia” put forward recently in the United States and prompting Australia to join the Japanese-US Defence Alliance are called upon to neutralize, or at least counterbalance, the consolidation and strengthening of the positions of China and Russia, and the influence of Russian-Chinese cooperation on the Asian continent.

The multilevel mechanism of bilateral Russian-Chinese cooperation has been set up and is constantly improved. Annual meetings of the leaders of the two countries are held in different formats. In 2006 V.V. Putin and Hu Jintao met, apart from the official visit of the Russian President to the PRC, at the G-8 summit in St.Petersburg and also at the summits of APEC, SCO and the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia. The Russian-Chinese strategic dialogue between the member of the State Council of the PRC Tang Jiaxuan and the Secretary of the Security Council of the Russian Federation I.S. Ivanov has become quite regular. Financial and economic dialogues between the two countries have begun between their ministries of finance as well as between the Committee on Development of the PRC and the Ministry of Economy and Trade of the RF. The first sessions of the subcommittee on the protection of the environment and cooperation in civil aviation and aircraft build-

ing and the working group on migration have been held. Major subcommittees on cooperation in the trade-economic and humanitarian spheres work regularly. Since 1996 heads of government meetings have been held annually devoted, first and foremost to the development of mutual trade, whose volume has increased tenfold as against the early 1990s.

The geography of interregional bilateral cooperation becomes ever broader. Most subjects of the Russian Federation and practically all provinces of the People's Republic of China have been drawn in trade-economic, educational and cultural exchanges.

It would be difficult to overestimate the significance of the final solution of the border question between Russia and China by finishing the work on the demarcation of the border between the two countries on stretches along the islands near Khabarovsk and on the Argun River according to the agreement of October 14, 2004.

An important role in the strengthening of the social basis of strategic partnership is played by holding national years — the Year of Russia in China in 2006 and the Year of China in Russia in 2007. Along with extensive political and economic agendas, the programs of the national years are oriented to giving a strong long-term impetus to the better understanding and broader familiarization of the people of the two countries with their traditional and modern cultures and the creation of a stable climate of mutual trust in the Russian-Chinese relations.

It can safely be said that the Russian-Chinese relations continue to progress, yielding more and more positive results. It is indicative that experts of the Institute of international problems of Qinghua University (Beijing) gave the highest evaluation (7.7 points) to the present-day Chinese-Russian relations in the first quarter of 2007, compared with 6.3 points given to the Chinese-French relations, 5.3 points to the Chinese-Indian relations and 2.1 points to the Chinese-US relations. The latter were characterized as “normal”, in contrast to “friendly” relations with Russia¹³.

At the same time, in our view, there are considerable reserves for improving the bilateral relations between the Russian Federation and the People's Republic of China. Their practical implementation, however, is not free from some frictions and smoothness, which, if unattended, could cause some damage to the established model of Russian-Chinese strategic partnership. This is why these circumstances have been taken into

account when the Chairman of the PRC Hu Jintao during his negotiations with the President of the Russian Federation V. Putin on March 26, 2007, suggested that Russia and China “become sincere partners in political cooperation, trusting each other”, “become partners in trade-economic cooperation aimed at mutual benefit”, “become partners in cooperation in the sphere of security on the principles of cohesion and mutual assistance”¹⁴.

In this context mention should be made of the Joint Declaration of the RF and the PRC of March 26, 2007 which proclaimed the intention of both sides “to adhere to the line of coordination and broadening of their strategic interaction in foreign-policy matters with a view to creating a favourable international situation for the development of the two countries”. It is principally important to emphasize that, first, such interaction cannot be achieved automatically, but, on the contrary, has to be realized through the constant purposeful efforts of both countries, and, secondly, it is quite natural that Russia and China have their own national interests which do not always coincide, including those in different regions of the world, which make the task of coordinating the policies of the two states on concrete matters far from simple.

It seems that recently the Russian-Chinese interaction has been the most fruitful within the SCO framework. This can be explained by the profound interest of both Russia and China in the strategic stability in Central Asia in the face of the challenge presented by the threat of “colour revolutions” and the presence of the NATO military contingent in Afghanistan, and also by the operation of the effective mechanism of economic cooperation in the SCO, and finally, by the socio-economic development of the Central Asian countries and their better relations with one another. China's readiness to take into account the objective political realities and Russia's special interests in the post-Soviet states of Central Asia is shown by the inclusion in the Joint Declaration of March 26, 2007, of the premise about the intention of the Russian Federation and the People's Republic of China “to contribute in every way possible to the broadening of the ties of the Shanghai Cooperation Organization with the Eurasian Economic Community and the Collective Security Treaty Organization”, in which Russia plays the leading role.

At the same time the West and the Russian mass media continue to speculate about the allegedly inevitable exacerbation of the Russian-Chi-

nese contradictions in Central Asia. In view of this, Russia and China should discuss the problems facing them in Central Asia, which are fraught with a conflict of interests.

Judging by certain formal aspects, the development of cooperation between China, Russia and India proceeds quite successfully. In July 2006, the first tripartite summit meeting was held in St.Petersburg, close to the G-8 summit, and in the early 2007 a new meeting of the ministers of foreign affairs of the three countries took place. However, concrete discussions and the drawing of conclusions from the same proceed slowly. Moreover, tensions emerge now and then in the tripartite relations. India reacts negatively to the construction of sea ports in Pakistan and Myanmar with Chinese assistance, as well as to China's delivery of aircraft to Pakistan equipped with engines manufactured on a Russian licence. In turn, China was displeased with the launching of "BraMos" missiles of joint Indian-Russian make. It expressed a negative reaction to an increase in the export customs duties on the iron ore exported from India to China, which is one of its main importers. The Chinese side also suspects that Russia is allegedly supplying (or intends to supply) more modern military hardware to India than to China¹⁵.

In our view, closer cooperation and interaction in the tripartite format would make it possible to remove these and other obstacles and mutual suspicions. Apart from that, the broader Russian-Chinese-Indian interaction would make it less vulnerable to the corroding influence of the external forces and temporary factors.

Russian-Chinese interaction in Northeast Asia is somewhat one-sided. Although the legitimate emphasis is laid on a solution of the situation around the nuclear programme of the People's Democratic Republic of Korea, it cannot compensate the actual absence of Russia and its Far Eastern part in the integration processes in the region which have good chances for fruitful development, following the improvement.

Naturally, Russia, which has until recently been rather indifferent toward regional integration, should make up for its loss. The new strategy and long-term purposeful Development Program of the Far East and Transbaikalia, which should be endorsed by the Government of the Russian Federation in 2007, envisage a considerable intensification of the interaction of the Russian Far East with its Northeast neighbours. Indicative in this respect is the proposal made by V. Putin to Hu Jintao "to work out

a plan of bilateral cooperation in the Far East and East Siberia”¹⁶, a development strategy which could be coordinated, as it was noted in the Joint Declaration of the RF and the PRC of March 26, 2007, with the revival of old industrial bases of Northeast China. Along with this, China could make its contribution to the creation of a more favourable atmosphere in the region for the realization of the integration potential of the Russian Far East. At first, the minister of foreign affairs of Russia could take part in the annual meetings of his colleagues from Japan, China and the Republic of Korea, as an experiment.

The forms of the implementation of the strategic partnership relations between Russia and China at a global level should not remain unchangeable. On the contrary, they should react to the general changes of the international situation, as well as any progress in the foreign-policy concepts and practical course of the Russian Federation and the People's Republic of China. In our view, the task is to adapt the bilateral interaction at the global level to the more precise orientation of Russia to an independent foreign policy, on the one hand, and on the other, to the evident strengthening of the comprehensive power and international influence of China.

One can see that China thoroughly analyses the trends of increasing toughness of Russian foreign policy and its growing determination to uphold its interests, including in its relations with the United States and in the post-Soviet area. Yet, China avoids assessing these changes in a onesided manner. Indicative in this respect is rather unclear reaction of official Beijing to President Putin's statement at the Munich conference on the questions of security on February 10, 2007. In reply to numerous requests of journalists to comment on the critical remarks of the President of Russia concerning the United States, Jiang Yu, a representative of the foreign ministry of China, confined herself to saying that all countries of the globe “should exert efforts jointly to create a harmonious world”¹⁷. The more detailed comment of the *Xinhua* News Agency entitled “In What Direction Do American-Russian Relations Develop?” pointed out that the American-Russian relations would not return to the time of the cold war, and that in the relations between these two countries the spirit of cooperation would be preserved, although there would be certain tension¹⁸. Thus, China gave it to understand that it was not ready to side with Russia openly in its tension with the United States. Possibly, it is due to Beijing's unwillingness to exacerbate its already difficult relations with the United States,

and also its wish not to emphasize the international tendencies which do not fully coincide with the concept of a “harmonious world” put forward by the Chinese leadership. In this connection one cannot but notice the absence in the two latest Russian-Chinese high-level documents — the Joint declarations of the RF and PRC of March 21, 2006, and March 26, 2007 — of a clearcut premise about the adherence of both countries to “the formation of a multipolar world order”, which was contained, for example, in the Joint Russian-Chinese communique of July 3, 2005. The calls “to contribute to the collective principles and democratization of international relations” and “preserve the diversity of cultures and civilizations”, which are close in essence to the idea of a multipolar world, are expressed in a milder tone, in our opinion.

The above-mentioned analysis is not aimed at reproaching the Chinese side for its insufficient support of Russia in the conditions of a certain aggravation of its relations with the United States (there are simply no formal reasons for this, because Russian-Chinese strategic partnership has no alliance character and is not directed against any third countries), it is only meant to emphasize the idea that both China and Russia should constantly watch their positions on the questions of strategic stability and bring them in line with changes in the international situation.

At present, changes in the international situation and the alignment of forces are largely connected with the *growing influence and constant progress of China*. The People's Republic of China now holds fourth place in the world in the annual GDP (about 2.7 trillion dollars in 2006), third place in the foreign trade volume (1,760 billion dollars), and has good prospects for further enhance its role in the world economy and trade. Although, from the point of view of international positions, certain Chinese experts modestly assess their country as a “regional power with a degree of global influence”¹⁹, its presence in new geographical zones and spheres of international politics is seen and felt more noticeably with every passing year.

As is known, the question about the long-term prospects and possible consequences of China's progress and the attitude to this phenomenon have caused heated discussion in the world recently, just as the choice of one or another version of political or economic reaction to it. Russia also takes part in these discussions, and, judging by the general tone of public opinion, a positive attitude to China prevails, and it is regarded as a pres-

ent and future strategic partner, and a friend or ally of the Russian Federation²⁰. This is why it is quite natural that the leadership of Russia and a considerable part of the intellectual section of Russian society regard dynamic and stable China as a serious factor of the development and solution of the socio-economic problems of the Russian Federation itself. It is important to emphasize that not only a considerable number of Russian sinologists, but also the forces of the left and right-liberal wings of the political spectrum²¹, approve the course aimed at the long-term joint development of the two countries²².

At the same time, part of the Russian society is cautious, and sometimes displays a negative attitude to China getting stronger and more influential. It is largely due to a psychological discomfort felt by some people in Russia, which is caused by the great difference in the number of the population of the two countries (correlation 1:9) and the scope of the economy (GDP correlation about 1:3 and foreign trade volume 1:4); our neighbour China has only recently been behind us in all basic socio-economic parameters²³. Usually, such socio-economic-psychological discomfort is not expressed openly, but camouflaged with calls to protect the national market and producers from the flood of Chinese commodities and demands to prevent Russia from turning into a resource-raw-material appendage of China. We think that the full-fledged mutually advantageous bilateral cooperation, with due account of the interests of the partner and a consistent work aimed at improving the image of China in Russia and the stable development of Russia itself, will make it possible to eliminate prejudices and delusions of this kind. However, this process will hardly be rapid because of the regular attempts of the quite influential prowestern forces in Russia to form a distorted and negative image of China among the Russian public, the development of which would allegedly mean “the end of Russia as an independent world power”²⁴.

Quite a few new factors and trends have appeared in the Russian-Chinese trade and economic relations in recent years. Although the volume of bilateral trade turnover in 2006 grew, according to the Chinese customs statistics, to 33.386 billion dollars, as against 29.103 billion in 2005, it should be noted that the growth rates of Russian-Chinese trade have noticeably diminished. In 2003—2005 its annual growth rates exceeded 30 percent, in 2006 they dropped to 14.7 percent. This figure is lower than the growth rates of China's foreign trade turnover (23.8 percent) and those of

Russia (29.2 percent), which shows a certain downfall in the partner's share in the foreign trade of each country. The lower growth rates were also registered in Russian export (increment in 2006 was 10.5 percent as against 31 percent in 2005, and 24.7 percent in 2004), and import — correspondingly 19.8 percent in 2006 as compared to 45.2 percent in 2005, and 51 percent in 2004²⁵. Thus the task to increase the bilateral trade turnover in 2010 to 60 billion dollars as a minimum (1.8 times greater than in 2006; the average annual increment in 2007—2010 should reach 13.8 percent) may seem quite difficult to reach.

Definite defaults and discrepancies remain (even have increased) in the structure of mutual trade. In its export to Russia, China steadily increases the share of machines and equipment — from 8.2 percent in 2000 to 20 percent in 2005, and 29 percent in 2006, whereas in the Russian export to China the share of machines and equipment dropped from 28.7 percent in 2005 and 20.1 percent in 2002 to 1.2 percent in 2006, but the share of oil and oil products grew from 10.2 percent in 2001 to 53.9 percent in 2006 (the physical volume of oil deliveries from Russia to China comprised about 16 million tons, China's total import of oil being 145.18 million tons)²⁶.

However, Russia still intends to diversify the structure of bilateral trade by offering high-tech commodities to the Chinese market, primarily, machines, equipment and civil aviation technique. The Chinese side demonstrates its readiness to meet Russia halfway in this respect. According to Hu Jintao, an agreement has been reached on the setting up of Chinese-Russian chambers of trade in the sphere of machines and equipment trading. And according to V.Putin, in the course of the Russian-Chinese high-level negotiations in March 2007 questions of joint work in the sphere of high-tech, power production and engineering, including nuclear and aircraft industries²⁷ were discussed. The Russian side exhibits more and more samples of the latest civil aviation technique at the aircraft salon in Zhuhai, believing that they can well compete with “Boeings” and “Airbuses” dominating the Chinese market²⁸. In our view, positive shifts in the structure of Russian export to the People's Republic of China are quite possible, but it takes time and effort for improving the structure of Russian economy and foreign trade.

Russian-Chinese cooperation in the sphere of extracting and transporting hydrocarbons is developing quite well.

In 2006 the construction of the East Siberia — Pacific Ocean oil pipeline began which largely contributed to improving not only the trade and economic relations but also the general climate of Russian-Chinese relations. In view of the additional geological prospecting for oil in East Siberia and the Far East definitely lagging behind the planned target, apprehensions began to be voiced that the East Siberia — Pacific Ocean pipeline would not reach the projected capacity of 50 and then 80 million tons of oil. However, the “Rosneft” Company declares that because of the exploitation of Vankor deposit, it will be able to ensure up to 50 percent of oil for the pipeline (the remaining quantity will be provided by the TNK-BP and “Surgutneftegaz” companies)²⁹. On the whole, the situation with the supply of oil for the future pipeline looks quite optimistic.

More profound forms of cooperation between the oil companies of the two countries are implemented. “Rosneft” has set up, together with the Chinese company “Sinopec”, a joint company-operator “Venin Holding” for developing the Sakhalin-3 project, that is, the Venin deposit with reserves amounting to about 170 million tons of oil and 258 billion cubic meters of gas³⁰.

As to the natural gas deliveries from Russia to China, the situation is rather less definite, despite the signing of the agreements on the two routes of gas pipelines — from Sakhalin and via Altai. The latter, according to experts, may be fraught with a real ecological catastrophe. Besides, there is no clear view regarding the development of the gas consumption market in China, and regarding the price of gas acceptable to both sides³¹.

Differences persist in the price formation for electric energy supplies which are planned for a considerable increase — from 3.6—4.5 billion kw/h in 2008 to 60 billion kw/h in the future³².

Despite the overall successful development of Russian-Chinese cooperation in the fuel-and-energy sphere, it should be clearly realized that the two sides are guided by their own interests, which do not fully coincide. In this context, attention should be drawn to the meeting of the ministers of energy of the world's leading consumers of energy — China, India, Japan, the Republic of Korea and the United States, held in Beijing at the end of 2006, which was oriented to searching for interaction in the reduction of the excessive dependence on the import of oil³³. This meeting showed that the model of Russian-Chinese cooperation in the fuel-and-energy sphere needs constant corrections and improvement.

Investment cooperation still lags behind the general level of the Russian-Chinese trade and economic cooperation. In 2006, investments from Russia comprised but 0.1 percent of the total volume of the foreign capital drawn by China, and the Chinese share in the total volume of foreign investments drawn by Russia amounted only to 0.9 percent. By the end of 2006 there were 730 projects in Russia with the participation of Chinese capital, the total volume of investments being 935 million dollars. Russia has invested about 600 million dollars in the Chinese economy³⁴. Meanwhile, certain positive shifts can be observed in this promising sphere. In November 2006 an agreement was signed on the mutual protection of investments. An intergovernmental working group has been set up for investment cooperation, which determined 29 priority projects of interaction in real estate and wood-working and chemical industries with a suggested total volume of Chinese investments of over three billion dollars³⁵.

Production cooperation between the two countries has become more active. Several projects of assembling Chinese cars in Russia are underway. Cooperation in the *bank sphere* also is developing well, in which the Chinese State Development Bank and its Russian partners, Vneshekonombank and Vneshtorgbank play the leading role.

Bilateral cooperation in developing new high-tech spheres has considerable prospects and needs improved financing (at least from the Russian side). Questions of the protection of intellectual property and the improvement of the mechanism of assessing and introducing technologies also need a more thorough elaboration³⁶.

Substantial movement is going on or is planned in such traditional spheres of bilateral cooperation as the deliveries of arms and round timber from Russia to China, and the import of Chinese consumer goods to Russia.

After 15 years of the massive import of Russian *arms and military equipment* for the Chinese air force and Navy, China sharply reduced their purchases. During the 1992—2006 years period Russia supplied China with arms and military equipment to the sum of 26 billion dollars, from the total volume of Russian export of these commodities worth of 58.4 billion dollars. The share of deliveries to China was reduced from 70 percent in the latter half of the 1990s to the expected level of 17 to 20 percent in 2007³⁷. Some experts regard this as the long-term curtailment of the import of arms from Russia by China. Others prefer to see this as a temporary

measure caused by the need to master the arms and equipment acquired and determine the strategy of further technical equipment of the Chinese army³⁸. In our view, the volumes, priorities and suppliers of arms and equipment depend on many factors, and so far it is too early to anticipate the results of their influence on Beijing's decisions in this matter. However, the great political and technical wealth and experience in the sphere of Russian-Chinese military-technical cooperation allow us to view its prospects quite optimistically.

The export of round timber from Russia to China which was worth some two billion dollars in recent years can diminish in the near future. The main reason for this is the elaboration and introduction of a complex of measures in Russia initiated by President V. Putin with a view to reducing the export of unprocessed wood and encouraging its processing on Russian territory. A decree of the government of the Russian Federation, which came into force in March 2007, envisages the annual 30-percent increase of customs duties on the export of unprocessed timber until 2010^{39, 1}.

At the beginning of 2006 serious restrictions were introduced on the "shuttle" trade carried on by individual entrepreneurs. The tariff-free weight was reduced from 50 to 35 kilograms and the frequency of border crossings was fixed from once a week to once a month. The Russian law-enforcement and customs agencies now impose customs duties on consumer goods from China according to their real price, which dealt a blow at "shuttle" traders. China understood the timeliness of these measures and at the same time stated that there should be a certain transition period for properly regulating such trade⁴⁰.

The question of the temporary stay of working migrants from China in Russia is partly connected with this trade. At the beginning of 2007 the Russian legislation on immigration was revised, according to which foreign citizens were prohibited from carrying on trade operations on the Russian retail markets. Thus, part of the Chinese citizens engaged in this trade had to leave Russia. However, quite a few of these people stayed on in this country. In December 2006 three hundred Chinese citizens left the Khabarovsk Territory for home and in January 2007 there were 550 such people. Last January 117 Chinese illegal immigrants were expelled from the Khabarovsk Territory⁴¹. On the other hand, the revision of the legislation on immigration will not prevent the development of civilized forms of drawing foreign workforce, including Chinese citizens.

It is no secret that the present-day *images of Russia in China and of China in Russia* in the mass consciousness of the two people are still based on the stereotypes and clichés of the past years (“great friendship” in the 1950s and confrontation in the 1960s — 1970s), and also on the simplified definitions such as “China is Confucian” and “Russia is Orthodox Christian”; such perceptions could only prevent proper understanding and objective evaluation of the complex, multi-level specific features, aims and interests of both partners.

In order to form a correct image of the respective country among the Chinese and Russian citizens, it is necessary to broaden and diversify the forms of mutual cooperation in the humanitarian sphere. The holding of the National Year of China in Russia and the National Year of Russia in China is a step in the right direction, which should be continued and developed.

Summing up, we should note that the mutual relations of Russia and China are of great importance for both today and tomorrow.

As strategic partners, China and Russia objectively contribute to the preservation and strengthening of the independent foreign-policy course of the two countries.

Russia is one of the few countries displaying a tolerant attitude to the domestic political system of the People's Republic of China and objectively contributes to the continuation of the path of social development chosen by China. The same is true of China's attitude toward Russia.

Russia is a major trade and economic partner of China helping it raise the level of its energy security and defence capacity. For Russia the trade and economic ties with the People's Republic of China are the important alternative to the European direction and contribute to the great broadening of its economy.

Being partners within the SCO framework, Russian and China help each other oppose national separatism, religious extremism and terrorism and fight drug trafficking, as well as preserve strategic stability in the critically important region of Central Asia.

Being independent cultural-civilization areas of world importance, Russia and China are objective allies in ensuring the cultural-civilization diversity of the world and opposing any unification of the world community.

The Russian-Chinese relations of strategic partnership have all objective grounds to broaden and develop on a long-term basis, provided the two countries exert constant and persistent efforts in this direction.

Notes

¹ Titarenko M.L. Foreword. In the book *Russian-Chinese Relations. State, Prospects*. Moscow. RAS. IFES. 2005. 412 pp. Here: p.12.

² Voskresensky A.D. *Russia and China: Theory and History of Interstate Relations*. Moscow. Moscow Public Scientific Foundation. 1999. 408 pp. Here: p.184. See also: Voskresensky Alexei. *Russia and China. A Theory of Inter-State Relations*. London and New York. RoutledgeCurzon. 2004. P. 122.

³ See: *Russian-Chinese Legal Acts. 1689—1916*. (Ed. V.S. Myasnikov). — Moscow. *Monuments of Historical Thought*. 2004. 696 pp.; Myasnikov V.S. *Treaty Articles Endorsed: Diplomatic History of Russian-Chinese Border, 17th — 20th Centuries*. Moscow. Print Publishers. 1996.

⁴ See: *History of Russian Religious Mission in China. Collection of Articles*. Moscow. Publishers of Svyato-Vladimirskeye Bratstvo. 1997. 416 pp.

⁵ First of all, mention should be made of the publication of archives materials in the series “*Russian-Chinese Relations in the 20th Century. Documents and Materials*”. Vol. 4 — *Soviet-Chinese Relations, 1937—1945* (in two volumes). Moscow. 2000. Vol. 5 — *Soviet-Chinese Relations, 1946 — February 1950* (in two volumes). Moscow 2005.

⁶ See, for example: Shen Zhihua *zhubian. Zhongsu guanxi shigang (1917—1991)*. Beijing. Xinhua chubanshe. 2007 (Shen Zhihua, Ed.). *History of Chinese-Soviet Relations (1917—1991)*. 489 pp.

⁷ See, for example: Kulik B.T. *Soviet-Chinese Split: Reasons and Consequences*. Moscow. RAS IFES. 2000. 640 pp.

⁸ See, for example: *Collection of Russian-Chinese Treaties. 1949—1999*. Moscow. Terra-Sport. 1999. Pp. 132—133.

⁹ *Ibid.* Pp.150—152.

¹⁰ *Joint Russian-Chinese Declaration*. Signed in Moscow on September 3, 1994, by President of Russia B.N. Yeltsin and Chairman of PRC Jiang Zemin — *Collection of Russian-Chinese Treaties. 1949—1999*. Moscow. 1999. Pp. 271—273.

¹¹ *Ibid.* Pp. 333—337.

¹² RCh: *Russia-China*. Mass Newspaper. Moscow. 2001. August.

¹³ *Zhongguo yu daguo guanxi yuce*. (Forecast of Relations of China with Leading Countries) — *Xiandai guoji guanxi*. Beijing. 2007. No 1. P. 63.

¹⁴ *Negotiations between Hu Jintao and V. Putin*. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5523236.html>. The Chairman of the PRC proposed “to carry on jointly innovation work in scientific-technical cooperation” and “become harmonious and friendly partners in humanitarian cooperation”. Hu Jintao's proposals outlined in a

compressed form, which were put forward as the common position of the two countries, are reflected in Paragraph 1 of the first section of the Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China signed by President V. Putin and Chairman Hu Jintao on March 26, 2007, in Moscow. — See: URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2007/03/120807.shtml>.

¹⁵ Sometimes this premise is directly developed by the Russian mass media. In the article “Armed Friendship” by K. Lantratov published in “Kommersant guide” “Kitai”, it was stated that Russia “retains political restrictions on the deliveries of arms and military technology and equipment to China”. On the contrary, there are no such restrictions in cooperation with India, with which “there is not a single controversial question”. — “Kommersant guide”, No 40, March 14, 2007. P. 35.

¹⁶ Negotiations between Hu Jintao and V. Putin. URL: <http://russia1.people.com.cn/31519/5523236.html>.

¹⁷ Representative of the Foreign Ministry of the PRC about V. Putin's criticism of the United States. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/5398816.html>.

¹⁸ In what directions do American-Russian relations develop? URL: http://russian.xinhuanet.com/russian/2007-04/24/content_420126.htm.

¹⁹ Zhongguo shi ge “dagu” ma (Is China a “great power”) — Shijie zhishi. Beijing, 2007. No 1, Pp.16–27.

²⁰ According to public opinion surveillance, carried out by VTsIOM in summer, 2005, 34 percent of the Russians polled characterized China as a strategic and economic partner, 22 percent as an ally or a friendly state. China was regarded as a rival by 24 percent and as a possible enemy by four percent. The same view on China will persist for a longer period. — Politichesky zhurnal. Moscow. 2005, August 15, p. 67. For comparison's sake: similar poll carried out by the Chinese sociological centre showed that in March 2006 Russia was regarded as a friend or ally by 11 percent, as a good neighbour by 38 percent and as a strategic partner by 42 percent of the Chinese polled. On the contrary, six percent spoke about rivalry between Russia and China and one percent about strategic confrontation. — S. Kovalyov. The Year of Russia in China in the Mirror of Public Opinion. — Russia-China. 21st century. Moscow. 2007. No 3. Pp. 22–25. Here: p. 25.

²¹ See, for example: Kuzyk B.N., Titarenko M.L. China-Russia 2050: Codevelopment Strategy. Moscow. Institute of Economic Strategies. 2006. 656 pp; Russia and China: Cooperation in Conditions of Globalization. Moscow. IFES RAS. 2005. 400 pp.

²² For instance, deputy to the State Duma of the Russian Federation Vladimir Ryzhkov regards China as “a friend of Russia”. — Argumenty I fakty. Moscow. 2007. No 12. P.5.

²³ See, for example: Lukin Alexander. Facing China. Russians Cannot Give Up Their Habit to Look Down Upon Their Neighbour. — Kommersant. Moscow. 2006.

November 9. P. 8. The essence of the problem is aptly expressed in the title of a book by well-known expert on China V.L. Larin, "In the Shadow of the Awakened Dragon" (Vladivostok. Dalnauka. 2006. 242 pp.).

²⁴ Tsygichko Vitaly. Foreword to the Russian edition. In the book: Menges Constantine. China: The gathering Threat. Moscow. Nezavisimaya gazeta Publishers. 2006. 608 pp. Here: p.20.

²⁵ Data of Chinese and Russian customs statistics. See: Foreign Trade of Russia in 2006. — Bulletin of Foreign Commercial Information (BIKI). Moscow. 2007. February 20. P. 2; Special issue "China". — Rossiiskaya gazeta. Moscow. 2007. March 26. P. A4.

²⁶ Haiguan Tongji (Customs Statistics). Beijing. 2006. No 12. Pp. 27, 47—48, 69—70; Special issue "China". — Rossiiskaya gazeta. 2007. March 26. P. A12.

²⁷ Statements for the press on the results of the Russian-Chinese negotiations. URL: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/03/120824.shtml>.

²⁸ Russia is prepared for emerging on the civil aviation market of China. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/4998760.html>.

²⁹ "Rosneft" hopes for success in pipeline business. It is ready to provide oil for another section of ESPO (East Siberia- Pacific Ocean Pipeline)— Kommersant. Moscow. 2007. April 21.

³⁰ Rebrov D., Skorlygina N. "Rosneft" preferred Chinese partners — Kommersant. Moscow. 2007. March 30.

³¹ Experts believe that European price level at 280—300 dollars per 1,000 cubic metres of gas is not acceptable to China — See: Grib N. Gas in exchange for time. The "Altai" gas pipeline may not start operating in 2011 — Kommersant. Moscow. 2006. September 16.

³² Drachevsky Leonid. Interview to "Interfax-China" News Agency. URL: <http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id-issue=11680013>

³³ URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/5177559.html>.

³⁴ URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5498582.html>.

³⁵ Yang Jun. Our relations have enormous potential. Interview with China's deputy minister of trade Yu Guangzhou. — China. Beijing-Moscow. 2007. No 4. Pp. 12—15 (in Russian).

³⁶ See: The PRC and RF are ready to increase cooperation in technical innovations. URL: <http://russian1.people.com.cn/31517/4763521.ttml>. According to Russian experts' estimates, the potential of bilateral cooperation in the sphere of technical innovations amounts to three to five billion dollars. Within the framework of the national exhibition of the PRC in Moscow in March 2007 there was an "Exhibition of scientific-technical achievements and innovations of China".

³⁷ Gritskova A. and others. China put aside Russian arms. Military-technical cooperation slows down. — *Kommersant*. Moscow. 2007. May 7.

³⁸ See, for example: Makiyenko K. In 15 years China acquired up to a half of all Russian military deliveries abroad. URL: <http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id—issue=11670270>;

Makiyenko K. The Celestial Empire takes timeout. Relations between Russia and China in arms trade radically change. — *Smysl*. Moscow. 2007. No 5. Pp.84—88; “Arms trade between Russia and China is on the downgrade”. — Talk of A. Lomanov with Canadian expert Zhang Yihong. — *Vremya novostei*. 2006. September 25.

³⁹ Sharipova A. Finland will quit Russian forest. Importers threaten Russia with problems connected with WTO due to higher export customs duties on timber. — *Kommersant*. Moscow. 2007. March 19.

⁴⁰ China's deputy minister of trade called on Chinese businessmen in Russia to change economic methods and strive for long-term business. URL: <http://russian1.people.com.cn/31519/5432686.html>.

⁴¹ *Priamurskiye vedomosti*. Khabarovsk. 2007. February 27.

MAJOR FEATURES OF CHINA'S FOREIGN POLICY IN 2009—2011

In recent years the foreign-policy course of the People's Republic of China, while retaining such long-term basic characteristics as independence and declared orientation to ensuring favorable conditions for the country's peaceful development, has, nevertheless, undergone quite a few noticeable changes.

Revelation and comprehension of the essence of these changes, their reasons and consequences have been taking place in China itself, in the West and in Russia. These processes are interpreted quite differently in different countries. Some actions of Beijing have been met positively by the world community, for instance, China's self-identification as a responsible country. Other innovations, their potential significance notwithstanding, have not caused any noticeable reaction, as was the case with the idea to transfer the foreign-policy support of the country from developing states to the “newly developed powers” (xinxing daguo) represented primarily by the BRICS format (Brazil-Russia-India-China-South Africa), which has widely been discussed in the PRC expert circles.

At the same time, the growing vigor of China's activity in the international arena, especially in upholding its interests, attracted greater attention, primarily in the West, and gave grounds for concluding that Beijing “is becoming 'less biding and hiding' and that China's “diplomacy of smiles has come to an end”¹.

By the end of 2010 the view that “China is becoming more nationalistic and more assertive toward many neighbors in Asia, the U.S.A. and the European Union”² has become prevalent in the United States and popular enough in many other countries³. In this situation Beijing has stepped up considerably its propaganda of the purely peaceful character of its rising and invariable policy of good-neighborliness without renouncing its

claims, however, to a greater role in the world arena than it was in the pre-crisis period.

We shall now examine more closely the evolution of the PRC foreign-policy course in 2009—2011.

The primary reason for changes in China's foreign policy was the growth of its absolute and relative economic might, which became especially evident in the conditions of the world financial and economic crisis of 2008—2009. Even during the pre-crisis period China succeeded in markedly reducing its lag behind the leading economies of the world. In 2002 China's GDP comprised 13.9 percent of the American GDP and 37 percent of that of Japan (calculated in \$ in accordance with the current exchange rate), whereas in 2008 the figures were 27.2 % and 78.6 %, respectively. The country's share in the world output of the processing industries grew from 5.1 percent in 1995 to 11.4 percent in 2007⁴. In the crisis period and the first post-crisis years China retained high economic growth rates (9.2 % in 2009; 10.4 % in 2010, and 9.2 % in 2011) and a high development rate of foreign trade (except in 2009). This allowed it to outstrip Japan and take second place in the world by the annual volume of the GDP, second place in the foreign trade volume and import, having outstripped Germany, and first place in the volume of export. Inasmuch as the economic growth rates of the United States were considerably lower than those of the PRC, the gap in the annual volume of the GDP between the two countries became considerably narrower again. According to forecasts, the economies of the two countries in their quantitative indices will become equal by 2018⁵. In the share of the output of the world manufacturing industries China was ahead of the United States already in 2010 (19.8 % and 19.4 %, respectively)⁶.

The turning of China into a world workshop has not only ensured its high growth rates, but also predetermined the greater dependence of its economy on the functioning of the world economy, be it the import of oil, iron ore, high-tech components for industrial assembly of a wide range of engineering and electronic commodities, or the stable extensive export of ready-made goods throughout the world.

The world financial and economic crisis with growing protectionism demanded that China should firmly and consistently protect its interests in the world economy.

In this connection the need for the development of the deep-sea navy (including the building of an aircraft carrier) capable to protect the most important routes of cargo transportation began to be discussed in the country.

The PRC expert community has formulated the concept of “development interests”, which should de facto take all parameters and factors of the modern Chinese economy beyond the narrow framework of national borders.

The assessment of the general concept of China's state interests has become broader. In July 2009, in the course of the Chinese-American strategic and economic dialogue, Dai Bingguo, a member of the PRC State Council, formulated “China's core interests” at the official level for the first time. They include: defense of the basic system and security of the state; state sovereignty and territorial integrity; stable socio-economic development. The representative of the PRC Foreign Ministry Qin Gang defined the core interests of China in a general form at a news conference on July 13, 2009 as follows: state sovereignty, security, territorial integrity and protection of development interests⁷.

This all-embracing formulation of the core interests of the PRC showed the country's transformation from a regional into a global international player. The new global status of China was objectively bolstered up by its relatively successful coping with the world economic crisis and greater contribution to the world economic growth⁸.

The country's transfer to a new quality has been more fully realized by its leadership. On the one hand, the world community began to demand more insistently that China be included in tackling such global problems as fighting the climate changes. On the other hand, China's presence as a heavyweight at numerous summit meetings with an anti-crisis agenda, primarily the leaders of “G-20”, on equal terms has given it, for the first time, an opportunity to take part in the so-called global management and shown that from now on it can really influence the “rules of the game” in the international arena. The successful holding of the summer Olympics of 2008 in Beijing and the World Expo 2010 in Shanghai has increased China's self-confidence.

It is indicative that certain Chinese experts give pride of place to this self-confidence inherent in a great power among the new specific features of the PRC foreign policy in the post-Olympic period. The Assistant Rec-

tor of the International Relations Academy at the People's University of China, Professor Chen Yue, emphasizes that «China began calmly, confidently and with dignity declare its strategic ideas, preferences and aims, without deviation or desire to hide them, and without concern about the reaction of the outer world»⁹.

The first successful claim of the PRC to a more active role in world affairs concerned the improvement of its positions in the leading international currency-financial bodies. The share of China's votes at the World Bank was increased from 2.47 % to 4.42 %, and at the International Monetary Fund — from 3.65 % to 6.07 %. In both cases China reached the third position, after the United States and Japan¹⁰. Another important indication of Beijing's growing activity was its claim to include in the world's financial and economic agenda the question of the internationalization of the yuan and its role of one of the world's reserve currencies in the foreseeable future. Although this idea has so far been realized in the form of the greater use of the yuan in the PRC calculations with its trade partners, nevertheless, it evoked broad response and bolstered up China's claims to play a more important role in managing the world economy. Striving to consolidate its status as a responsible global power, China has increased its contribution to the UN budget from 2.667 % in 2009 to 3.189 % in 2010, and the share of its contribution to the peacekeeping operations from 3.144 % to 3.939 % (in all, to \$300 million). Apart from that, from the end of 2008 China has dispatched its ships to the shore of Somalia several times to take part in patrolling the area of the operations of sea pirates, having increased security of passage for three thousands vessels¹¹.

At the same time China had no clearcut program of further actions in many directions. Its transfer to the “league of the rich and strong” has come about too quickly even for the PRC itself, let alone the rest of the world. There was the growing requirement for renovating China's self-identification and reappraising the country's place in the world and the strategy of its relations with various groups of states. These circumstances have determined the emergence of the elements of a searching character in China's foreign policy of 2009—2010, which could also be explained by the dynamic changes of the international situation as a whole and concrete incidents and actions directly involving China.

In particular, a proposal put forward by the Shanghai political analyst Yang Jiemian is worthy of mention to the effect that the main pillar of

China in its movement to the status of a global power should be a group of “newly rising states”, namely the BRIC, but not all developing countries as a whole, as it was believed previously. Yang Jiemian believed that this group, whose emergence made the international situation more balanced, could serve China as a strategic support in many aspects, including in politics, economy and power production, and also in the reform of the international currency-financial system and the formation of an international mechanism to oppose non-traditional threats to security¹². This idea (which emerged, in our view, as an alternative to the proposal of certain American political analysts to form a “big two” consisting of the U.S.A. and the PRC) has not been supported. The official view prevailed that China would remain in the group of the developing countries, more exact, the biggest of them, for quite some time¹³. At the same time the Chinese expert community has confirmed the idea of renouncing a unified approach to the given group of countries and transferring to a more precise and differentiated policy taking into account the specific features of each of them. As Professor Ye Zicheng of Peking University believes, it is precisely such new approach that is in line with China's interests and makes it possible to turn relations with developing countries into a major element of its foreign-policy strategy¹⁴.

An important factor, which made a profound influence on the specific features of the foreign-policy course of the PRC in recent years, has been growing **nationalism** in the country which accompanied China's successes and the strengthening of its positions in the world.

It is rather difficult to draw a dividing line between the natural feelings of patriotism, pride for one's country and nationalism. Perhaps, because of this some political analysts in the PRC have formal grounds to interpret Chinese nationalism of recent years as rational, that is, “open, soft..., and not aimed at containing other states, peaceful, but not hegemonistic”¹⁵. In our view, however, this characteristic clearly idealizes real nationalism in today's China.

First, the range of those preaching it is quite broad and includes adherents to radical views — from “Leftist” elements to part of the military circle¹⁶.

Secondly, their influence on society, which was insignificant some ten years ago, has increased considerably in connection with the growing role of the Internet. For example, the books by the outright nationalist Wang

Xiaodong could be seen on the shelves of Chinese bookshops as early as in 2000—2001, but very few people knew his name then, but today, thanks to publications in networks, he is known throughout China and even abroad¹⁷. Accordingly, the circles responsible for taking decisions cannot ignore nationalistic views and sentiments in society and have to take them into consideration¹⁸.

Thirdly, paradoxical as it may seem at first glance, official forecasts and orientations themselves aimed at the further strengthening of China's might and positions in the world are, among other things, the sustenance of present-day Chinese nationalism.

In this context two recent works by Chinese authors could be compared: “China Has No Alternative but...” by Yuan Kun¹⁹, and “China in 2030 — Moving to Universal Prosperity” prepared by a group of research associates at the Qinghua University headed by the well-known scientist Hu Angang²⁰.

The former work was written from the nationalistic, even Messianic, positions and was aimed at proving that China had already the basis for becoming a “first-class power”, and would inevitably turn into a superpower “bringing civilization and prosperity from the East”. The only thing which China lacks for becoming a leading power of the world is self-confidence and courage. Yuan Kun lavishly uses eye-catching metaphors and comparisons to bolster up his main idea. Indicative in this respect are the titles of the chapters of his book: “If China Sneezes, the Entire World Will Catch Flu”, “If Once China Imposes Sanctions on America...”, “The Sale of American Bonds is New Nuclear Weapon of China”, etc.

Research associates at the Qinghua University, close to official mainstream, do not brag, but their main forecast boils down to stating that in 2030 China will concentrate almost one-third of the world's GDP, surpassing the United States in this index by 2.2 times, that is, just as Yuan Kun's work, it actually orients the country's development to reaching a superpower status.

A feeling arises that the authors of these long-term forecasts seem to ignore the existence of other countries on the planet, do not think that they may have their own interests and aims differing from those of China, and place in the center their own “right to develop”. In this context it is natural that from 2009 China began to be assessed in the West as a “nation oriented only to its own interests and striving for a boundless increase of its

comprehensive might”²¹. In our view, such characteristic is too excessive, however, one should admit that an increase of nationalistic sentiments in the Chinese society contributed to a definite hardening of China's foreign policy in 2009—2010. At a local level, readiness for a resolute rebuff to all opponents on one's own initiative, without any direct orders from the central authorities, has become a widespread practice at the time.

A conviction has become ever stronger in society that China has outgrown the bounds of Deng Xiaoping's behests of twenty years ago and that it should “hide its possibilities no more” and switch over to the most energetic actions in the international arena, especially in protecting its own interests.

It was in this vein that **China's behavior continued in some conflict situations in 2009—2011**, which had noticeable international repercussions.

August 2008 was the “starting point”. It was marked by two important events. First, China's success at the Summer Olympic Games in Beijing, which considerably raised the country's self-esteem. Secondly, the Russian-Georgian military conflict which followed Tbilisi's attempts to restore its control over South Ossetia by force. The fact that the United States did not render effective support to its Georgian ally was assessed by Beijing as an unambiguous sign of the weakening of its might.

One of the first practical events demonstrating Beijing's readiness to act more harshly than before was the incident with the American vessel of acoustic reconnaissance “Impeccable”, 75 miles to the south of Hainan. On March 9, 2009, the Chinese side, using five vessels of different departmental affiliation tried to obstruct the sailing of this American ship in the PRC economic zone. Such routine reconnaissance activity of U.S. ships has not been obstructed previously.

One of the reasons for the incident was different interpretation by China and the U.S.A. of some premises of the UN Convention on the Law of the Sea. The Chinese side supposes that the Convention's ban on reconnaissance activity in territorial waters should also include the exclusive economic zone. The American side protects the principle of complete freedom of navigation and reconnaissance activity in this zone. The United States filed a protest, characterizing the actions of the Chinese vessels against the American ship as a violation of the principle of international law to observe the rights and security of all users of the sea. In its turn, the Chinese side rejected this protest as “untenable”²².

At the same time one cannot fail to notice a direct connection between the time of the incident and the coming to power of the new administration headed by Barack Obama in the United States. Logically speaking, the Chinese leadership was not at all interested in any aggravation of relations with the new U.S. administration during the period between a visit of the U.S. Secretary of State Hillary Clinton to Beijing (February 20—22) and the first meeting of Hu Jintao with Barack Obama planned for April 1, 2009, at the G20 summit in London. This was why certain American political analysts characterized the incident with the “Impeccable” as a purely local initiative not coordinated with the Center, which was, nevertheless, “a sign of the aggressive behavior of China, especially in the South China Sea”²³.

In turn, Chinese analysts tied this incident to the desire of the military circles in the United States to remind Barack Obama of China's stronger positions in the sea and render more difficult a “strategic rapprochement” with Beijing planned by the new U.S. President²⁴.

Similar view, but with placing responsibility on Chinese seamen, was expressed by M. Chase from the military naval college in Newport. He recalled that the incident on March 9 was not an isolated episode: prior to it, on March 4 and 5, Chinese vessels obstructed the sailing of another American reconnaissance vessel — “Victorious” — some 200 kilometers from the shore in the Yellow Sea²⁵.

Formally, the incident with the “Impeccable” was settled quickly — either after interference of the central Chinese leadership, or after Obama's approval to send a missile destroyer to protect the reconnaissance vessel during its sailing in the region.

However, this episode did influence in a certain manner the attitude of both sides toward each other's policies in East Asia.

Serious changes occurred in Beijing's policy toward the Democratic People's Republic of Korea in 2009—2010.

By 2009 China became annoyed with Pyongyang's efforts to retard the resumption of the six-party negotiations on the denuclearization of the Korean Peninsula, in which Beijing wished to play a leading part. The journal *Shijie Zhishi* (“Knowledge about the World”) published under the aegis of China's Foreign Ministry wrote that thanks to a “shrewd conduct” in dealing with the Bush administration North Korean diplomacy gained everything it wished during the six years of six-party negotiations: exploded

a nuclear device, declared the DPRK a nuclear country, and apart from that, received a considerable assistance in the form of oil and food products... “Meanwhile, America has lost time and money without getting anything in return”²⁶.

Pyongyang's test of a carrier rocket which allegedly put a communication satellite on to a near-earth orbit on April 5, 2009, was assessed by the UN Security Council as a violation of its resolution No. 1718 of October 14, 2006 (it demanded that the DPRK refrain from new nuclear tests or launchings of ballistic missiles). A statement of the President of the Security Council demanded that Pyongyang should not launch ballistic missiles in the future. The North Korean side rejected it and announced its withdrawal from the six-party negotiations, as well as its decision to restore the nuclear objects which had been previously put out of functioning²⁷.

China had to define its position on the DPRK urgently, both with regard to its concrete actions and in long-term strategic plans. Serious discussion unfolded in the official and expert circles on this problem, which was also reflected in the mass media. The most critical attitude toward the DPRK was expressed in Cai Jian's article published in *Shijie Zhishi* on May 1, 2009²⁸. It clearly stated that “China does not wish North Korea to turn into a state possessing nuclear weapon”, inasmuch as this would bring serious harm to the vital interests of the PRC, by creating considerable restrictions of, or even a threat to, their implementation. The DPRK attempts to create nuclear weapon were denounced as “extremely adventurous actions”.

Besides, the article contained a transparent hint on a possibility of lowering the level of Beijing's relations with Pyongyang for the sake of improving China's relations with the United States. First, it was noted that “of all problems of the Korean Peninsula the greatest coincidence of China's and the U.S.A.'s positions was in the matter of its denuclearization”. Secondly, it was stated that “in the long-term context, the problem of the nuclear DPRK was not a conflict problem in the relations between it and the United States. This was a problem of the correlation of China's global strategy and the strategy of the U.S.A. in the Asia-Pacific Region”. In this connection, Cai Jian concluded, a balance between the Chinese-North Korean and Chinese-American relations merits special attention.

The second underground nuclear explosion carried out by Pyongyang on May 25, 2009 (the first was in October 2006) exceeded the limits of pa-

tience of Beijing, which joined the resolution of the UN Security Council No. 1874 of June 12, 2009, denouncing this act of the DPRK. On June 3 the nuclear problem of Korea was discussed over the phone by the leaders of the PRC and the U.S.A. during the period of preparation of this resolution²⁹.

In the view of Bonny Glaser, an American expert from the Washington Center for Strategic and International Studies, the unusually sharp reaction of Beijing to the nuclear test of the DPRK could be explained by the fact that previously China believed that Pyongyang's nuclear program was used by it as a means of exchange for normalizing relations with the United States, however, after May 25 it became clear that the real aim of Pyongyang was gaining a nuclear status³⁰.

In June-July 2009 an impression was created, especially in the United States, that China was as close as it had never been to join “the united front of total pressure on the DPRK consisting of the United States, Japan and the Republic of Korea. However, this did not happen. China did not want to be drawn in the game of others with unpredictable consequences and gradually revived its special relations with the DPRK, considering them more effective for preserving the status quo on the Korean Peninsula. The 60th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the PRC and the DPRK and the proclamation of 2009 the “Year of China-DPRK Friendship” were good pretexts for this.

In September 2009 Dai Bingguo, a member of the PRC State Council, visited Pyongyang as the special representative of Hu Jintao. A month later Wen Jiabao, the State Council Chairman, came to Pyongyang to confirm Beijing's course aimed at preserving traditional friendship and cooperation with the DPRK.

The tone of publications about the DPRK in the Chinese press, including *Shijie Zhishi*, has changed sharply. Now it was emphasized that domestic stability is a prerequisite for a solution of the nuclear problem of the DPRK through a dialogue and that it corresponds to the interests of all neighboring countries which are called upon “not to bring pressure to bear on Pyongyang”. It was noted that it is necessary to see the errors of not only the North Korean, but also the American side³¹.

This noticeable change of its position was explained in China by its striving to help Pyongyang to put an end to international isolation, ensure stability on the Korean Peninsula, and return the DPRK to “the road of a

dialogue for solving the nuclear problem". The softening of Beijing's position on the DPRK was received by part of the world public opinion critically, as admitted by Chinese political analysts themselves³².

Soon this criticism became heavier. The sharp aggravation of the inter-Korean relations in 2010 provoked by the blowing up of the South Korean corvette "Cheonan" and the bombardment of Yeonpyeong Island under the jurisdiction of Seoul laid bare the principally different approach of China and the West to the DPRK and the ways to resolve the situation on the Korean Peninsula. Guided by its own interests, China was against laying the blame for the incident solely on Pyongyang, stepped up political contacts with it and increased economic assistance to the DPRK. In this connection American political analysts accused Beijing of weakening its interaction with the West in resolving the problems of the Korean Peninsula³³.

China's relations with Japan have also exacerbated, although they positively developed after resignation of Koizumi's government: an exchange of visits by the two countries' leaders has taken place, Chinese-Japanese strategic and economic dialogues have developed, and bilateral contacts in the defense sphere have become more active³⁴. However, the detention of a Chinese fishing vessel on September 8, 2010 by the Japanese side and the arrest of its captain for "unlawful fishing" in the vicinity of the disputed Diaoyudao (Senkaku) Island caused an unusually strong reaction of Beijing. China immediately announced postponement of negotiations on an increase of the number of flights between the two countries and a stop to the exchange of visits of official persons at the level of provincial administration and higher. The question of a release of the Chinese captain was only resolved after China's Premier Wen Jiabao who was in New York at the time demanded it on September 21 and threatened the Japanese side with serious consequences. One of them was China's cancellation of its export of rare-earth elements to Japan necessary for the production of a wide range of electronic commodities.

Chinese political analysts believe that the harsh behavior of both sides shows the growing competition between China and Japan for ensuring their safety in the seas and for obtaining marine resources. The strengthening of the American-Japanese alliance, which considerably worsened the general security situation in the region, was an especially unpleasant consequence of the incident for China³⁵.

In 2009—2010 disputes between China and a number of Southeast Asian countries, above all the Philippines, Vietnam, and partly Malaysia, on the problem of sovereignty over the islands and the delimitation of the shelf and water area in the South China Sea markedly exacerbated.

After the endorsement of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea by the PRC, Philippines and Vietnam in 2002, which envisaged the orientation of the countries concerned to resolving disputed problems by peaceful negotiations and their obligation to refrain from threats and hostile acts, passions around this complex problem have died down for some time.

However, the situation remained calm for only a short time. In view of the moratorium on applications for sections of the shelf around the island coming to an end, which was envisaged by the UN Convention on the Law of the Sea of 1982, Vietnam and the Philippines stepped up their activities aimed at sealing the status quo of their sovereignty over the islands under their control. The situation has become more complex after the results of geological prospecting work have revealed a considerable potential of oil extraction in the area of the South China Sea.

On February 2, 2009, the House of Representatives of the Philippine parliament passed a Bill on Defining the Archipelagic Baselines of the Philippine Archipelago, in accordance with which the group of islands of Nansha (Spratly) Archipelago, which Manila called “Kalayaan Archipelago”, was within the bounds of the main sea border of the Philippines. On March 10 the law was endorsed by the Philippine President. On May 6 Vietnam and Malaysia submitted their joint draft project to the UN on delimitation of the shelf in the South China Sea outside the boundaries of the 200-mile exclusive economic zone.

The permanent representative of the PRC to the UN submitted to the Secretary-General Ban Ki-moon a note demanding to refrain from examining the draft project of Vietnam and Malaysia³⁶. According to certain experts, a well-known Chinese map with a U-shaped contour of the sea border of China in the South China Sea was presented to the UN commission, which claimed 80 percent of the sea area as a possession of China³⁷. On May 8 Vietnam again submitted its former draft project, this time individually. An exchange of protests between Beijing and Hanoi followed suit.

Oil on the flames was poured by the U.S. Secretary of State Hillary Clinton, when she announced the “U.S. return to Asia” at a meeting of

the Asian Regional Forum on the island of Phuket in Thailand on July 22. The exacerbation of the conflict in the South China Sea has created favorable opportunities for the United States' interference in the situation under the pretext of "protecting the freedom of navigation". Besides, the United States suggested that the ASEAN countries, which claimed and which did not claim any islands in the South China Sea, but simply feared the growing might of China, broaden their ties with Washington, especially in the military sphere, as an insurance against risks. "Hedging" on the basis of opposition to China, which was regarded as hypothetical several years ago, became a reality in the region of the South China Sea in 2009.

In 2010 the situation became still more dangerous due to widespread rumors about the inclusion of the problem of sovereignty over the islands of the South China Sea in the list of "China's core interests".

Certain foreign experts speak about this as of a *fait accompli*³⁸. But this is not so. The question has widely been discussed in the PRC at the "Strong State" (Qiangguo lungtan) Internet forum, with over 90 percent of those taking part speaking in favor of such inclusion. However, this was not officially declared. Nevertheless, as quite a few Chinese political analysts stated, "rumors about the inclusion of the question about the South Sea in the list of our core interests have dealt a blow at the image of China as a responsible power"³⁹.

Perhaps, just this confrontation in the South China Sea, as compared to other conflicts, has increased doubts of part of the world community concerning the desire of stronger China to continue to adhere to the policy of good-neighborliness. On the whole, greater vigor in 2009—2010 has brought few dividends to Beijing. Moreover, the international situation around China has become more complex.

Critically analyzing this period of the PRC foreign policy, certain Chinese political analysts have come to the conclusion that the overestimation of the country's might, the aggressive style of behavior in international relations and the growth of nationalistic sentiments lead to "greater misunderstanding in the perception of China by the outer world, negatively influence the effectiveness of its foreign policy and inflict harm on its state interests"⁴⁰.

From the end of 2010 the Chinese leadership began to make considerable **corrections to its foreign-policy course**, which were supposed to show the invariable adherence of Beijing to the course aimed at peaceful devel-

opment, good-neighborliness, mutual benefit, and solution of any disputed problems through a dialogue.

One of the first signals of this was an article written by Dai Bingguo, a member of the PRC State Council, placed on the site of China's Foreign Ministry on December 6, 2010, and later published in the mass media, including foreign ones. Dai Bingguo tried to assure the potentially great audience of readers that the PRC had no secret ambition, secret agenda or intentions to achieve hegemony, but adheres to the path of peaceful development “for the next one hundred and even thousand years”. Dai Bingguo called on the world community to welcome China's peaceful development, but not fear it, help and support it, but not attempt to undermine and contain the efforts of the PRC.

At the same time the world community was asked “to understand and respect the legitimate interests and cares of China in the course of its peaceful development”. It was specially emphasized that a development path could not be chosen which would harm national interests. The latter include the preservation of the existing political system (the CPC leadership and the socialist path of development), sovereignty, territorial integrity, national unity and protection of the basic guarantees of stable economic development⁴¹.

The main ideas of Dai Bingguo's article were included and developed in the White Paper of the PRC State Council “Peaceful Development of China” dated September 6, 2011. A special section of the White Paper characterizing China's foreign policy proclaims as its aims a contribution to the construction of a harmonious world; independent course based on the five principles of peaceful coexistence; assistance to new approach to ensuring security based on mutual trust, mutual benefit, equality and coordination; proper international responsibility; orientation to regional cooperation and good-neighborliness. Just as in Dai Bingguo's article, the concluding section of the document expressed the hope that the world community would believe in the sincerity of the Chinese people and their determination to go forward along the peaceful development road and will contribute to this course instead of obstructing it⁴².

Many publications have appeared in the Chinese mass media claiming that Deng Xiaoping's foreign-policy behests calling on China to display caution in international affairs are a long-term orientation for the country, but not a forced tactical ruse, which should be renounced in due time. As

the well-known Chinese diplomat Wu Jianmin, the former PRC Ambassador to France, emphasized, Deng Xiaoping's key principle "not to boast of one's talents" was aimed at preserving possibilities for China to develop and cooperate with other countries.

Wu Jianmin criticized those who advocated transfer to more offensive methods in Chinese foreign policy, especially in resolving disputes with foreign countries. "These persons", Wu emphasized, "have forgotten that the epoch has changed and he who provokes war will lose sympathy and will find himself in a passive position and isolation"⁴³. The rapidly changing international situation, as noted by the President of the Chinese People's Diplomacy Association Yang Wenchang, demands that China should be "thoroughly observant", and only then will it be able to reveal the real tendencies of the epoch⁴⁴.

Articles written by high-ranking diplomats explaining the present-day foreign-policy course of the country are now published more frequently in the PRC.

From the end of 2010 groups of authoritative retired Chinese diplomats were being sent to foreign countries for talks and discussions with experts and officials in the United States, Canada, Russia, Kazakhstan, India, France, and elsewhere to explain China's policy. Certain corrections have now been made in practical policy.

A long-term course has been taken to draw a worthy, favorable image of China, reflecting its peaceableness, responsibility to the world community and adherence to general development⁴⁵. The implementation of this task is seen, above all, in greater attractiveness of Chinese culture abroad and the strengthening of China's international cultural influence. Meanwhile, certain world experts see the weakest spot of Chinese "soft power" not in the cultural sphere, but in political institutions and diplomacy (as they are perceived in the world)⁴⁶. In this context it is natural that the next step of the PRC, following its enthusiasm about the concept of "soft power" during a preceding period, will be a thorough approach to the concept of "smart power"⁴⁷.

The corrected **foreign-policy course of the PRC retains its global character**. As before, it pays special attention to Africa, which comes out as a "shop window" of the effectiveness of Chinese assistance, and also as a source of oil, mineral raw material resources, agricultural lands, and also in connection with the Arab Spring, which directly touched at the mini-

mum on the economic interests of Beijing. The global assessment of China's international activity should also include its growing activity in the Arctic regions (the first monographs on the subject have already been published in the PRC) and in Antarctica, although by assessments of western political analysts, China is still a medium power having desires and aspirations of a great power⁴⁸.

Despite regular contacts of high PRC officials with the functionaries of the European Union and its member countries, there is a feeling that Beijing's activity in the European direction has become somewhat lower. This could be explained by China's wait-and-see position in the conditions of the still continuing situation of the European debt crisis. A certain role is also played by the fact that the European Union, while looking for China's effective assistance in solving its financial problems, evades satisfaction of the counterclaims to recognize the PRC as a market economy and lift an embargo on selling military hardware and technology to it.

At the same time in the regional directions of Beijing's foreign policy **priority is given to the states adjacent to China** and the subregions of East, Southeast and South Asia. It is this belt that remains the principal zone of the realization of the PRC state interests in the international arena. It is precisely there that frictions and misunderstanding are concentrated caused by Beijing's vigorous actions in 2009—2010. As the Chinese mass media stated in early 2012, “China should improve relations, above all, with its neighbors”⁴⁹.

Some improvement of relations with Japan was seen in the first half of 2012. A visit of the new Prime Minister of Japan, Yoshihiko Noda, to the PRC has taken place, agreement has been reached on using national currencies in mutual trade and innovative deals, and efforts have been resumed in the development of integration in the China-Japan-Republic of Korea “triangle”. The President of the Republic of Korea Lee Myung-bak has also visited the PRC, having put an end to a certain cooling of political relations between the two countries due to their differences in assessing the reasons for tension on the Korean Peninsula.

The political and economic support of China contributed to the preservation of stability in the DPRK after the sudden death of Kim Jong Il. Beijing exerts great efforts to resume the six-party negotiations on resolving the nuclear problem of the Korean Peninsula.

Steps have been taken to improve relations with India, which have been marked with hidden tension in 2009—2010, due to mutual suspicions caused by the uncompromising attitude of both to resolving the border problem⁵⁰. In September 2011 the first round of the Chinese-Indian strategic economic dialogue took place in Beijing. And on January 17, 2012, a bilateral intergovernmental agreement was signed in New Delhi on creating a consultative coordination mechanism on border territories. It is aimed at strengthening cooperation between China and India to ensure peace and tranquillity on border territories of the two countries.

The situation in the South China Sea has developed somewhat differently. China continued to increase pressure there up to the middle of 2011. On May 26, three Chinese vessels blocked the sailing of the ship “Binmin 02” belonging to the Vietnamese government oil and gas company, which “carried on seismic prospecting work on the continental shelf and in the exclusive economic zone of Vietnam”. The underwater cable of the Vietnamese vessel was cut off by a special device⁵¹. However, inasmuch as neither Beijing nor Hanoi was interested in increasing tension and worsening bilateral relations, the two sides reached a compromise and signed an Agreement on Basic Principles for Resolving Maritime Issues Between the PRC and the SRV during a visit of the leader of the Vietnamese Communist Party Nguyen Phu Trong to China in October 2011. Under the agreement China and Vietnam pledged to guarantee peace and stability in the South China Sea until the final solution of disputed problems and not to undertake actions capable to aggravate the situation⁵².

China's dispute with the Philippines took a different turn. At the end of August 2011, during a visit of the Philippine President Benigno Aquino to the PRC, the two sides exchanged views on the conflict in the South China Sea, but did not come to drawing their positions closer together. They only agreed on that the conflict should not influence “a broader picture of friendship and cooperation between the two countries”⁵³. However, soon the active participation of the Philippines in military exercises with the United States, Manila's call on the ASEAN countries to set up a united front to oppose China, and its insistent defining of the western part of the water area of the South China Sea as the “Western Philippine Sea” strongly annoyed Beijing. Calls were heard there “to punish the Philippines” in order “to discourage certain nations in their desire to join the United States in containing China”⁵⁴.

In the heat of the disputes with the Philippines and on the eve of the East Asia Summit, whose agenda was supposed to include discussion of the situation in the South China Sea on the insistence of the United States, the PRC Foreign Ministry has published a White Paper on the results of China-ASEAN cooperation in 1991–2011. The main aim of the document was to show a broad picture and favorable development of bilateral cooperation in the most diverse spheres during the preceding two decades and convince the regional states of China's desire always to be “their good friend, good neighbor and good partner”⁵⁵. And the leading Chinese mass media expressed the hope that “most ASEAN countries would not fall into the trap of disputes about the South China Sea, which should be resolved through bilateral dialogues of the countries concerned”⁵⁶.

By early 2012 tension in the zone of the South China Sea has subsided. On January 14, 2012, a conference between China and ASEAN countries was held in Beijing on the implementation of the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea in the context of the tenth anniversary of its adoption to be marked this year. The countries involved expressed the desire “to promote business cooperation” and “ensure peace and stability” in the region⁵⁷.

Naturally, disputes about the South China Sea have somewhat died down but not stopped. Taking into account serious difficulties connected with China's maximalist position and the absence of sufficient support of it by the international community, Chinese experts began to evolve reserve variants. One of them boiled down to concentrating attention around the sovereignty of Xisha and Nansha (Paracel and Spratly) islands, making concession on the question of control over the sea itself⁵⁸. On February 29, 2012, the official spokesman of the PRC Foreign Ministry Hong Lei stated that “no country, China included, demands the establishment of its sovereignty over the entire South China Sea”.

True, calls of a more radical character can be heard in China, too — “not to put the course of the country's revival under threat by inadequate behavior in the South China Sea”. In the view of Colonel Qiao Liang, China's potential gains from complete control over the South China Sea are incomparably smaller than the gains for the cause of modernization already received from cooperation with the outer world. On the whole, he maintains, “China's rise requires strategic wisdom and strategic patience”⁵⁹.

In China's bilateral relations with individual countries, the priority character of its **relations with the United States** has become more pronounced. One of the aims of the present corrections to Beijing's foreign-policy course is to lower the anti-Chinese spirit of Washington's policy, especially its declared strategy of "return to Asia", thereby improving the general foreign medium of the PRC development.

As reported by the well-known American political analyst and scholar of China D. Shambaugh, at the annual meeting of the China's Association of International Relations in Lanzhou in 2010, pride of place was given to the recommendation "not to enter into confrontation with America"⁶⁰.

The correlation of power of the two countries was assessed in more modest terms. The head of the Planning Department of the PRC Foreign Ministry, Le Yucheng stated that "not a single country will be able to become an equal rival for the United States within the next 20 to 30 years"⁶¹.

The optimal for China variant of its relations with the U.S.A. was reflected in the Joint China-U.S. Statement signed on January 19, 2011, during an official visit of Hu Jintao to the United States. The premise that the U.S.A. ... welcomes strong, prosperous and successful China playing a still greater role in world affairs is of principle importance for the positive development of bilateral relations. China welcomes the United States as an Asia-Pacific nation contributing to peace, stability and prosperity of the region. The adherence of both China and the United States to promotion of partnership based on mutual respect and mutual benefit was also declared⁶².

From that moment on there has been a certain bifurcation in China's approach to the United States; at the official level a very cautious position prevails, the relations with Washington are always described as "mainly good", and "sound". At the same time, the expert community frequently gives rather harsh assessments of the U.S. policy, especially its "returning to Asia" and joining the Trans-Pacific Partnership.

It was only at the end of 2011-beginning of 2012 that the official and expert assessments became closer, perhaps, on the eve of a visit of Xi Jinping to the United States, which took place in February 2012. Thus, the director of the Institute of the U.S.A. at the Chinese Academy of Contemporary International Relations Yuan Peng admitted at an annual conference on the results of China's foreign policy in 2011 that the shifting of the strategic center of gravity of the U.S. global policy in the Asia-Pacific Region "was not fully determined by China and directed against it"⁶³. Ameri-

can experts hold similar view, reiterating that the growing importance of Asia and the APR for the national interests of the United States has invariably been emphasized by the last four U.S. presidents, beginning with G. Bush, Sr., and that this course has not been a result of China's rise⁶⁴.

In any case, however, the process of mutual adaptation and search for a format of relations suitable for both the PRC and the U.S.A. in the foreseeable future has not yet been completed.

The relations with **Russia** remain of primary importance for China from the point of view of ensuring national security, inasmuch as strategic partnership and equal interaction sealed by the bilateral Treaty on Good-neighborliness, Friendship and Cooperation of 2001 serves as a guarantee from any attempts to encircle the PRC along the border perimeter. Speaking in Munich at the conference on security problems on February 4, 2012, the Foreign Minister of the Russian Federation S. Lavrov stated: "We will not take part in any construction schemes aimed at containing China, which is our good neighbor and strategic partner"⁶⁵.

The veto imposed twice by China and Russia when the unilateral, unbalanced draft resolutions on Syria were discussed in the UN Security Council testifies to similarity of the attitude of Beijing and Moscow to certain specific features of present-day international relations.

In 2011 bilateral trade grew dynamically and its volume reached, according to Chinese customs statistics, \$79.25 billion, and according to Russian custom statistics — \$83.5 billion.

Of course, the considerable growth of China's role in world politics and economy puts new problems and tasks before Russia — both in bilateral cooperation and in interaction in different formats and in different spheres in the international arena. However, given the further development and broadening of equal partnership and strategic interaction, all these problems can be tackled successfully. The main factor here is growing mutual trust and the creation of a stably positive image of the partner country among the population, expert community, business and political elites of China and Russia.

* * *

Discussions concerning the new aspects of China's foreign policy and its possible evolution continue in that country itself and in the rest of the world. The 18th Congress of the ruling Communist Party of China have

confirmed the intention of the PPC to adhere further to a “peaceful road of development”, as well as the desire “to take more active participation in the world affairs and to play a role of a responsible power”.

Notes

¹ A Special Report on China's Place in the World. “Less Biding and Hiding: China is Becoming More Nationalistic and More Assertive”; The Danger of Rising China: China and America are Bound to Be Rivals, but They Do Not Have to Be Antagonists”, *The Economist*, 2010, Dec. 2.

² D. Shambaugh, “Coping with a Conflicted China”, *The Washington Quarterly*, 2011, Vol. 34, No. 1, Winter, p. 7

³ See for example: Th. Christensen, “The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy”, *Foreign Affairs*, 2011, March-April; N. Bisley, “Biding and Hiding No Longer: A More Assertive China Rattles the Region”, *Global Asia*, Seoul, 2011, Vol. 6, No. 4, Winter.

⁴ Mao Zhonggen, Hong Tao, “From a Producing Country to a Consuming Country: Present State, Mechanism and Policy”, *Xinhua Wenzhai*, Beijing, 2011, No. 19, p. 54 (*in Chinese*).

⁵ *The Economist*, London, 2011, Dec. 31. With reference to Pew Research Center.

⁶ Mao Zhonggen, Hong Tao, *op. cit.*, p. 53.

⁷ “The Historic Breakthrough; China Determined its Vital State Interests for the First Time”, *Shijie Zhishi*, Beijing, 2011, No. 19, p. 20 (*in Chinese*).

⁸ Calculations based on the IMF data make it possible to evaluate the contribution of the GDP growth in China to the increment of the world GDP (in \$, in current prices) for the past three years (2009—2011) at 19.7 %.

⁹ Chen Yue, “New Reference Points and Specific Features of Chinese Foreign Policy at Present”, *Zhongguo Waijiao*, Beijing, 2011, No. 10, p. 4. The article was first published in the magazine *Jilin daxue shehui kexue xuebao*, Changchun, 2011, No. 3, pp. 25—29.

¹⁰ *Liaowang*, Beijing, 2011, No. 37, p. 27.

¹¹ Chen Yue, *op. cit.*, p. 4.

¹² Yang Jiemian, “Thinking about the “Four Groups” and Present Specificities of Restructuring World Forces”, *Shijie Jingji Yu Zhengzhi*, Beijing, 2010, No. 3, pp. 4, 11—12 (*in Chinese*).

¹³ “China Will, as Before, Remain a Developing State for a Comparatively Long Time, *Qiushi*, Beijing, 2010, No. 12, pp. 42–44 (*in Chinese*).

¹⁴ See: Ye Zicheng, “Foreign Policy of China in 2011: The Year of Trials for the Country's Diplomacy”, *China at the Wheel of History — The Macroanalysis of Present-Day International and Domestic Situation. Annual Report for 2010–2011*. Qin Chaoyin (Ed.-in-Chief). Beijing: Zhongguo fazhan chubanshe, 2011, pp. 109–111 (*in Chinese*).

¹⁵ Chen Yue, *op. cit.*, p. 5.

¹⁶ See: Ya. Berger, “Evolyutsiya geopoliticheskikh vzglyadov v Kitaye [Evolution of Geopolitical Views in China]”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2010, No. 4, pp. 23–37; D. Shambaugh”, “Coping with a Conflicted China”, *The Washington Quarterly*, 2011, Winter, pp. 7–27.

¹⁷ Wang Xiaodong's views are described in A. Gabuyev's article *Kitayskiye natsionalisty: shtrikhi k intellektual'nomu portretu Van Syaoduna* [Chinese Nationalists: Touches to the Intellectual Portrait of Wang Xiaodong], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2010, No. 3, pp. 78–95.

¹⁸ As L. Jakobson noted in her work *New Foreign Policy Actors in China*, in many interviews of Western scholars with the PRC experts and officials the “netizens”, that is people who voice their opinions or take part in the Internet discussions, were characterized as “a new pressure group that exerts indirect but still more noticeable influence on the formulation of foreign policy” (L. Jakobson, D. Knox, *New Foreign Policy Actors in China*”, SIPRI Policy Paper: Stockholm, 2010. No. 26, September, p. 44). L. Jakobson has represented SIPRI in Beijing for a number of years.

¹⁹ Yuan Kun, *China Has No Alternative but...* Beijing, Zhongyang bianze chubanshe, 2010 (*in Chinese*).

²⁰ Hu Angang, Yan Yilung, Wei Xing, *China 2030 — to Universal Prosperity*, Beijing, Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2011, p. 30 (*in Chinese*).

²¹ D. Shambaugh, “Coping with a Conflicted China”, p. 24.

²² URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_\(T-AGOS-23\)](http://en.wikipedia.org/wiki/USNS_Impeccable_(T-AGOS-23)).

²³ E. McVadon, “The Reckless and the Resolute: Confrontation in the South China Sea”, *China Security*, Washington, 2009, Vol. 5, No. 2, pp. 3–17. Quotation — p. 7.

²⁴ *2010 Zhongguo guoji diwei baogao* [Report on China's International Status 2010], Beijing, Renmin chubanshe, 2010, p. 261.

²⁵ M. Chase, “Chinese Suspicion and U.S. Intentions”, *Survival*, Washington, 2011, Vol. 53, No. 3, June-July, pp. 133–150.

²⁶ Zhang Liangui, “The Korean Peninsula: 'On the Brink of War'?” *Shijie Zhishi*, Beijing, 2009, No. 5, pp. 14–23. Quotation — p. 23.

²⁷ 2010 Zhongguo guoji diwei baogao, p. 277.

²⁸ Cai Jian, “The New Exacerbation of Nuclear Crisis in North Korea. How China Should Oppose It”, *Shijie zhishi*, Beijing, 2009, No. 9, pp. 27–29 (*in Chinese*).

²⁹ 2010 Zhongguo guoji diwei baogao, pp. 277, 281.

³⁰ B. Glaser, “China's Policy in the Wake of the Second DPRK Nuclear Test”, *China Security*, 2009, Vol. 5, No. 2, pp. 39–40.

³¹ Yu Shaohua, “The Nuclear Problem of the DPRK: Looking for the Outcome”, *Shijie zhishi*, 2009, No. 18, pp. 30–31.

³² 2010 Zhongguo guoji diwei baogao, p. 283.

³³ The specific list of claims to China's policy toward the DPRK in 2010 is contained in T. Christensen's article “The Advantages of Assertive China. Responding to Beijing's Abrasive Diplomacy” (*Foreign Affairs*, 2011, March-April. For the Russian version of events see: A. Zhebin, “Koreiskiy poluostrov: u opasnoy cherty [The Korean Peninsula: At a Dangerous Line]”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2011, No. 1, pp. 123–134.

³⁴ 2010 Zhongguo guoji diwei baogao, pp. 268–272.

³⁵ 2011 Zhongguo guoji diwei baogao [Report on China's International Status 2011], Beijing, Renmin chubanshe, 2011, pp. 231–236.

³⁶ Zhongguo guoji diwei baogao, 2010, pp. 287–289.

³⁷ See: Ya. Leksytina, “Obostreniye napryazhyonnosti v Yuzhno-Kitayskom more: vzglyad iz YuVA, KNR i SSHA [Exacerbation of Tension in the South China Sea: Views from SEA, the PRC and the U.S.A.]”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2011, No. 5, p. 34.

³⁸ Nick Bisley refers to a Chinese official person who said in a private conversation with Hillary Clinton in March 2010 that from now on China would regard its rights in the South China Sea as a “vital interest”, that is, a strategic priority of the highest order (N. Bisley, *op. cit.*).

³⁹ Ye Zicheng, *op. cit.*, p. 97. In the PRC the South China Sea is called the “South Sea”.

⁴⁰ *Ibid.*, pp. 118–119.

⁴¹ Dai Bingguo, “We Must Stick to the Path of Peaceful Development”, *Foreign Affairs Journal*, Chinese People's Institute of Foreign Affairs, Beijing, 2011, Spring, pp. 1–16.

⁴² “Peaceful Development of China. Information Office of the PRC State Council. September 2011”, *Beijing Review*, 2011, No. 37, September 15 (*in Chinese*).

⁴³ Wu Jianmin, “The Next Ten Years of International Situation”, *Zhongguo waijiao*, 2011, No. 9, pp. 3–5 (*in Chinese*).

⁴⁴ Yang Wenchang, “Diplomatic Words of Wisdom”, *China Daily*, 2011, October 29.

⁴⁵ Yang Jiechi Tells about China's Foreign Policy in 2011. To Conquer Challenges, Protect the Interests of the State. — URL: <http://world.people.com.cn/GB/16781588.html>, 02.01.2012 (*in Chinese*).

⁴⁶ See: G. Holyk, “Paper Tiger? Chinese Soft Power in East Asia”, *Political Science Quarterly*, New York, 2011, Vol. 126, No. 2, pp. 223—254.

⁴⁷ The concept of “smart power” was put forward by Suzanne Nossel in 2004 in the *Foreign Affairs* journal.

⁴⁸ A. Brady, “China's Rise in Antarctica?” *Asian Survey*, Berkeley, 2010, Vol. 50, No. 4, July-August, pp. 759—785. Here — p. 781.

⁴⁹ New specific features of China's diplomacy with neighboring countries and regions: expansion of cooperation and “cooling” of burning questions. URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>

⁵⁰ During a visit of the Prime Minister of India M. Singh to China in 2008 the two sides for the first time exchanged their projects of a possible framework agreement, including territorial concessions as a road to gradual solution to the border dispute. However, they did not contain anything new, “the parties proved unable to free themselves from mutual suspicions” (Jacob Jabin, “The Sino-Indian Boundary Dispute: Sub-National Units as Ice-breakers”, *Eurasia Border Review*, Slavic Research Center at Hokkaido University, 2011, Vol. 2, No. 1, Summer, pp. 35—45. Here — pp. 37—38.

⁵¹ “China Violates Sovereignty”, *Viet Nam News*, Hanoi, 2011, May 30.

⁵² The China-Vietnam Joint Statement: China and Vietnam declared their intention to resolve all maritime disputes in a proper manner. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7618050.html>.

⁵³ “Joint Statement of the People's Republic of China and the Republic of the Philippines. Beijing, September 1, 2011”, *Beijing Review*, 2011, September 22.

⁵⁴ “Philippines Walking a Very Fine Line. Editorial”, *Global Times*, Beijing, 2011, November 17.

⁵⁵ “China-ASEAN Cooperation: 1991—2011”, *China Daily*, 2011, November 17.

⁵⁶ Liu Weidong, “East Asia Summit Agenda”, *China Daily*, 2011, November 16.

⁵⁷ URL: <http://russian1.people.com.cn/95181/7733697.html>.

⁵⁸ This proposal put forward as a “Norwegian idea” was contained in a report by Li Gang, an associate of the Institute of World Development at the Development Research Center of the PRC State Council, “China in the Process of Dealing with Challenges Connected with the Disputes over the South Sea”, World Development Working Paper Series, Beijing, 2011, August (*in Chinese*). Along with this, the idea to “stick to the islands, but agree to concessions on the use of the sea area”, was also voiced by Huang Guifang, a Chinese participant in the conference on problems of cooperation of the RF and the PRC in BRICS and APR (Moscow, December 1—2, 2011).

⁵⁹ See: *Fenhuang zhoukan*, Shenzheng, 2011, No. 30, pp. 68–71. The Weekly *Fenguang* (Phoenix) is considered to belong to Hong Kong capital and published in Shenzheng.

⁶⁰ D. Shambaugh, *op. cit.*, pp. 19–20.

⁶¹ Le Yucheng, “Certain Views and Reflections on International Situation and China’s Diplomacy”, *Zhongguo waijiao*, 2011, No. 5, pp. 3–8 (*in Chinese*).

⁶² URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/01/19US-China-joint-statement>.

⁶³ Chinese experts: next year will be crucial for Chinese-American relations, and it will demand a proper reaction from both sides. URL: <http://russian1.people.com.cn/31521/7680668.html>.

⁶⁴ R. Cossa, B. Glosserman, “Return to Asia: It’s Not (All) About China”, *PacNet*, 2012, No. 7, January 30. Pacific Forum CSIS, Honolulu. URL: www.pacforum.org

⁶⁵ URL: <http://www.mid.ru.>, 2012, February 4.

RUSSIAN ASSESSMENTS OF THE U.S. “RETURN” TO THE ASIA-PACIFIC REGION

At first, in the middle of 2009, Obama administration's proclaimed “return” of the United States to Asia (precisely to the Asia-Pacific region, APR) did not raise much interest in Russia. Other aspects of Washington's foreign policy, those directly connected with the U.S.-Russian relations, held far more importance for Moscow. In the first place, hopes for a “reset” in the U.S.-Russian relations, i.e. their comprehensive improvement, were directly connected with the progress reached in negotiations over the strategic offensive weapons, rejection of U.S. plans to deploy elements of the Anti-Missile Defense (AMD) in the Czech Republic and Poland, which had been put forward by the previous administration of George W. Bush, as well as with Washington's abandonment of the impudent policy of getting into NATO post-Soviet states, namely Georgia and Ukraine. It is not very hard to note that for Russia these priority directions of the bilateral U.S.-Russian relations, in geographic terms, belong to the European or the wider Euro-Atlantic segment of world geopolitics.

Aggravation of situation around the Korean Peninsula in 2010, related to the sinking of the South Korean vessel Cheonan and the North Korean shelling of the island Yeonpyeong controlled by the South, apparently became the main driving motive for Moscow to dedicate increased attention to the East and Southeast Asia regions. Besides, preparations for the summit of the Organization for Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) in Vladivostok in September 2012 also became conducive to the actualization of plans for rapid economic development of the Far Eastern regions of Russia and more active inclusion of Russia into the economic life and even into the integration processes inside the APR.

During 2011—beginning of 2012, Russia increased its attention with regards to the events and processes in the APR. “Return” of the United

States to the region has begun to take shape as an open counteraction to China's rise, since China's economy already came second in the world based on its GDP. Up to a certain measure, Washington's policy of revitalization of old alliances and creating new ones in the APR, all done as means to "contain" China, also affects Russia's interests. In addition, some of Russia's citizens have been alerted by China's vigorous policy conducted towards its neighbors during past three years. Under the conditions of pre-election atmosphere inside the Russian Federation, high-level Russian politicians considered it necessary to make sufficiently comprehensive and clear statements on the issue of country's position in the world, including the assessment of the contemporary geopolitical situation in the APR.

Related to this, most interesting are the policy program articles written by Vladimir Putin who was elected for six years term as the President of the Russian Federation on March 4, 2012. In the article "Being Strong: Guarantees to National Security of Russia" Vladimir Putin underlined the necessity to undertake "decisive steps towards the strengthening of the unified system of air-space defense of the country,"¹ elaborating that "on the issue of the AMD deployment the U.S. and NATO force us to undertake such measures." As it is well known, Russia's proposal to set up a joint AMD system with European countries was turned down, while the United States refuses to confirm in writing that the European segment of the AMD is not directed against Russia. Under these conditions, Russia considers the deployment of the U.S. AMD in Europe (this time in Poland and Romania) as the outright breach of the principle of equal security. Russian Deputy-Minister of Defense Anatoly Antonov made a remark in his interview to the "Kommersant" newspaper that "components of the global U.S. AMD system in other regions also bear an anti-Russian potential. Earlier they spoke less about it, since the general attention was concentrated on Europe... integration of the European segment of the AMD together with the antimissile system deployed in Alaska and in the APR increases the comprehensive abilities of the U.S. AMD."²

In whole, noted Vladimir Putin, our country is facing the task of "developing the military potential inside the framework of the policy of deterrence and on the level of defense sufficiency." One of the most important directions here is the full resurrection of the "blue-sea" fleet, above all the Northern and Pacific fleets, as it was concluded by then Prime Minister

Putin³. Explaining the ongoing currency of the doctrine of nuclear deterrence, Anatoly Antonov said: “Let it be understood, life without nuclear weapons is wonderful. But we should gradually move towards the non-nuclear world, creating conditions for it.”⁴

In his article “Russia and the Changing World,”⁵ dedicated to the ongoing phase and prospects of the Russian foreign policy, Vladimir Putin particularly emphasized the increasing role of the APR in international affairs and presented his viewpoint on the topic of Sino-Russian relations. According to him, “with its stand in the international arena China does not provide any reasons to talk about its desire to dominate. Indeed, China’s voice does resonate more confidently in the world and we greet this, since China shares our views on the evolving multi-polar world order.” Vladimir Putin described the established model of Sino-Russian relations as promising, ascertaining the existence of “some roughness” in bilateral relations. Putin made a key remark that “Russia needs flourishing and stable China,” while China needs strong and successful Russia. Making special reference to the “instability” of the Russia-U.S. partnership and essentially putting all the blame on the American side, furthermore, Putin also made a remark about the readiness to “create a qualitative breakthrough” in the relationship with Washington, but “under the condition that in effect Americans will abide by the principles of equal and mutually respectful partnership”⁶.

Commenting upon Putin’s pre-election articles on Russian foreign policy, Fyodor Lukyanov, one of Russia’s leading political scientists and editor-in-chief of the journal “Russia in Global Affairs”, singled out these basic points: a) Russia looks like a country disenchanted by the West, while Putin maintains powerful arsenal of mistrust towards the U.S.; b) Russia began scrutinizing China and Asia as a whole, also doing that through the lenses of development of Siberia and the Far East⁷.

Point about the increased attention dedicated by Russia to Asia was previously confirmed and substantiated by the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov in his interview to the “Izvestiya” newspaper. According to the minister, increased attention was not the result of the current political state of affairs, but a consecutive implementation of “the strategic line taken to forward positions of our country inside the APR,” including the effective link-up of Russia, above all of the regions of Siberia and the Far East, with the Asia-Pacific process of integration. Clarifying Moscow’s po-

sition towards the ongoing «struggle between China and the United States for control over the Pacific» inside the APR, Sergey Lavrov made an appeal not to allow the natural process of increased attention of the international community towards this region to «go down the negative road of sharp competition or, even worse, confrontation.»⁸

Thereby it was emphasized that the joint Sino-Russian initiative for the creation of an “open, transparent, and equal architecture of security and cooperation,” formulated in the Joint Statement of the Russian Federation and the People’s Republic of China on the All-Round Deepening of the Sino-Russian Relations of Partnership and Strategic Interaction (September 27, 2010), represents a conceptual contribution to the maintaining of stability and security in the APR. Inside this document Russia and China issued a call to all countries in the APR to construct their bilateral and multilateral cooperation by adhering to the generally accepted principles of international law, such as “respect sovereignty, independence, and territorial integrity, non-interference into the internal affairs of others; confirm commitment to the principle of equal and indivisible security; confirm the defensive character of their military policies; non-use of military force and avoiding the threat of its use.”⁹

Even though this joint Sino-Russian statement, above all, reflected the inherent logic of the developing bilateral strategic partnership and intentions of Moscow and Beijing to deepen their joint actions in the international arena, furthermore, this also emphasized the concern, shared by both countries regarding the security issues in the APR. This could be viewed as the indirect response to the U.S. proclamation of “return” into that same region. In essence, Russia and China invited the U.S. not to destabilize the situation in the region, refraining from any exhibition of force. Fact that the official Moscow positions itself in the APR closer to Beijing than to Washington was also confirmed by Sergey Lavrov. On February 4, 2012, while giving a speech at the Munich Conference on Security Issues, he reiterated: “We will never take part in any structures directed at containing China, which is our good neighbor and strategic partner.”¹⁰

Compared to the consistent official position of Russia, deliberations among Russian experts have had a much diverse character. Current large number of publications in leading journals dealing with political science and oriental studies in Russia (Russia in Global Affairs, International Affairs, Far Eastern Affairs, Asia and Africa Today), as well as specialized

web pages (Modern Politics Russia, New Eastern Survey), allow us to single out main directions of analysis and initially classify main approaches of Russian political scientists and oriental studies experts to the issue of the U.S. “return” to the APR.

Russian experts, almost unanimously, recognize the fact of such “return” and they primarily explain it as Washington's desire to stabilize its shaken international position and prestige. Stakes are put on the recreation of a system of traditional alliances in the region, with a possibility of encompassing some new members too. The integrating factor of this concept is the opposition to a rapidly growing China. Washington also takes into consideration the increasing role of Asian nations in world economy, aspiring to transform the Asia-Pacific vector of its policy into an effective strategic instrument of revival of the U.S. economy. However, there are certain nuances in the considerations of different experts. Sergey Mihnevich is more prone to consider the activity of the U.S. in Asia as a preventive measure. According to him, with time Asian countries might rally around China which “promotes the alternative model of development and has a goal to reform the present international system.” This political scientist thinks that such considerable strengthening of any country that is ready to squeeze the U.S. out from its leading world position is quite unacceptable for the United States. “On this assumption, the U.S. will put maximum effort to foil such turn of events.”¹¹

Fyodor Lukyanov emphasizes the real aspirations of some countries in the region to ensure themselves, with the help of the United States, from certain risks connected with the rise of China, which was in return also utilized by Washington in its own interest. In his interview to the radio station “Voice of Russia” he noted that the main direction of the U.S. diplomatic quest in the APR is concentrating on “strengthening or elevating to a new alliance level relations with those countries which, according to certain historical or geographical reasons, would like to balance China.” These are traditional allies, such as Australia, Philippines, Singapore, Thailand, and Japan. There are new countries too, like Vietnam. They also try to include into this hesitant India. According to Lukyanov, “there is sense a ring is being closed around China.”¹²

Editor-in-Chief of the Russian Foreign Ministry Journal “International Life” Armen Oganessian supports the standpoint that “soon we will see the strengthening of previous military-political blocs and, possibly, for-

mation of new ones.» According to him, the basis of the mini-NATO in the APR could be formed by the United States, Japan, India, and Australia, while this organization might «grow into a full-fledged Asian NATO that could also include South Korea, Philippines, and Thailand.» At the same time, Oganesyán considers that before the publication of the article «America's Pacific Century» by Hillary Clinton¹³, Washington «did not have an action plan to reach strategic goals in the APR.»

Russian political scientists are reconsidering a range of issues or potential consequences of “the U.S. return to Asia.” Perhaps, greatest attention is being dedicated to the current situation and the potential evolution of the Sino-U.S. relations, but also to the situation in the South China Sea, Sino-Japanese dispute over the possession of the Diaoyu (Senkaku) islands, and the state of affairs at the Korean Peninsula. Specialists on certain concrete issues have been far more active in discussions dealing with these problems than it has been the case with political scientists in general.

As it was noted by Ambassador Viktor Trifonov, Research Fellow at the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, “the U.S. return to Asia” was supplemented by further strengthening of the American military presence in the region. On January 6, 2012 at the Pentagon, President Obama expounded the new U.S. military strategy that will be focused on the APR and will be accompanied by a decrease of U.S. military activities in other regions of the world. In general, this strategy implies the overall strengthening of the navy and air-force components of the U.S. policy in the Pacific; further deployment of the regional AMD aimed at East Asia; consolidation of the military bases at Guam and Okinawa; increase in military assistance to the American allies in the APR. As it seems, a new powerful military complex is being established in the Southwest Pacific—stationing of 2,500 U.S. marines in Darwin, Australia, together with attached navy and air-force units. All this activity is directly aimed at China and the South China Sea region where the U.S. have undertaken a course of direct confrontation with PRC¹⁴. Russian press has actively responded to the news on the expansion of U.S. military presence in Australia. Articles with regards to this subject were published by one of the leading newspapers “Izvestiya,” as well as on many internet web-pages. It was also noted that the Russian Foreign Ministry is “focusing on the attempts to flare-up the situation in the APR.”¹⁵

We should also shed light on the existing substantial differences in the estimates of Russian experts on the current role of the “Taiwan factor.” Viktor Trifonov thinks that “Washington is not ready to abandon its line on the Taiwan issue which is still considered to be a very sensitive [issue] for the PRC” and this is corroborated by large sales of the latest American arms to Taiwan by the Obama administration. At the same time, Yana Leksyutina, lecturer at the Faculty of International Relations, University of Saint-Petersburg, emphasizes the process of deep erosion in the U.S.-Taiwan relations as a result of island's rapprochement with the mainland, thus making “the military cooperation between Washington and Taipei limited to arms sales.” According to her, at present “limits which the White House Taiwan policy is now facing are conditioned by the reluctance demonstrated by island s authorities.”¹⁶

In general, as it is considered by Andrey Davydov, fellow at the Institute for Far Eastern Studies, military-strategic factors, and not the economic ones, are gaining the upper hand in the Sino-U.S. relationship. Both sides have entered into a protracted period of setting-up a model of partnership which also contains elements of rivalry¹⁷. Probably, these circumstances make Sino-U.S. relations deeply contradictory. Open ambiguity can also be observed in China: positive attitude towards the United States among the Chinese population is falling (according to Pew Research Center, from 58 % in 2010 to 44 % in mid-2011)¹⁸, while negative assessments of the U.S. policy in Asia exist among Chinese experts. However, official Beijing tries, in every way, to shade the discrepancies in its relationship with Washington, whilst promoting the topic of “generally good bilateral relations.”

Russian experts are also paying a lot of attention to the role exercised by Japan and South Korea in the revival of the U.S.-sponsored military alliances in the APR. Anatoly Syomin, expert on Japan at the Institute for Far Eastern Studies, points to the first military agreement in the history of Japan-South Korea relations concluded in January 2011 (General Security of Military Information Agreement и An Acquisition and Cross Servicing Agreement) which testifies to the U.S. efforts to create a triple alliance directed against China¹⁹. As for Japan, Syomin portrays it as “Great Britain of the East” willing to become a nexus inside the system of military cooperation in the region that is being set up by Washington²⁰.

On the other hand, Aleksandr Zhebin, Head of the Center for Korean Studies at the Institute for Far Eastern Studies, totally puts the blame on the U.S. for the dramatic increasing of tensions on the Korean Peninsula in 2010. According to him, this was in the interest of those circles in Washington and Seoul that hoped to “accelerate the dissolution of the North Korean regime and establish control over the whole Korean Peninsula, directly aimed at reaching the land borders of China and Russia with its military machine.”²¹ However, by mid-2011 the Obama administration became aware that the tactics of applying direct military pressure against North Korea was unproductive. Therefore, new representative of the Secretary of State on North Korea was named, as well as the new head of the U.S. delegation at the six-party talks on North Korea’s nuclear program, while direct contacts between the U.S. and North Korea were also resumed²².

A number of Russian experts have analyzed in detail territorial disputes in the South China Sea between China and some ASEAN members. According to Yana Leksyutina, these disputes create a favorable environment for Washington to implement its policy of “the U.S. return to Asia.” On one hand, this increases American interactions with ASEAN, while, on the other, this policy attempts to contain China’s growing influence in the region²³. In the opinion of Vladimir Portyakov, deputy-director of the Institute for Far Eastern Studies, lack of concrete support inside the international community for China’s position on the territorial disputes in the South China Sea has poised Beijing to seek compromise solutions. As for one of these compromises—in order to concentrate its efforts on the preservation of China’s sovereignty over the Xisha (Paracel) and Nansha (Spratly) islands, Beijing made concessions on the issue of control of the sea itself²⁴. On February 29, 2012, Chinese Foreign Ministry spokesman confirmed this position and said that neither China, nor any other country insisted on the establishment of its sovereignty over the whole South China Sea²⁵.

“U.S. return to Asia,” American military build-up in the region, further complications in Sino-U.S. relations in the East and Southeast Asia regions mainly generated by Washington, all this, without any doubt, infringes upon the interests of Russia. Country’s leadership has stated its principled position. Moscow sets off from a necessity to preserve and improve its strategic partnership and interactions with China, but at the same

time without any intentions to renounce its policy of maintaining constructive relations with the U.S. and West as a whole. One group among Russia's expert community, while observing the developing situation in the Western APR, sees in this “a risk to be drawn into a superpower conflict,” as well as a possibility to, following Chinese wisdom, “sit on the top of the mountain and watch the tigers fight.”²⁶

Dmitri Trenin, Director of the Moscow Carnegie Center, considers that Moscow should avoid its unilateral orientation on Beijing and needs to deepen its ties with China's neighbors, particularly with India “Asia's second superpower as means of counterbalancing China.” He thinks Moscow will preserve its neutral stance towards a number of territorial disputes over China's Eastern and Southern periphery—dispute over Diaoyu/Senkaku islands and the South China Sea territorial issues.”²⁷

However, another viewpoint is much more present—necessity of preserving and deepening the course on all-round development of closer ties between Russia and China. Aleksandr Lukin, Vice-Chancellor of the Russian Foreign Ministry's Diplomatic Academy, is of an opinion that “thanks to ties with China and other Asian partners Russia could be at the centre of world influence”. China also needs Russia as a geopolitical and economic partner. “Beijing would like to see Russia as a counterbalance to its difficult relationships of partnership-rivalry with the United States and Europe and as a guarantee of its independent foreign policy.”²⁸ Head of the Institute for Far Eastern Studies, academician Mikhail Titarenko, invariably defends his standpoint that Russia and China “need each other as partners, while their interaction and good-neighborly relations exist as a mutual guarantee of territorial integrity and sovereignty of both countries”²⁹.

Notes

¹ Rossiyskaya Gazeta, Moscow, February 20, 2012.

² Vokrug nashei strany neprostaya obstanovka—zamestitel' ministra oborony ob ugrozah bezopasnosti RF : [There is complex situation around our country — Defense deputy minister speaks about security threats for Russian Federation] — Kommersant, Moskva, February 6, 2012.

³ Rossiyskaya gazeta, February 20, 2012.

⁴ Kommersant, February 6, 2012.

⁵ Moskovskie novosti, February 27, 2012.

⁶ Moskovskie novosti, February 27, 2012.

⁷ Lukyanov, Fyodor, *Rossiya v mire: 2012—2018* : [Russia in the World: 2012—2018], Moskovskie novosti, February 28, 2012.

⁸ Full version of the interview by the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov “Rossiya budet stabiliziruyuschim faktorom v ATR” : [Russia will be a stabilizing factor in APR], published in the newspaper *Izvestiya*, January 27 2012 URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/65BFD5087E327B44257992001F0CAD.

⁹ Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federacii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o vsestoronnem uglublenii rossiisko-kitaiskih otnoshenii partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya : [Joint statement of Russian Federation and the People’s Republic of China on comprehensive deepening of Russian-Chinese Relations of partnership and strategic interaction], *Problemy Dal’nego Vostoka*, Moskva, 2010, No. 6, pp. 3—10, here p. 9.

¹⁰ *Ibid.* P. 9.

¹¹ Mihnevich, Sergey, SShA v Aziyatsko-Tihookeanskom regione: liderstvo lyuboi cenoi : [U.S.A. in Asia-Pacific Region: Leadership at any price]. URL: <http://modem.politics.ra/2012/01/ssha-v-aziyatsko-tihookeanskom-regione-liderstv-lyubojj-c-enojj/>

¹² SShA okruzhayut Kitai vnimaniem : [China is “circled” by U.S.A. attention] — Beseda R Zhuravlyova s F. Lukyanovym, Radio “Golos Rossii”, February 11, 2012. URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/55813581/65596075.html

¹³ Oganesyan, Armen, Tihookeanskii vector SShA—“ya pridu i tebya oboimu,” *Mezhdunarodnaya zhizn'*, Moskva, 2011, December, p. 43. In quotations are words from a popular Soviet song that were used as the title (“I will come and hug you”). Word “oboimu,” grammatically wrong from verb “obnimu” [means I will hug you] was used as a game of words, as it sounds very similar to the surname of the U.S. President Obama.

¹⁴ Trifonov, Viktor. At the Round Table “The China Factor in Mutual Relations of the RF and U.S.A.” — *Far Eastern Affairs*, Minneapolis, U.S.A., 2012, No 3, pp. 30—32.

¹⁵ Yavlyanskii, Igor', Avstraliya poluchit zaschitu ot Kitaya. Novaya baza dlya 2.5 tysyach pe-hotincev vyzyvaet razdrazhenie v Pekine i voprosy v Moskve : [Australia will receive defense against China. Beijing and Moscow are unhappy with new base for 2,500 soldiers] — *Izvestiya*, February 1, 2012.

¹⁶ Voitenko, Eduard, Leksyutina, Yana, Taivan' mezhdru Kitaem i Amerikoi : [Taiwan between China and U.S.A.] — *Rossiya v globalnoi politike*, Moskva, 2011, No. 1, p. 118—120.

¹⁷ Davydov, Andrei, Kitaisko-amerikanskii otnosheniya na novom etape: chto vpered? : [Chinese — U.S.A. relations entering new stage: who is the leader?] — *Problemy Dal’nego Vostoka*, 2011, No. 4, p. 100.

¹⁸ Poll was done during the period March 18-May 15, 2011 by the Pew Research Center's Global Attitudes Project. URL: <http://www.pewglobal.org/2011/07/13/china-seen-overtaking-us-as-global-superpower>.

¹⁹ Syomin, Anatolii, SShA-Yaponiya-Yuzhnaya Koreya: trehstoronnii al'yans mozhet stat' real'nostyu? : [The alliance of U.S.A., Japan and South Korea may become reality?] — web page “Novoe Vostochnoe Obozrenie” URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/print/4430on> 18.02.2011.

²⁰ Syomin, Anatolii, Aziyatsko-Tihookeanskii region: SShA uhodit' ne sobirayutsya : [U.S.A. has no intention to leave Asia-Pacific Region] — URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/print/11296on> 02.03.2012.

²¹ Zhebin, Aleksandr, Koreiskii poluostrov: u opasnoi cherty : [Korean Peninsula is near the dangerous line] — Problemy Dal'nego Vostoka, Moskva, 2011, No. 1, p. 133.

²² Zhebin, Aleksandr, KNDR: kakim kursom? : [DPRK: What Course?] — Far Eastern Affairs, Minneapolis, U.S.A., 2012, No 2, pp. 18—37.

²³ Leksyutina, Yana, Obostrenie napryazhennosti v Yuzhno-Kitaiskom more: vzglyad iz YuVA, KNR i SShA : [Growing tension in South China Sea: A view from South-East Asia, China and U.S.A.] — Problemy Dal'nego Vostoka, Moskva, 2012, No. 5, p. 30—41, here p. 39.

²⁴ Portyakov, Vladimir. Certain Specific Features of China's Foreign Policy in 2009—2011 — Far Eastern Affairs, Minneapolis, U.S.A., 2012, No 2, p. 52.

²⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7744555.html>

²⁶ Gabuyev, Aleksandr, Belyaninov, Kirill, SShA menyayut Blizhnii Vostok na Dal'nii. Amerika podhodit k granicam Rossii so storony Azii : [U.S.A. are changing Near East for Far East. U.S. are coming to Russia's borders from Asian Side] — Kommersant, March 13, 2012.

²⁷ Trenin, Dmitri. True partners? How Russia and China see each other. — London, Centre for European Reform, 2012, pp. 46—47.

²⁸ Lukin, Alexander. Solid Basis for Partnership—Russia Beyond the Headlines. Distributed with “South China Morning Post,” Hong Kong, February 29, 2012.

²⁹ Round Table discussion at the journal Problemy Dal'nego Vostoka, “Menyayushchiysya Kitai v menyayushchemsya mire” : [Changing China in the Changing World] — Moskva, 2011, No. 1, p. 121.

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS DURING XI JINPING LEADERSHIP: CURRENT STAGE AND FUTURE PROSPECTS

State visit to Moscow paid on 22—23 March 2013 by Xi Jinping, the newly elected Chairman of the PRC, has caused wide public interest towards present-day Russian-Chinese relations, and possible options for their future development.

In chapter presented below I try to observe briefly the current stage of bilateral relations between the Russian Federation and the People's Republic of China, to analyze the stimuli for their further development provided by the 18th Congress of the CPC, as well as by new Foreign Policy Concept of Russia adopted in February, 2013, and to look at the possible impact of major factors, framing Russian-Chinese relations.

Current stage

It is well known that for a historically short 20-years period, the relationship between the Russian Federation and China have passed a way from “friendly status” (1992) to the relationship of “comprehensive equal partnership of trust and strategic cooperation” (2012). For more than a decade after the signing on the July 16, 2011 Treaty of Good-Neighborhood, Friendship and Cooperation between Russia and China, Moscow and Beijing invariably characterise the state of bilateral relations as the “best in history”, qualifying them as “a relationship of mutual support and joint efforts for the common prosperity, friendship, transmitted from generation to generation.”¹ Often further is argued that the positions of the two countries on most international issues are “similar or identical”, that the economies of Russia and China complements each other well, that Moscow

and Beijing has no any problem now or “any problem that can not be solved’, or, at least, that” there is no conflict of core interests. “. However, both parties recognize that Russian–Chinese relations are manifested occasionally divergent interests and certain friction, especially in the trade and economic sphere, that they need a major expansion of the social base and require a substantial increase in the level of mutual trust. This means that the maintenance of already achieved sufficiently high level of bilateral relations and their further development is not guaranteed a priori and can not be implemented automatically. On the contrary, only the constant multilevel work of both sides can give the desired result.

Russian-Chinese relations in the context of Russia's and China's foreign policy goals

Particularly important role here belongs to the leaders of Russia and China and to their vision of the place and role of both countries in the world, to their expectations from the partner state. Objectives of China's foreign policy, delivered by the 18th Congress of the CPC, can stimulate further development of relations between China and Russia. In the sphere of practical politics, Congress proclaimed a policy of “creating a new type of relations between big powers” and mutually beneficial cooperation with neighboring countries. China's relations with Russia are completely contained in these two strategic vectors of Beijing' international activities. According to the report by Hu Jintao, the additional areas of China's interaction with Moscow quite well may be cooperation in formats G-20, the SCO and BRICS, upholding universal values of the UN Charter and cooperation in the UN Security Council, promoting a multi-polar world².

While the new Foreign Policy Concept of Russia, approved by Vladimir Putin on February 12, 2013, declares totally independent and sovereign role of Russia in international affairs, it also confirms the priority development of relations with Beijing. As noted in the document, Russia will actively develop cooperation with China in all areas, “including responses to new threats and challenges, addressing the most pressing regional and global challenges.” It was also stressed that Russia considers its cooperation with China in foreign policy as one of the basic factors of international stability³.

Xi Jinping' visit to Moscow

A commitment to further deepening of bilateral cooperation in all possible directions was fully demonstrated during the visit of Xi Jinping to Moscow in March 2013. Both sides readily emphasized symbolic meaning of the fact that Xi Jinping started his foreign trips as a full head of state from Russia. By the number of documents signed — 35 — this visit was one of the most productive in the entire twenty years of an exchange of visits by the heads of the Russian Federation and China.

However, it is necessary to stress the obvious importance of cooperation agreements in various segments of agriculture, which open the possibility of Russian grain exports to the Chinese market. It must be noted in connection with the agreements reached during the visit of Xi Jinping, that forecasts were announced about an increase in the foreseeable future of Russian oil supplies to China from the current 15—16 million tones to 50 million ton⁴. In addition, the Chinese partners were invited to participate in the development of oil and gas project “Sakhalin-3”⁵.

It seems that Russia and China are seeking to fulfill as soon as possible the task of converting the achieved level of political relations into the results of practical cooperation in the economic, humanitarian and other fields, set in the Joint Statement of 22 March 2013.

The international part of the Joint Declaration also sounded weighty. It called all states to “respect diversity of the world civilizations and multiple ways of social development”, “promote the establishment of a new concept of universal, equal and indivisible security based on mutual trust.”⁶

Following the visit of Xi Jinping to Russia, two countries announced their intention to elevate bilateral relations to “a new phase of a comprehensive equal partnership of trust and strategic cooperation, mutual support, common prosperity and friendship” (Sovmestnoe zayavlenie, 22.03.2013).

Russian-Chinese relations in experts' opinion

Commenting the results of Chinese leader's visit to Moscow, some Russian experts expressed confidence in the progressive development of Russian-Chinese relations. According to Dmitry Mosyakov from the Institute of Oriental Studies, China is increasingly becoming for Russia economic and political alternative to the West⁷. This approach may prevail in

Russia, if not absolutely, but at least relatively. However, it is not the only one. In Russian expert community nowadays there are quite wide-ranging views on the prospects of Russia's relations with China.

As in the 1990s, Professor Alexei Voskresenski continues to consistently advocate the middle, balanced position of Russia between China and the West. In his opinion, “due to carrying the burden of great power status, Russia can probably never get on the USA / Western bandwagon just as it had opted not to get on the China bandwagon in the Beijing consensus game during Medvedev's presidency”⁸.

Academician Alexander Dynkin spoke in favor of closer cooperation between Russia and the EU “in the rapid growth of the two giants — the U.S. and China”⁹. In the articles by Vladislav Inozemtsev the discontent on “excessive rapprochement” between Russia and China is articulated openly. As an alternative, he suggests a multi-vector approach to the rise of the eastern regions of Russia with broad involvement of USA, Japan, Republic of Korea¹⁰.

In China also there are points of view different from the official mainstream. So, Yan Xuetong from Tsinghua University believes that the world is moving towards the formation of not multi-polar, but bi-polar system with the U.S. and China as the poles. In order to achieve the status of one of the two poles, China needs to design an alliance with Russia¹¹. This union, says Yan Xuetong, corresponds to the interest of strategic security of both countries and, at least, does not cause any harm to any of them. Russia also needs it as a “return of Vladimir Putin to the presidency means that Western pressure on Russia will not decrease, but only increase”¹².

Objections to the establishment of Russian-Chinese alliance in any form are distributed both in Beijing and Moscow. According to the director of the Moscow Carnegie Center, Dmitri Trenin, “only a blind and bellicose policy by Washington can, in theory, prompt China and Russia to form an anti-US alliance. Today, such a scenario appears highly unlikely”¹³.

Major factors which may influence future prospects of Russian-Chinese relations

So called “scenario approach” analyzing the major factors of bilateral relation, may help to arrive at a more reasonable and reliable conclusions about the future nature of Russian-Chinese relations.

The most fundamental of these factors include geographical proximity, the history of relations between the two countries (in terms of its projections for the future) and the evolution of the geopolitical position of Russia and China.

Also very important are such factors as economic cooperation, the ratio and the absolute scale of the economic potential of the two countries, and their mutual perception.

Russia and China have notably different interpretation of the history of bilateral relations in various periods. According to the Chinese version, in the 1850s-1860s Imperial Russia forced the Qing China to sign several unequal treaties, according which Russia “illegally received 1.5 million square km of Chinese territory”. According to a number of prominent Russian sinologists, really unequal was the first treaty concerning the two countries' territorial demarcation — Nerchinsky treaty in 1689, imposed on Russia by force of arms. So, in the mid of 19th century, the historical justice was restored.

We can not exclude further unwinding of “unequal treaties” theme in China, especially in the context of Xi Jinping statements on the “Chinese Dream”, which means the revival of China and the Chinese nation. Growth of nationalism and irredentist sentiment in China may have a deterrent effect on the Russian-Chinese relations.

As for the relations of the Soviet period, the stumbling blocks are, first, the various estimates of the Treaty on Friendship, Alliance and Mutual Assistance signed in 1950 (Chinese qualify this treaty as unequal) and different interpretations of the clashes in the Soviet-Chinese border in 1969. **In my opinion, the consistent implementation in the bilateral relationship of Deng Xiaoping's idea “to close the past and open the future“can gradually reverse the negative effects of historical factors on the relationship between Russia and China.**

Geographical proximity can operate “in the black” and “in the red” as it did with the Soviet Union and China in the 1960's — 1970's, when Moscow and Beijing have spent huge amounts of money to protect one from another. Strong economic influence of China in a number of border regions of the Russian Federation arranges some citizens of Russia and worries others. Frequent interpersonal contacts, tourism development and cooperation in the humanitarian sphere can partly alleviate concerns among the Russians of a «Chinese coming» However, **the huge difference in the**

number of inhabitants of the border areas of the two countries will remain for Russia in its relations with China the factor with a «minus» for the foreseeable future.

Among **geopolitical factors**, the most significant impact on the Russian-Chinese relations may have two: the U.S.' and Central Asian.

Simultaneous **U.S.A.** pressure on China and Russia in the late 1990s helped to bring the two countries together. In part, we can observe the same situation today. However, in the triangle formed by Russia, the U.S., and China, not a primitive law of communicating vessels, but complex realities of the world economy and politics are working. In a sense, we can speak about the opposition of the “economy” (the Sino-US relations) to “politics” (Russia-US talks on the reduction of strategic offensive weapons), but there is also a lot of policy in Chinese-American relations, especially after the declaration of Washington in 2009 on “the return of the U.S. to Asia.”

To the satisfaction of Beijing, in 2012 Russia has declared its non-participation in any schemes surrounding China. However, relations with the U.S., which are often categorized as “major bilateral interstate relations in the modern world”, remain for China more important than the relationship with Russia. Twelve issues of magazine “Zhongguo waijiao” (China's Diplomacy) in 2012 published 24 articles devoted to China's relations with the United States, and to China's relations with Russia — only 4. **However, the self-sufficiency of the Russian-Chinese relations makes them largely independent from the relations between China and the U.S.A.**

In Central Asia, Russia and China for the foreseeable future will have the common interests, such as ensuring stability in the region, the fight against drug trafficking, and neutralization of excessive presence of extra-regional forces, activation of the SCO. **The “confrontation” between the two powers in the region, predicted sometimes, is unlikely.**

Among other geopolitical factors, relations of Russia and China with India, Vietnam, Japan and Mongolia should be mentioned. From time to time both Moscow and Beijing demonstrate displeasure over some aspects of strategic partner' ties with this or that country.

But such displeasure may create only temporary friction at the largest, but can not lead to a serious deterioration of Russian-Chinese relations.

The growing gap in the economic power of Russia and China is a factor in some way hindering closer union of the two countries.

Russia's GDP in 2012 was \$ 62.35 trillion rouble or 13 trillion RMB — just a quarter of the GDP of China. The ratio of foreign trade of the two countries in 2012 was 4.6:1 on overall turnover (US\$ 3,866.76 billion in China and US\$ 837.3 billion in Russia), including 3.9: 1 in export (2048.93 billion in China and 524.7 billion for Russia) and 5,8:1 in import (1817.82 billion in China and 312.6 billion in Russia). Some citizens in Russia, which only two decades ago was ahead of China in most economic data, see such a situation as a real danger of turning the country into an appendage of China, or at least getting into a multifaceted dependence on it, including the dependence in export of energy resources and in import of the widest range of consumer and investment goods.

The current structure of the bilateral trade reflects the role of the two countries in the international division of labor. In 2012, the share of oil and oil products in Russia's exports to China amounted to 66.8 %, while the share of machinery and equipment was only 0.7 % (\$ 315 million). The share of machinery and equipment in Russian import from China accounted for 42.4 % and the absolute amount of their entry into the Russian Federation — \$ 18.7 billion is quite impressive¹⁴.

However, if such a situation can be corrected, it is only very gradually, following the re-industrialization of Russia and the creation of the processing industry of large scale and differentiated by structure. In the short term, the current trade pattern will change only slightly. It seems that it is in the interests of powerful pressure groups in both countries.

Future prospects of Russian-Chinese Relations

In summary, we can conclude that three scenarios for the development of Russian-Chinese relations in a decade-long term are possible.

Our approach is based on the ordinary logic, that every process in human society, including interstate relations, has only four possible options of future development: improvement (elevation to higher stage), maintaining the same quality, deterioration, and, finally, disappearance (when process stops to exist).

I suppose that in ten years perspective both China and Russia remain on the world map, and their bilateral relations will have prolongation. So, actually we have three possibility.

Firstly, “status quo” scenario. It will be characterized by prolongation of current trends in the key areas of cooperation. This scenario most likely will mean further change in the PRC favor in ratio of economic parameters of the two countries and the gradual expansion of China's presence in the Russian market. But two countries despite some small frictions will, nevertheless, rather effectively support each other in international arena, and the volume of their bilateral trade and economic ties will demonstrate more or less sustainable growth. This scenario is basic one.

Next — a scenario of significant deterioration of relations due to a change in the geopolitical situation and/or because of the growing tensions on certain issues. The script is disadvantageous either for Russia or for China. Hardly it may happen, but it should be just mentioned according to the principle “never say never”.

The third scenario — a significant deepening of the comprehensive partnership and principal increase of mutual trust between leadership and people of the two countries, consistent interaction on most international issues, growing scale and diversification of trade and economic cooperation between Russia and China. Rather, it will not be implemented in full to 2020—2022 (at least for technical reasons), but the movement in that direction would be valuable in itself.

In order to realize this scenario, Russia and China should achieve an agreement for formal alliance of some kind. Up to now, it seems like neither Moscow nor Beijing is ready to make such step.

So, probability of these three scenarios (from 100 % in total), in my rough estimate, is 70 %, 5 % and 25 %.

Notes

¹ Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o dal'neishem uglublenii rossiysko-kitaiskih otnoshenii vseob'emliushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya. 05.06.2012 (Joint Statement of Russian Federation and the People's Republic of China on further deepening of Russian-Chinese relations, characterised by comprehensive equal trustful partnership and strategic interaction. — “Problemy Dal'nego Vostoka” (“Far Eastern Affairs”), 2012, No 4, pp. 3—7.

² Hu Jintao. Jianding bu yi yanzhe Zhongguo tese shehuizhuyi daolu qianjin, wei quanmian jiancheng xiaokang shehui er fendou — Zai Zhongguo gongchandang di shiba

ci quanguo daibiao dahui shang de baogao. 2012 nian 11 yue 8 ri (Report by Hu Jintao to 18th CPC Congress).

³ Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiyskoi Federatsii (Conception of Russian Federation's Foreign Policy) 12.02.2013 — *Nezavisimaya gazeta*. 04.03.2013.

⁴ Skosyrev, V. Kitai stanet glavnym pokupatelem nefi RF (China becomes the largest oil buyer from Russia) — *Nezavisimaya gazeta*, 25.03.2013.

⁵ Latukhina, K. V Moskvu! V Moskvu! Svoi pervyi visit predsedatel' KNR Xi Jinping sovershil v Rossiyu. (To Moscow! To Moscow! Chairman of the PRC Xi Jinping payed his first visit abroad to Russia) — *Rossiyskaya gazeta*, 25.03.2013.

⁶ Sovmestnoe zayavlenie Rossiyskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o vzaimovgodnom sotrudnichestve i uglublenii otnoshenii vseob'emlyshchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya (Joint Declaration by Russian Federation and the People's Republic of China on mutually profitable cooperation and deepening the relationship of comprehensive partnership and strategic interaction). Moscow, 22.03.2013.

⁷ Euronews Channel (in Russian). 25.03.2013.

⁸ Voskresenski, A. "The Structural Stages of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage" — *Eurasian Review*, Institute of Eurasian Studies, Kookmin University, Seoul, Volume 5, November 2012.

⁹ Dynkin, A. Pantin, V. Mirnoe stolknovenie. SShA i KNR: za kakoi model'yu budushchee? (Peaceful Clash. U.S and China: to which model the future belongs?). "Rossiya v global'noi politike", Vol. 10, No 2, 2012.

¹⁰ Inozemtsev, V. Daleko idushchiy Vostok — (The East that go very far) — "Ogoniok", 2012, No 46, pp. 18—19.

¹¹ Yan Xuetong. The weakening of the unipolar configuration — In: *China 3.0*. (European Council on Foreign Relation. London. 2012). P. 112—117.

¹² Yan Xuetong. Eluosi kekao ma? (Is Russia reliable enough?) — *Zhongguo waijiao*, 2012, No 10, pp. 52—54.

¹³ Trenin, D. "Beyond the symbolism of State visit. China-Russia relations have come a long way since the days of the Soviet bloc" — *China Daily. European Weekly*. March 22—28, 2013, p. 10.

¹⁴ Calculation of author based on the data of China's customs statistics.

Summary

The purpose of the book by famous Russian specialist on contemporary China Vladimir Portyakov is to analyze the main features of the foreign policy of the People's Republic of China in the first 15 years of 21st century.

The concept of “peaceful rise” of China, which became the true dominant of country's positioning in the international arena in these years, had been studied.

China's foreign policy in 2009—2012 is analyzed in detail. It is shown that the growth of China's confidence in its own abilities, coupled with the strengthening of its role in the world economy and relative weakening of U.S. influence due to the global economic crisis, had pushed Beijing in 2009—2010 for tighter defending its positions and interests in the international arena, particularly in disputes over sovereignty over some islands in the East China and South China seas.

It was revealed that after the negative reaction of neighboring countries and the U.S. announcement of a “return to Asia”, Beijing made some correction in foreign policy and strengthened in 2011—2012 the focus on its commitment to the “path of peaceful development.”

The foreign policy doctrine of the 18th congress of the ruling Communist Party of China (November 2012) was studied. It is oriented to guarantee the further growth of the comprehensive national power and geopolitical influence of China.

The contours of foreign policy of the fifth generation of the country's leaders, headed by Xi Jinping, up to 2022 have been analyzed. The conclusion is made that the new team is not inclined to remain in the “Procrustean bed” of predecessors policy and gives priority to the implementation of own ideas and concepts, especially the “Chinese dream.”

The distinctive feature of the book is an attempt to analyze China's foreign policy through the prism of Deng Xiaoping recommendations, in full version consisting of 28 characters: “calmly and quietly watch, consolidate shattered positions showing restraint, cope with difficulties, keep a low profile and try not to approve itself, adhere to own views, no matter how awkward, and not to advance to first place, but take a proactive role when feasible”. The history and circumstances of Deng Xiaoping' foreign policy legacy formation in the late 1980s — early 1990s are described. The study in China of Deng Xiaoping' recommendations as a long-term strategic course of the country on the international arena, as well as the interpretation of these ideas in the United States and debate in the PRC about the need to follow nowadays the formula of “keep a low profile while doing something real,” or abandon it as obsolete, have been analyzed.

The final conclusion is made that the international activities of China at present objectively are going beyond the scope of restrictions, imposed by Deng Xiaoping's formula. Under the new leadership of the country, any mention of Deng' foreign policy legacy has completely stopped. China, in contrast to the main Deng's behest, finally “came out of the shadow” and become increasingly active in all regions of the world and all spheres of international life.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их интерпретация	9
Глава 2. Внешняя политика КНР в 2002—2008 годах	32
Глава 3. Консолидация российско-китайского стратегического партнерства (1992—2007)	38
Глава 4. Российско-китайские отношения в 2008 году	59
Глава 5. О некоторых препятствиях на пути углубления стратегического партнерства между Китаем и Россией	79
Глава 6. Основные особенности внешней политики Китая в 2009—2011 годах	88
Глава 7. Российские оценки «возвращения» США в Азиатско-Тихоокеанский регион	116
Глава 8. Основные особенности внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 году	128
Глава 9. Приход к власти пятого поколения лидеров КНР и российско-китайские отношения	143
Глава 10. Влияние украинского кризиса на российско-китайские отношения: современные тенденции и перспективы	152
Глава 11. Перспективы дальнейшего возвышения и внешней политики Китая	178
Заключение	189

Приложение. Англоязычные версии ряда глав монографии:

Deng Xiaoping's Legacy on Chinese Foreign Policy and its Interpretation	190
Consolidating Russian-Chinese Strategic Partnership (1992—2007)	211
Major Features of China's Foreign Policy in 2009—2011	230
Russian Assessments of U.S. “Return” to the Asia-Pacific Region	255
Russian-Chinese relations during Xi Jinping Leadership: Current Stage and Future Prospects	266
Summary	275

ПОРТЯКОВ Владимир Яковлевич

Специалист по широкому кругу проблем современного Китая.

В 1970 г. окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности «географ-экономист». Кандидат исторических наук (1978), доктор экономических наук (1999), профессор по специальности «Мировая экономика».

Работал в Торгпредстве СССР в КНР, в Посольстве СССР и России в Китае, Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. В настоящее время — заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Автор индивидуальных монографий «Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития» (1995); «Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина» (1998); «Экономическая политика Китая в 1990-е годы» (1999, на английском языке); «Экономическая реформа в Китае» (2002); «От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века» (2006); «Становление Китая как ответственной глобальной державы» (2013).

E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

Vladimir Portyakov

Specialist in contemporary China studies.

V. Portyakov graduated from the Moscow State University, specialty “economic geography”, in 1970. Candidate of Science (History) (1978, International relations of China), Doctor of Economics (1999, Modernization and economic reform in China under Deng Xiaoping), Professor (World Economy).

The service record includes work at the Trade Representation of the Soviet Union in the PRC, the Soviet / Russian Embassy in China, and Institute for Economic Studies of the World Socialist System at the USSR Academy of Sciences, while the currently taken positions are: Deputy Director, Institute of the Far Eastern Studies at Russian Academy of Sciences and Editor-in-Chief of the “Far Eastern Affairs” journal.

Vladimir Portyakov is the author of individual monographs: “China: the search for ways of socio-economic development” (1995); “China’s economic policy in the era of Deng Xiaoping” (1998); “The economic policy of China in the 1990s” (1999, in English); “Economic reform in China” (2002); “From Jiang Zemin to Hu Jintao: China at the beginning of the 21st Century” (2006), and “The formation of China as a responsible global power” (2013).

E-mail: portyakov@ifes-ras.ru

Научное издание

Портяков Владимир Яковлевич

**Внешняя политика
Китайской Народной Республики
в XXI столетии**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 15.07.2015.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 17,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 11

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
г. Москва, Нахимовский пр., 32

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.